

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АРГЕНТИНЦЕВ

Феликс Луна

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ
АРГЕНТИНЦЕВ

Breve
HISTORIA
de los argentinos

Félix Luna

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АРГЕНТИНЦЕВ

Феликс Лўна

Перевод с испанского

ВЕСЬ
МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2010

УДК 94(82)
ББК 63.3(Арг)
Л 84

Перевод с испанского: *А.С.Шишков*

Научный редактор русского издания и автор Послесловия:
г.и.н. В.П.Казаков

Редактор:
к.и.н. О.А. Зимарин

Куратор серии «Национальная история»:
к.и.н. Л.М. Троицкая

Данная работа опубликована в рамках Программы «СУР»
по поддержке переводной литературы Министерства иностранных дел,
международной торговли и культа Республики Аргентина

Перевод книги на русский язык выполнен по изданию:
Félix Luna. Breve historia de los argentinos. 4ª edición. Grupo Editorial Planeta.
Buenos Aires, 2009.

На обложке: Памятник генералу Хосе де Сан-Мартину
в Буэнос-Айресе (1862), работы французского скульптора
Луи Жозефа Домá (1801 – 1871)

ISBN 978-5-7777-0491-7

© Felicitas Luna, 2010
© Перевод на русский язык,
Издательство «Весь Мир», 2010

Содержание

О Феликсе Лúне и его «Краткой истории аргентинцев»	9
От издательства	
Предисловие	14
I. Скромное начало	19
Врата Буэнос-Айреса	20
В обход закона	23
Ревность и соперничество	26
Способность объединять	28
Политическая организация	31
Индейцы	34
II. Колониальный период	37
Эстансии	37
Иезуиты	40
Перемены	43
Вице-королевство	44
Процветание	46
Креолы	50
Английские вторжения	51
III. 1810 год и его последствия	55
Новая династия	55
Революция	58
Революция в провинции	60
Перемены	62
Военные аспекты	64
На пути к относительной демократии	69

IV. В поисках политической формулы	71
Юридические новшества	72
Буэнос-Айрес и провинции	73
Независимость	76
Неформальная организация	78
Война с Бразилией	81
Гражданская война	83
Письмо из асьенды Фигероа	85
V. На пути к национальному объединению	89
Росас	89
Конституции	92
Битва при Монте-Касерос	94
Раздельное существование	97
Национальное правительство	100
VI. Институционализация	103
Ситуация в мире	104
Политические механизмы в Аргентине	105
Иммиграция	109
Трудности	112
Пшеница и холодильники	114
Важнейший год	117
VII. Строительство современной Аргентины	119
Прекрасные времена	119
Проект создания нации	121
Идеология	123
Долги	126
Иммиграция, образование и мир	127
Национальное государство	129
Оппозиция	130
Цена прогресса	132
VIII. Демократия радикалов	135
Гражданский радикальный союз	135
Революция	137
Расплывчатость программы	140
Первые выборы	141
Действия правительства	143
Гегемония радикалов	144
IX. Революция 1930 года	147
Плебисцит	147

Особый момент	149
Насилие	151
Странные выборы	152
Заговор	153
Выборы и запреты	155
Последствия	156
X. 1930-е годы	159
Страшный мир	159
Хусто	161
Нечестные выборы	162
Ортис	164
Кризис	165
Договор	168
Общество	169
Хорошее десятилетие?	171
XI. Революция 1943 года	173
Тоталитарные режимы	173
Незаметные изменения	174
Группа объединенных офицеров	177
Перон	180
17 октября	181
Избирательная кампания и выборы	183
XII. Апогей режима Перона	185
Экономика	186
Смена курса	189
Политическое развитие	192
Эвита	195
Конституция 1949 года	195
Международная ситуация	197
Оппозиция	198
XIII. Падение режима Перона	201
Организованное общество	201
Ректификация	202
Отказ от Третьего пути	204
Ужесточение политики Перона	206
Конфликт с церковью	208
XIV. «Освободительная революция»	215
Сентябрь 1955 года	216
Провал Лонарди	218

Арамбуру и конец неопределенности	219
Главные общественные проблемы	221
Избрание Конституционного собрания и президентские выборы	222
Тяжелое наследие	225
XV. Хрупкая демократия	227
Десарольистский опыт	228
Зависимые президенты	231
Правительство «длинных палок»	233
Кампора в правительстве, Перон у власти	236
Переворот, темная ночь Республики	238
Несовершенная демократия	240
Демократическая весна	241
Неолиберальный проект Менема	243
Фернандо Де ла Руа: неоправданные надежды	246
Кризис 2001 года и неопределенное будущее	248
XVI. Уроки истории	251
Федерализм	252
Демократия	254
Конфликты и гармония	256
Америка и Европа	258
Узнать лучше	262
Аргентина — поиски места в быстро меняющемся мире. Послесловие (В.П. Казаков)	265
Хронологическая таблица	273
Карты:	
Аргентина: административно-территориальное деление	18
Аргентина в начале XX века	264

О Феликсе Лúне и его «Краткой истории аргентинцев»

От издательства

Многогранное творчество замечательного аргентинского историка, писателя, поэта и журналиста Феликса Лúны (30.11.1925 — 05.11.2009), к сожалению, почти неизвестно в России. За одним, пожалуй, исключением. В качестве музыкальной заставки к любимой всеми нами телевизионной передаче «В мире животных» использована великолепная песня «Паломничество» Ариэля Родригеса (в оранжировке Поля Мориа), написанная на слова Феликса Лúны. Быть может, и «Краткая история аргентинцев» станет такой же узнаваемой «заставкой» для каждого, кто захочет ближе познакомиться с аргентинской историей, понять характер и самосознание народа этой замечательной страны, которая пока ассоциируется нами в основном с танго, гаучо, футболом и стейком. Лúна не успел написать предисловие к русскому изданию своей, пожалуй, наиболее известной в Аргентине книги. Поэтому мы чувствуем себя обязанными предпослать авторскому тексту издательское предисловие.

Есть еще две причины, заставившие издательство обратиться к читателю. Во-первых, книга издана в год, когда Аргентина празднует двухсотлетний юбилей обретения независимости. Поскольку работы аргентинских историков на русский язык до сих пор не переводились (!), мы полагаем необходимым объяснить, почему

именно книга Лу́ны открывает (надеемся) ряд таких публикаций, причем в юбилейный для Серебряной страны год. Во-вторых, она посвящена не просто истории страны (как большинство книг серии «Национальная история»), но истории ее народа — *аргентинцев*. В нашей коллекции уже вышли в свет «Народная история США» Говарда Зина, «История сербов» Симы Чирковича и готовится к печати «История итальянцев» Джулиано Прокаччи, так что это не первое отступление от более привычных названий книг серии. Тем не менее, эту пусть и весьма «формальную» необычность стоит прокомментировать.

Любой юбилей — повод для подведения итогов, а уж такая дата как двухсотлетие обретения независимости — особая причина для историков суммировать национальные успехи в изучении прошлого страны. Не случайно в канун этой даты вышел в свет интересный труд Фернандо Давото и Норы Пагано «История историографии Аргентины»¹, к которой мы с удовольствием отсылаем тех, кто глубоко интересуется данным вопросом. Отметим лишь, что аргентинская историография действительно весьма развита и концептуально богата. Тем не менее, именно книга Лу́ны стоит особняком среди других. И, пожалуй, главное, что ее выделяет — яркая личность автора, его высокий авторитет в стране и то немалое влияние, которое он оказывал на настроения аргентинцев.

Феликс Лу́на родился в 1925 г. в Буэнос-Айресе. Всю жизнь он чувствовал себя настоящим буэносайресцем — портеньо, хотя корни его семьи уходят в провинцию Ла-Риоха. Дед будущего историка был одним из активных деятелей партии Гражданский радикальный союз (ГРС) с момента ее возникновения в 1891 г. и основал отделение партии в Ла-Риохе. А дядя историка — Пелагио Лу́на в 1916–1919 гг. занимал пост вице-президента Аргентины, составив пару президенту Иполито Иригойе. Именно книга об Иригойене (*De Historia: Yrigoyen*, 1954)² откроет ряд исторических биографий, написанных Луной. Принадлежность семьи к политической и интеллектуальной элите во многом определила жизненный путь и политические пристрастия самого Феликса Лу́ны. В 1951 г. он окончил юридический факультет Университета Буэнос-Айреса.

1 Devoto Fernando; Nora Pagano. *Historia de la Historiografía Argentina*. Buenos Aires: Sudamericana, 2009.

² Полный список работ Феликса Лу́ны можно найти на сайте журнала *Todo es Historia*: <http://www.todoeshistoria.com.ar>, редакционную коллегию которого ныне возглавляет его дочь Фелиситас Лу́на.

Но занятия юриспруденцией, равно как и политика не стали главным делом его жизни, хотя после свержения президента Хуана Доминго Перона в 1955 г. он получил заметный пост в министерстве труда в правительстве и несколько лет провел на государственной и дипломатической службе. Больше всего Лúну интересовали современная аргентинская история и литература. Вслед за первой историко-биографической книгой об Иригойене вышла в свет биография соперника Иригойена — Марсело Альвеара (*Alvear*, 1958), были написаны книги о Роберте Ортисе (*Ortiz*, 1978) и Хулио Роке (*Soy Roca*, 1989). Среди наиболее заметных работ Лúны нужно назвать книгу «Каудильо» (*Los caudillos*, 1966), в которой автор рассмотрел типично латиноамериканский феномен вождизма, а также получившую широкую известность книгу «45-й год» (*El 45*, 1968), посвященную ключевому моменту в аргентинской истории XX в. Ему принадлежат и такие фундаментальные работы как трехтомник «Перон и его время» (*Perón y su tiempo*, 1984 — 1986), десяти томная «Общая история аргентинцев» (*Historia Integral de los Argentinos*, 1994 — 1998), без упоминания которых не обходится ни одно современное исследование. Наконец, отметим и «Краткую историю аргентинцев», впервые увидевшую свет в 1993 г. и с тех пор многократно переиздававшуюся в Аргентине и других странах мира. Кроме монографических работ, Феликс Лúна является автором многочисленных очерков, посвященных различным сюжетам не только аргентинской, но и латиноамериканской истории.

Исторические сочинения Лúны отличает доступный повествовательный и в то же время эмоциональный стиль изложения. Хотя автору и чужд сухой академизм, он стремится к объективному, «непартийному» взгляду на перипетии политического развития страны, о чем откровенно пишет в своем введении и заключительных главах настоящей книги.

Имея за плечами десяток фундаментальных томов, Феликс Лúна считает для себя возможным написать «Краткую историю аргентинцев» в лекционном жанре. Он просит читателя представить, что автор разговаривает с ним, призывает попытаться услышать интонацию своей речи. Нам, незнакомым с журналистской ипостасью автора, это трудно вообразить, но не аргентинцам. Ведь Лúна для соотечественников — не только пишущий историк, но и говорящий, он много лет вел популярные теле- и радиопередачи, посвященные событиям прошлого и сегодняшнему дню Аргентины. Аргентинцам легко представить его голос, интонацию, даже жесты.

Конечно, такой жанр чреват издержками для читателя незнакомого с деталями истории страны. Поэтому в конце русского издания мы поместили текст научного редактора книги, доктора исторических наук Владимира Петровича Казакова «Аргентина — поиски места в быстро меняющемся мире» и «Хронологическую таблицу» событий аргентинской истории. Они помогут российскому читателю компенсировать некоторые извинительные «вольности» автора, с лихвой искупаемые тем своеобразным духом аргентинской истории, который он стремится передать.

Говоря о таланте Лу́ны-рассказчика, мы должны упомянуть его двадцатипятилетний опыт преподавания истории в Университете Буэнос-Айреса и Университете Бельграно, занятия литературой и журналистикой. Уже в 1957 г. он получил свою первую литературную премию за повесть «Расстрел» (*La fusilación*). Лу́на написал четыре книги исторической беллетристики: «Последний монтонеро» (*La última montonera* 1955), «Ночь Альянса» (*La noche de la Alianza*, 1963), «Мартин Алдама: солдат независимости» (*Martín Aldama: un soldado de la independencia*, 2001), «Возвращение Мартина Алдама» (*La vuelta de Martín Aldama*, 2003). Стоит еще раз напомнить о том, что он был и очень известным, как говорят у нас в России, поэтом-песенником. Его совместное творчество с композитором Ариэлем Родригесом и оригинальной фольклорной певицей Мерседес Соса выразилось в нескольких циклах песен, превратив Мерседес в культовую вокалистку для всей Латинской Америки.

Однако вернемся к опыту занятий Феликса Лу́ны письменной журналистикой. Почти десять лет (1964–1973) он еженедельно публиковал свою колонку в ведущей газете страны «Кларин», а в 1967 г. стал основателем и бессменным главным редактором журнала «Все есть история» (*Todo es Historia*), который был его любимым детищем.

Многобразная научная, литературная и просветительская деятельность Феликса Лу́ны получила широкое признание в Аргентине и за рубежом. Об этом признании свидетельствуют многочисленные полученные им национальные премии (в том числе в разных номинациях престижная премия *Premio Kónex*), звание почетного гражданина Буэнос-Айреса, ордена и почетные (в том числе научные) звания, присвоенные ему во Франции, Бразилии, Чили, Перу, членство в аргентинских и международных академиях.

Одним словом, если и знакомить российского читателя с аргентинскими историками, то начинать надо именно с Феликса Лу́ны, потому что нет среди профессиональных историков страны человека, чьи взгляды были бы столь же влиятельны, и кто мог бы в такой же мере претендовать на то, что знает характер своего народа.

Именно поэтому из трудов Лу́ны мы издаем «Краткую историю аргентинцев». Мы считаем достоинством книги выбор истории народа, а не страны (хотя это весьма условное различие), в качестве главного героя повествования. Публикуя книги в рамках своей серии «Национальная история», мы не просто стремимся осветить события истории той или иной страны — для этого подойдет хорошая книга, написанная любым историком-специалистом, при этом не важно, кто он по национальности и гражданству. Сверхзадача серии состоит в ознакомлении русского читателя с разными *отечественными* историями стран мира. Для нас важно увидеть прошлое другой страны глазами тех, для кого оно не просто объект беспристрастного изучения, а часть собственного «Я». С нашей точки зрения, такой подход очень важен. Он дает ключ к пониманию других народов, культур и цивилизаций, столь необходимому сейчас, когда контакты между народами стали такими тесными. Поэтому в нашей серии появляются и книги, главным героем которых выступает не страна, а народ. Книга Феликса Лу́ны — из этого ряда. Автор пишет, что верит в Аргентину и аргентинцев, которые должны быть достойными своей прекрасной страны. Прочитав эту книгу, обретаешь полную уверенность в том, что именно так и есть.

*Олег Зимарин,
кандидат исторических наук,
директор издательства «Весь Мир»*

Предисловие

Дорогой читатель!

Эта книга написана в неформальном тоне, свойственном моим лекциям и выступлениям. Я предпочел написать ее именно так, чтобы читатели ее смогли представить, будто я разговариваю с ними напрямую, как мне самому того хотелось бы. Поэтому необходимо сделать усилие, чтобы представить мой голос, смены тональности и мои жесты; также нужно будет простить повторы, неизбежные во время устных выступлений. При желании читатель сможет даже воссоздать смех и шепот публики... Ведь речь идет в целом об истории рассказанной и повествовательной.

Возможно, попытка резюмировать события четырех веков аргентинской истории в шестнадцати главах слишком амбициозна. Но, как известно, история беспредельна: можно бесконечно углубляться в нее, но можно и обобщить историю, показав основные тенденции прошлого во всей их противоречивости.

В этой книге не много имен и дат, не часто упоминаются сражения, договоры и политические события. Скорее в ней идет речь о том, как постепенно была создана наша страна, с чего начиналась ее история и каковы ее главные этапы. Передо мной стояла та же цель, что вдохновила бо́льшую часть всех моих работ, — популяризация нашего прошлого. Я не стремился к подобному изложе-

нию фактов, но хотел показать основные тенденции, которые связывают аргентинское общество и его институты. Перед вами не столько научный труд, сколько лекция, предназначение которой состоит в прояснении некоторых сомнений и установлении определенной периодизации. Ее можно назвать обзором или, если хотите, введением в нашу необъятную и захватывающую историю.

В моей книге упоминаются различные события важные для анализа определенного исторического момента, и которые также позволяют пролить свет на современность, так как история в конечном итоге служит для лучшего понимания настоящего. В противном случае она превращается в простое развлечение.

На этих страницах я попытаюсь ответить на некоторые вопросы, которые на определенных этапах ставит общество; на те же самые вопросы, которые мы как индивидуумы ставим на определенных этапах нашей жизни: кто мы? для чего мы здесь? что с нами происходит? почему мы являемся теми, кто мы есть, а не другими? Очевидно, что история не отвечает на все эти вопросы, она не дает исчерпывающих ответов, поскольку не может претендовать на непогрешимое знание. Но, безусловно, она помогает лучше чувствовать наши корни, нашу реальность. Поэтому на протяжении этих глав мы постараемся выбрать некоторые важные факты, надеясь пролить свет на описываемые исторические события. И так как речь идет о выборе, стоит сделать небольшое методологическое введение.

Когда я говорю «выбираю», я делаю это потому, что использую чарующую власть, которой обладает историк, когда утверждает: «История такова, какой я ее рассказываю». То есть я пользуюсь этим правом, которым обладает тот, кто занимается историей, чтобы определить, какие события важны, а какие нет. Идеальной историей была бы та, которая рассказала бы о жизни, событиях, проблемах всех людей во все эпохи. Конечно, достичь идеала невозможно; даже ограничившись определенной эпохой, мы не сможем это осуществить. Таким образом, историк неизбежно вынужден выбирать и отбрасывать факты по своему усмотрению. Его выбор относителен, а также произволен, потому что он всегда зависит от идеологии, системы ценностей и от того, как он смотрит на прошлое; поэтому одни историки считают какие-то факты важными, а другие, напротив, полагают их недостойными внимания.

Тем не менее такого рода ограничения являются именно тем, что делает историю увлекательной. Никогда не бывает одной-

единственной истории, нет одной версии, которая должна утвердиться, отвергнув все остальные. Всегда есть иные возможности, всегда есть другая точка зрения, всегда существует другой взгляд на прошлое, и, следовательно, извлекаются другие уроки, получаются другие результаты.

Анализируя прошлое, необходимо принимать во внимание идею преемственности. История складывается из различных факторов, это нам известно, и есть моменты, в которые кажется, что ее ход ускоряется. Когда это случается и исторические события начинают скакать галопом, то это происходит в силу каких-то идеологических или других столкновений. Мы могли бы сказать, что подобные конфликты являются любимым материалом историков, особенно молодых. Всегда увлекательно описывать столкновение двух исторических персонажей, двух идеологий или двух сил, вступающих в схватку, в которой одни побеждают, а другие проигрывают и, возможно, передают свою силу победителю. История, в этом случае, выглядит очень красивым спектаклем. Но за этими великими столкновениями, которые иногда бывают не столь уж жесткими, какими кажутся, стоит преемственность и целый ряд процессов, из которых без шума и обычно мирно складывается тот материал, который составляет ткань истории.

Возьмем в качестве примера Хуана Перона. Можно сказать, что в определенный момент его фигура означала разрыв с установленным порядком. И действительно, вместе с Пероном в аргентинской политике возобладали другие ценности, другие речи, другие люди. Но тот же самый Перон, который пришел с новыми речами, также принес ряд элементов из прошлого, каким был, например, экономический план Мигеля Миранды 1947 г., в свою очередь содержавший ряд заимствований из плана Пинедо, принятого в 1940 г. консервативным режимом. Поэтому стоит учитывать, что когда историк берет некое событие и размышляет о нем, между этим событием и другим, возможно, происходят изменения, быть может, даже анонимные и незаметные, которые формируют сумму исторических процессов и определяют их во времени.

Написано в 2006 г.

Содержание этой книги было изложено на лекциях, которые я прочитал зимой 1992 г. Для меня эти лекции стали определенной разрядкой, позволившей свести к минимуму эффект от разруше-

ния моего дома при взрыве бомбы в посольстве Израиля 17 марта 1992 г.¹ Книга была отредактирована спустя год с помощью материала, который был записан на пленку.

Это счастливая книга. С тех пор ее неоднократно переиздавали и перевели на португальский и английский языки. Но мое повествование заканчивалось кануном вступления Фрондиси в должность президента. Если бы в 2006 г. я переиздал книгу в неизменном виде, то многое осталось бы вне текста. Но было выше моих сил дополнить ее описанием десаролистского опыта, исполнения Гидо обязанностей временного президента, правления Илии, режима Онгании и Лануссе, избрания Кампоры и Перона, переворота 1976 г., восстановления демократии в 1983 г. и всем тем, что последовало за этим.

Тогда я решил использовать в этом издании некоторые страницы моей «Общей истории Аргентины», опубликованной тем же издательством, где вышла и эта книга, чтобы сделать ее содержание более полным. Добавления дают общую панораму того, что случилось с 1958 г. до наших дней, и призваны придать целостность всему тому.

Итак, в Ваши руки, дорогой читатель, попадает книга, которая с этой новой частью не является такой уж маленькой...

¹ В результате террористического акта, направленного против посольства Израиля в Буэнос-Айресе, погибли 29 и были ранены 292 человека. Считается, что взрыв был осуществлен организацией «Хезболла». (Здесь и далее примечания редакторов русского издания.)

I. Скромное начало

Приступая к нашей теме, полезно начать изложение с исторического момента огромной важности для будущего Аргентины — с события, оказавшего влияние на весь регион, который мы сегодня называем Южным конусом Америки¹: речь идет об основании в 1580 г. города Буэнос-Айрес. Как известно, Америка была открыта в 1492 г. В 1517 г. корабли впервые проплыли по рекам Рио-де-Ла-Плата и Парана, а в 1536 г. было организовано предприятие Мендосы² (впрочем, оно просуществовало недолго).

Как известно, в последующие десятилетия поток колонистов из Перу и Верхнего Перу³ устремился на территорию, которая в наши дни является северным и центральным регионами Аргентины. Одновременно второй поток колонизации, шедший из Чили, привел к основанию городов Сан-Хуан, Мендоса и Сан-Луис. Третий поток колонистов, с отправной точкой в Асунсьоне, привел к основанию городов Санта-Фе и Корриентес. Такова была обстановка в преддверии 80-х годов XVI в. — важного периода аргентинской истории, завершившегося основанием города Буэнос-Айреса Хуаном де Гарай.

¹ Южный конус — Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай, Чили.

² Речь идет об экспедиции Педро де Мендосы на Ла-Плату в 1536 г., во время которой впервые был заложен Буэнос-Айрес.

³ Верхнее Перу — историческая область, охватывавшая территорию современной Боливии.

Врата Буэнос-Айреса

Какое значение имеют эти факты? В первую очередь нужно иметь в виду, что, когда испанцы начали заселять страну — мы не можем сказать «завоевывали», потому что на первом этапе практически не было войн, — у них были очень смутные представления о географии этой части Америки. Обширные равнины, иногда разделенные горными цепями (которые, за исключением Анд, не были непреодолимыми), и огромные реки, берущие начало в сердце Америки и впадающие в Рио-де-Ла-Плату, а затем в Атлантический океан, свидетельствовали о непостижимой географии, очень трудной для ориентации. Поэтому до конца XVIII в. для передвижения по пампе¹ был необходим компас, потому что определить на глаз свое местоположение представлялось почти невозможным. Но испанцы были выдающимися космографами и географами, а также обладали хорошей интуицией, которая подтверждалась, по мере того как они лучше узнавали местность.

К моменту основания Буэнос-Айреса на территории будущей Аргентины уже существовало три города. В действительности это были очень бедные, по существу временные поселения, но они уже тогда имели все предпосылки, для того чтобы превратиться в города, выполняющие бюрократические функции, свойственные испанским порядкам, и способные удовлетворить страстное желание обладать властью, характерное для испанских капитанов. Этими тремя городами были Кордоба² (основана в 1573 г.), Сантьяго-дель-Эстеро (1554) и Тукуман (1565).

Если взглянуть на карту, можно увидеть три маленькие точки в глубине Аргентины (они указывают на север и на юг), возникшие как опорные пункты на пути, начинавшемся в Верхнем Перу, прежде всего в Потоси, который уже тогда завоевал славу самого богатого места Америки. Город возник возле горы, из рудников которой добывали серебро и которое принесло огромное богатство в очень короткий срок. Кроме того, Потоси превратился в большой потребительский центр с высокой покупательной способностью, нуждавшийся в товарах для поддержания уровня

¹ Пампа — равнинная область на востоке Аргентины.

² Кордоба де ла Нуэва Андалусия или Новоандалусская Кордоба.

жизни, куда стремились не только быстро разбогатевшие владельцы рудников, но и все те, кто наживался за счет горной промышленности.

Испанские поселенцы, как мы уже сказали, были хорошими космографами и обладали географической интуицией. Один оидор из аудиенсии¹ Чаркас, дон Хуан де Матъенсо (оидоры были членами коллегиального суда второй инстанции, и территории, о которых мы говорим, входили в юрисдикцию аудиенсии Чаркас), сказал в 1566 г., что было необходимо открыть «ворота к этим землям», то есть дать выход в Атлантический океан всей этой огромной территории, которая к югу от Потоси уже имела перевалочные пункты в Тукумане, Сантьяго-дель-Эстеро и Кордобе. Сидя в одиночестве в своем кабинете в аудиенсии, ни разу не выехав за пределы Чаркас, но будучи хорошо информирован людьми, побывавшими в этих землях, Матъенсо утверждал, что необходимо основать еще одно поселение, приблизительно в том же месте, где дон Педро де Мендоса основал первый Буэнос-Айрес.

Исходный замысел основания города, который осуществил Хуан де Гарай, посланник последнего аделантадо² Рио-де-Ла-Платы, был таков: дать доступ к этим землям, открыть удобный и широкий путь, конечным пунктом которого было Верхнее Перу и город Потоси.

Так в 1580 г. родился Буэнос-Айрес, с самого начала имевший некоторые интересные особенности. Основание города, которое сегодня кажется событием огромной важности, не получило широкого отклика у современников. Казалось, что Буэнос-Айрес будет, как сказал несколько лет спустя один королевский казначей, «самым бедным городом Америки». В испанской империи, в которой богатством считали прежде всего золото и серебро, Буэнос-Айрес не обладал ни тем ни другим и представлял собой маленькое поселение, насчитывавшее до 1610 г. в лучшем случае 500 человек, напоминавших жертв кораблекрушения в огромном двойном море — в море пампы (куда они не осмеливались ходить, имея представление лишь о примыкавших непосредственно к городу территориях), и в море Рио-де-Ла-Платы, впадавшей в Атлантический океан. Таково было печальное положение бедных пред-

¹ *Аудиенсия* — высший судебный орган колонии.

² *Аделантадо* — правитель, наместник.

ков портенъос¹, живших от прибытия одного регистравого корабля² до другого.

Здесь стоит кратко остановиться на испанской торговой системе того времени. Из страха перед пиратами и корсарами испанцы создали в середине XVI в. систему, которая заключалась в посылке двух караванов (то есть экспедиций), охранявшихся военными кораблями и состоявших из тридцати, сорока и даже пятидесяти судов, которые выходили два раза в год из Испании и возвращались из Америки с той же периодичностью.

У них был очень четкий маршрут. Обычно они совершали путешествие от испанского порта Кадис до Панамского перешейка, разгружали свои товары в Портобельо, перевозили их на мулах через перешеек до города Панама, доходили до Тихого океана, снова загружали товары на другие корабли и, пройдя через Гуаякиль, высаживались в порту Кальяо недалеко от Лимы. Там товары снова разгружались, грузились на мулов и развозились в различные точки Перу и Верхнего Перу.

Это был очень длинный путь, и, как следствие больших транспортных расходов, стоимость товаров являлась очень высокой. Но это единственная система, которую придумала Испания для защиты от атак корсаров, главным образом английских: не позволять кораблям-одиночкам перевозить товары, а отправлять их караванами из одного порта в другой через северную часть Атлантического океана.

Избранная система означала также то, что Испания не принимала во внимание никакие географические пункты, кроме привилегированных портов Кубы и Панамского перешейка. Таким образом Буэнос-Айрес, находившийся в южной части Атлантического океана, оказывался на обочине и принимал лишь регистравые корабли, прибывавшие раз в год или раз в два года. Иногда случалось так, что в течение пяти лет из Испании не приходил ни один регистравый корабль.

Портенъос того времени терпели лишения. У них не было ни одной вещи, необходимой для выживания, и они не были способны производить их в той местности и в таком городе, как Буэнос-Айрес, где возможности организации производства были невели-

¹ *Портенъос* — название коренных жителей Буэнос-Айреса.

² *Регистровые корабли* — суда, прибывавшие по получаемым ими от испанского правительства лицензиям.

ки. У них отсутствовали навыки и не было оборудования для эксплуатации ресурсов, которые им предоставляла огромная пампа, на краю которой они находились. Поэтому получилось так, что портенъос начали жить за счет контрабанды. Это был единственный способ выжить.

В обход закона

Контрабанда шла главным образом из Бразилии. Случилось так, что испанский король Филипп II (сразу после основания Буэнос-Айреса) в результате довольно сложной династической комбинации присоединил португальскую корону к испанской и стал королем Португалии, хотя две короны остались разделенными. Португальцы воспользовались преимуществами подобного «двойного гражданства» и попытались торговать с Буэнос-Айресом. Такая торговля, однако, была незаконной, поскольку перевозка производилась не регистровыми кораблями, а осуществлялась с помощью судов (нагруженных товарами, в которых отчаянно нуждался Буэнос-Айрес), пристававших к берегу в любом месте протяженного побережья Рио-де-Ла-Платы или реки Параны.

Со временем, через десять-пятнадцать лет, возникла целая организация, которая жила за счет контрабанды, но сам Буэнос-Айрес оставался при этом очень бедным городом, фактически нищим; а крайняя нужда, которую испытывали его жители, стала легендарной. Исключение составляла небольшая группа людей, связанных с контрабандой. Есть несколько весьма занимательных рассказов, вроде того что оставил Рауль Молина, о жизни этой горстки людей, с их роскошным образом жизни, игрой в бильярд, любовницами и богатством, так разительно контрастировавшим с нищетой других жителей города.

Несмотря на то что некоторые губернаторы, например Эрнандариас, пытались бороться с контрабандой, нужда горожан была так велика, что портенъос приобрели привычку обходить закон: они знали, что это позволяет им жить гораздо лучше, и, кроме того, закон был абсурден с точки зрения интересов самого Буэнос-Айреса.

В любом случае каждое сообщество в определенный момент начинает находить смысл своего существования с экономической точки зрения, понимать, что означает его жизнь и чему она может служить. Уже в первые годы следующего, XVII, столетия, были

основаны (кроме Кордобы, Сантьяго-дель-Эстеро и Тукумана) Санта-Фе и Корриентес, которые образуют речной путь Асунсьон — Корриентес — Санта-Фе — Буэнос-Айрес. Напротив, наземным путем был Буэнос-Айрес — Санта-Фе — Кордоба — Сантьяго-дель-Эстеро — Тукуман — Сальта — Жужуй, и на периферии оставались Ла-Риоха и Катамарка, в то время как провинция Куйо политически подчинялась генерал-капитанству Сантьяго-де-Чили.

Таким образом, с течением времени складывалась структура населения и вместе с ней определенное разделение труда. Каждый округ начинал медленный процесс специализации, отвечавшей особенностям климата и типу почвы, на определенном производстве. Существует письмо (хранится в архиве Индий¹), направленное королю одним из жителей Ла-Риохи. (Кстати, очень интересным моментом американской организации общества было то, что любой подданный мог обратиться с письмом напрямую к королю, указав в заголовке только слово «сеньор», а затем изложить просьбу, сделать донос или представить доклад.) Письмо, о котором идет речь, является анонимным; автор боялся, что из-за содержания письма его могли убить.

Этот неизвестный житель города Ла-Риоха предложил в 1680 г., чтобы каждый город губернаторств Тукуман и Буэнос-Айрес занимался одним родом деятельности и не мог заниматься ничем другим во избежание конкуренции между округами. Например, Буэнос-Айрес мог заняться мулами, одеждой и мебелью, Ла-Риоха — только производством вина и виноградной водки, Катамарка — тканями, Сантьяго-дель-Эстеро — тканями и мулами, Кордоба — одеждой и т.д. Этот набросок разделения труда между провинциями явно основывался на существовании различий в производственной деятельности каждого региона.

Чем же занимался Буэнос-Айрес? Контрабандой. Это превратило его в пункт ввоза всех нелегальных товаров, которые затем расходились по Тукуману, в юрисдикцию которого входили нынешние провинции Кордоба, Сантьяго-дель-Эстеро, Тукуман, Жужуй, Сальта, Ла-Риоха и Катамарка. Эта территория (гораздо большая, чем губернаторство Буэнос-Айрес, созданное в 1617 г. и включавшее одноименную провинцию, часть Санта-Фе и Восточного Берега) подчинялась губернатору, который находился в Сантьяго-дель-Эстеро.

¹ *Архив Индий* — архив колониальной истории Испанской Америки в Севилье.

Чем платили портенъос за получаемые контрабандные товары? Источник богатства, к которому у них имелся самый легкий доступ, появился в первые десятилетия XVII в.: огромное количество бесхозного скота, который бродил по пампе. Недалеко от Буэнос-Айреса, в одноименной провинции, а также к югу от Санта-Фе и Кордобы невероятно расплодился скот. Жители Буэнос-Айреса организовывали так называемые вакерии — жестокую охоту на скот.

Для этого собирались десять-пятнадцать решительных сельских жителей, готовых терпеть трудную жизнь и заработать несколько реалов. Найдя дикий скот, они подрезали животным ноги с помощью кинжала, похожего на заостренный серп; обездвиженная жертва падала на землю. Вторая часть работы состояла в том, чтобы отрезать головы и снять шкуры с сотен животных.

В дело шли только шкуры, которые грузили в большие телеги и перевозили в места, где их обрабатывали и затем экспортировали. Это составляло главный экспорт портенъос. Все остальное: мясо, рога, сало — оставалось на месте. Можно представить себе пампу, усеянную разложившимися трупами животных, ставшими пищей для диких собак и мышей — чумы сельской местности провинции Буэнос-Айрес.

Вакерии имели большое значение в силу ряда причин. Они были первым видом производства Буэнос-Айреса, каким бы грубым, примитивным и расточительным оно нам ни казалось. Сегодня мы бы назвали его экологическим безрассудством, но в то время шкуры являлись единственным товаром, которым портенъос могли оплатить импорт, ввозимый ими, в свою очередь, на рынки внутренних районов страны.

Таким образом, вакерии были первым ремеслом портенъос. И как же оно отличалось от современной промышленности мясохладокomboинатов! Тем не менее, вакерии, затем саладеро¹, охлаждение мяса, его заморозка и разделка-хилтон² — все это различные этапы одного и того же процесса. Развитие технологического процесса сделало возможным превращение примитивных и грубых вакерий в то, что сегодня является не только важной, но и сложной промышленностью.

¹ *Саладеро* — предприятие по засолке мяса.

² *Хилтон* — способ разделки мяса, в результате которого извлекаются наиболее ценные части туши.

Другим важным последствием вакерий стали контуры политических границ некоторых будущих аргентинских провинций. Много раз жители Санта-Фе заходили на территорию Буэнос-Айреса для охоты на коров, на что кабильдо¹ Буэнос-Айреса гневно реагировало, обвиняя их в захвате чужой территории. За этим последовал ряд споров не только с Санта-Фе, но также и с Кордобой.

В конце концов к 1720 г. кабильдо Санта-Фе и Буэнос-Айреса договорились о границе, которой стал Арройо-дель-Медио, отделяющий и в наши дни провинцию Буэнос-Айрес от провинции Санта-Фе. Таким же образом был заключен договор о том, где заканчивался Буэнос-Айрес и начиналась Кордоба. Поэтому можно с большой долей уверенности говорить о том, что вакерии способствовали установлению границ между провинциями.

Ревность и соперничество

Другой важной чертой жизни раннего Буэнос-Айреса стала сопровождавшая его с момента основания ревность и враждебность соперников. Город был географически очень удачно расположен, служил теми «воротами в земли», о которых мечтал Матьенсо. Первым соперником, который появился у Буэнос-Айреса из-за его местоположения, стала Лима.

Было очевидно (и многие чиновники уже тогда говорили об этом), что самым коротким и простым способом доставки товаров был путь через Атлантический океан до Буэнос-Айреса и затем их перевозка в Верхнее Перу по преимущественно равнинным дорогам без препятствий вроде горных цепей или больших рек. В самом деле, от Буэнос-Айреса до Потоси существует вполне проходимая дорога. Напротив, другой маршрут (порт Кадис, Портобельо, Панамский перешеек, разгрузка, новая загрузка на корабли, которые шли по Тихому океану, Кальяо, Лима, оттуда пересечение всех Анд до горных районов Перу и, наконец, прибытие в Верхнее Перу) был очень дорогим предприятием.

В 1778 г., когда был наконец подписан Акт о свободной торговле, подсчитали, что льняная ткань, которая приходила в Потоси по длинному пути, стоила бы около 30 песо за метр, в то время как если бы она шла через Буэнос-Айрес, ее стоимость в По-

¹ Кабильдо — орган городского самоуправления.

тоси составляла бы самое большее 5 песо. Геополитическое и геоэкономическое превосходство Буэнос-Айреса являлось бесспорным.

Лима осознала это и сразу начала бороться с таким положением дел. Например: торговцы Лимы контролировали ввоз чернокожих рабов. Когда в 1720 г. в связи с Утрехтским договором¹ начала создаваться Компания Южных морей, Англия открыла в Буэнос-Айресе факторию для ввоза рабов; обитатели Лимы подняли крик. То же самое они сделали еще раньше при поддержке вице-короля Перу, заявив, что Буэнос-Айрес был не только входной дверью для контрабанды, но также незаконной задней дверью для серебра из Потоси, что вызывало неконтролируемую потерю валюты. Жалобы из Лимы были правдой, но от контрабандной практики зависело выживание Буэнос-Айреса.

Соперничество с Лимой привело к тому, что около 1620 г. была создана таможня на суше, в Кордобе. Ее цель состояла в том, чтобы контролировать поступление товаров в город Кордоба, что, надо признать, было довольно трудным делом. Существовала дорога, которая проходила по территории Санта-Фе и соединяла Буэнос-Айрес и Кордобу без необходимости заходить в город, что позволяло избегать контроля. Лима после долгих дебатов сумела перенести таможню первоначально в Сантьяго-дель-Эстеро и затем, в 1680 — 1690-е годы, после длительной полемики и бюрократических споров добилась расположения таможни в Жужуе.

Таким образом постепенно создавался внутренний рынок, который в будущем определил границы Аргентины. За исключением таможни Буэнос-Айреса, которая была полностью вовлечена в контрабанду, ввоз товаров, вплоть до Жужуя, фактически образовывал единый рынок. А как известно, рынок обычно является предпосылкой для формирования нации. История устанавливала границы того, что стало территорией будущей Аргентины.

Буэнос-Айрес также соперничал с другими городами. С Санта-Фе — из-за уже упоминавшихся вопросов, связанных с вакериями: забегаая немного вперед, скажем, что приблизительно с 1730 г. соперничество будет вестись с Монтевидео. Когда был основан Монтевидео, многие отметили, что его гавань была лучше, чем гавань в Буэнос-Айресе, вход в которую был затруднен наличием

¹ *Утрехтский договор* — мирный договор 1713 г., завершивший Войну за испанское наследство.

каменистого дна и мелководьем. Монтевидео начал считаться настоящими «воротами в земли», несмотря на то что для прохода через него во внутренние районы было необходимо преодолеть две большие реки — Уругвай и Парану.

Конкуренция между Буэнос-Айресом и Монтевидео была такой, что консуладо (собрание городских торговцев) Буэнос-Айреса в 1804 г. выступило против строительства маяка в восточном порту¹. Напряженные отношения между двумя городами также объясняют, почему Монтевидео стал в будущем одним из оплотов роялистов² в борьбе с Майской революцией³. Контрреволюция обосновалась в Монтевидео на четыре года, вплоть до 1814 г., когда Альвеар сумел изгнать ее. Кроме того, можно сказать, что давнее соперничество с Перу также имело определенные политические последствия в эпоху Войны за независимость, поскольку Лима превратилась в последний оплот роялистов в Южной Америке. Может быть, потому, что она на самом деле сохраняла верноподданнические чувства к королю Испании, а может быть, это было чем-то вроде продолжения давней вражды.

Подведем итог сказанному. Город Буэнос-Айрес, основанный в 1580 г., в первую очередь занимался незаконной торговлей, или, другими словами, обходил закон. Во-вторых, его производство основывалось на том, что можно назвать экологической катастрофой, — на неблагоприятном уничтожении дикого скота; дело дошло до того, что в 1715 г. кабильдо запретило вакерии, потому что «если так будет продолжаться дальше, то мы останемся без шкур и без гроша в кармане». И это было правдой.

Способность объединять

Несмотря на соперничество и конкуренцию с другими городами, Буэнос-Айрес был в то же время городом, обладавшим способностью объединять, как это показало столкновение с Португалией. В 1680 г. в Колония-дель-Сакраменто (напротив Буэнос-Айреса, на противоположном берегу Рио-де-Ла-Платы) появился порту-

¹ Речь идет о первом на Рио-де-Ла-Плата маяке на горе Серро в Монтевидео.

² *Роялисты* — сторонники королевской власти.

³ *Майская революция* — выступление населения Буэнос-Айреса в мае 1810 г. против испанского колониального гнета, положившее начало Войне за независимость.

гальский отряд, основавший поселение. За несколько лет до этого произошло разделение испанской и португальской корон.

Португалия стремилась обладать всей южной частью Бразилии вплоть до Рио-де-Ла-Платы. Поэтому она расположила этот отряд в Колонии, месте, имевшем большое стратегическое значение. С одной стороны, это ключ к рекам Рио-де-Ла-Плата, Уругвай и Парана, а с другой — это единственное место на побережье, где имелся строительный камень, то есть там можно было строить укрепления, которые в то время являлись насущной необходимостью.

Губернатор Буэнос-Айреса, Хосе де Гарро, узнал об этом поселении и послал дону Мануэлю де Лобо, главе португальского отряда, жесткий ультиматум, предупредив его, что Восточный берег принадлежит королю Испании и, следовательно, португальцы должны уйти. В ответном послании Лобо просил позволить ему создать поселение и затем обсудить дипломатические вопросы перед королевскими дворами. Он заявил, что намерения поселенцев были мирными и что они хотели торговать с Буэнос-Айресом. Гарро, крайне упрямый баск и, кроме того, патриот, настаивал на том, что поселенцы должны уйти, и положил начало очень интересному феномену.

Он созвал тех, кого мы сегодня могли бы назвать «здоровыми силами» Буэнос-Айреса (светское кабильдо, церковное кабильдо, самых крупных торговцев, королевских чиновников, наиболее влиятельных граждан), на совет, и все согласилось с тем, что необходимо атаковать поселение португальцев и изгнать захватчиков. Тогда Гарро послал письмо своему коллеге, губернатору Тукумана, для того, чтобы тот попытался мобилизовать ополчение всех городов — от Тукумана до Буэнос-Айреса — и начать таким образом кампанию по изгнанию португальцев.

И действительно, из Кордобы, Тукумана, Ла-Риохи прибыли отряды, собранные вассальными подданными (так называли тех, у кого были энкомьенды¹), одна из обязанностей которых — являться на королевскую службу за свой счет каждый раз, когда возникала нужда в их военных услугах. Кроме того, Хосе де Гарро попросил иезуитов, чтобы они прислали в качестве подкрепления

¹ *Энкомьенда* — передача номинально свободных индейцев на попечение завоевателей — энкомендерос. Индейцы были обязаны платить оброк, выполнять барщину.

индейцев гуарани. Так было сформировано некое подобие армии из трех тысяч индейцев. Во главе встал креол Антонио де Вера-и-Мухика родом из Санта-Фе.

Подготовив этот военный аппарат, Гарро снова создал здоровые силы города Буэнос-Айрес и задал вопрос: следует ли изгнать португальцев силой, принимая во внимание то, что Португалия и Испания были в мире и подобный акт мог вызвать серьезный дипломатический инцидент? Здоровые силы решили, что да, и произошло нападение на португальцев, превратившееся в ужасную бойню. Гуарани, испытывавшие особую ненависть к португальцам из-за походов бандейрантес¹ против них (это другая история), убили почти всех несчастных поселенцев, многие из которых были крестьянами. Сам Мануэль де Лобо был взят в плен и умер спустя год или два.

Важность этого эпизода заключается в том, что Буэнос-Айрес, город, имевший сто лет от роду, без заслуг, например, Кордобы, где уже был университет, или Сантьяго-дель-Эстеро, самого древнего города страны, без заслуг Асунсьона, который был матерью аргентинских городов на первом этапе, Буэнос-Айрес — со всей своей бедностью, с грузом нелегитимности из-за контрабанды — сумел призвать к тому, что фактически можно считать первой аргентинской войной, так как борьба шла с внешним врагом, который узурпировал явно испанское владение, и большинство тех, кто принял в ней участие, были креолами. Ополченцы города Тукуман являлись внуками или правнуками конкистадоров, индейцы гуарани тоже были местными, и всеми ими командовал креол.

Буэнос-Айрес внезапно обрел нечто вроде престижа, что будет иметь большое значение потом, когда будет создано вице-королевство, когда портенъос отразят атаку англичан и во время Майской революции. Город, который родился и жил на нелегальном положении, который зависел экономически от такого странного занятия, как вакерии, город, с которым соперничали и конкурировали, тем не менее также имел необходимые лидерские качества, для того чтобы прогнать захватчиков со своих территорий и получить для достижения этой цели поддержку братских городов этой части Америки.

¹ *Бандейрантес* — завоеватели внутренних районов Бразилии, часто занимавшиеся разбоем на территории Ла-Платы.

Между тем внутренние районы также развивались и приобретали специализацию. Тукуман, например, специализировался на производстве телег, используя свою хорошую древесину. В Сантьяго-дель-Эстеро избыток индейской рабочей силы позволял развивать текстильное производство, конечно очень примитивное, но имевшее определенное значение. Кордоба специализировалась на разведении мулов, которых затем отправляли в Сальту, где их продавали для работы на рудниках Верхнего Перу и Перу.

Внутренние районы постоянно имели проблемы с индейцами из Чако¹, которые в действительности занимали часть Сальты, Жужуя, современной Формосы, Сантьяго-дель-Эстеро и Санта-Фе и были постоянной опасностью для городов провинции Тукуман. Поэтому все губернаторы нуждались в услугах горожан для походов против индейцев, чтобы подчинить их и внушить им страх. Кордоба откликалась почти всегда, Сантьяго-дель-Эстеро — с большим энтузиазмом, потому что это затрагивало их интересы, Сальта и Жужуй — тоже, жители Ла-Риохи и Катамарки — с оговорками, так как Чако находился очень далеко от них.

Но теми, кто никогда не являлся на зов, были портенъос, что вызывало возмущение городов внутренних провинций. В контексте такой солидарности у портенъос всегда находилось оправдание: то они видели пиратов на побережье, то возникала какая-то другая проблема... Такое поведение объяснялось различием политических интересов портенъос и жителей других городов.

Политическая организация

Теперь перейдем к описанию политико-правовой организации этой части Америки, не отличавшейся, впрочем, от остальной испанской империи. Эта организация состояла из ряда властных органов, часть которых была механически перенесена из Испании в Новый Свет.

Например, аделантадо. В течение восьми веков Реконкисты, то есть во время борьбы Кастилии и Леона против мавров, короли часто из-за нехватки денег назначали некоторых сеньоров аде-

¹ Чако — природная область на северо-востоке Аргентины.

лантадо, для того чтобы они расширяли границы владений христиан за счет мавров. Им давали ряд привилегий, так же как и тем, кто заселял новые территории. Когда это подобие огромной лотереи, которой являлась Америка, оказалось в руках Испании, первым, что пришло в голову власти, стал автоматический перенос некоторых традиционных испанских институтов в Америку. Аделантадос были одним из них.

Первым аделантадо Рио-де-Ла-Платы был дон Педро де Мендоса. В других частях Америки были другие аделантадос. Это предполагало наличие договора, согласно которому аделантадо обязывался оплатить все расходы экспедиции; в обмен на это его назначали генерал-капитаном и судьей и предоставляли ему ряд властных и командных привилегий, а кроме того, ему полагалось некоторое количество земель, которые предстояло открыть, и часть богатства, которое могло быть получено. За относительно короткий срок, чуть меньше века, система показала свою неработоспособность и опасность. Аделантадос из-за огромного расстояния, которое отделяло их от власти метрополии, а также из-за собственного темперамента стремились к полной автономии. Подобный случай имел место, например, в Перу с Писарро и Лопе де Агирре.

Таким образом, этот институт был отменен, и на его место пришли бюрократы — сначала губернаторы, затем вице-короли. Губернаторы стояли во главе очень больших территорий, таких, как Тукуман, Парагвай, Буэнос-Айрес, но подчинялись вице-королю, в нашем случае вице-королю Лимы, вице-королю Перу.

Вице-королевство Лимы было создано почти сразу после Конкисты, так же как и в Мексике, и возглавлялось прямым представителем короля; обычно ими являлись дворяне знатного происхождения, довольно способные и энергичные люди. С возникновением этого института появилось то, что мы могли бы назвать исполнительной властью, которая иногда также вмешивалась в судебные дела, а со временем получила свойство, речь о котором пойдет ниже.

Другим очень важным властным институтом помимо вице-короля была аудиенсия (что-то вроде судебной палаты или Верховного суда) — последняя инстанция в судебных вопросах. Кроме того, ее члены являлись, как в случае с доном Хуаном де Матьенсо, информаторами; они занимались чем-то вроде планирования и были обязаны сообщать королю обо всем, что считали нужным.

Аудиенсии, таким образом, помимо судебной выполняли контролирующую функцию.

Также существовали кабильдос — организации, занимавшие городским управлением. Следует помнить о том, что все города были основаны короной и именем короны. В Северной Америке, напротив, поселенцы прибывали свободно и затем основывали город; или прибывала компания по колонизации, она продавала участки земли и основывала город. Здесь же все делалось от имени короны, основатель города назначал первых членов кабильдо (шесть, восемь, десять в зависимости от важности города), каждый из которых выполнял определенную функцию и был достоин высокой чести стать членом кабильдо. Они занимали пост в течение одного года и в конце своего мандата назначали преемников; таким образом, здесь не было свободных выборов, как в некоторых штатах Северной Америки.

Кабильдос в теории выполняли муниципальные функции, но на самом деле, когда речь шла о таких удаленных друг от друга городах, как Кордоба, Сантьяго-дель-Эстеро, Тукуман и Ла-Риоха, они выполняли все правительственные функции: в случае засухи принимали меры по снабжению населения; если атаковали индейцы — принимали военные меры; если были злоупотребления со стороны губернатора — жаловались вице-королю. Следовательно, они были не просто муниципальным правительством, но и действительно важным политическим органом.

Во властной структуре Испанской Америки присутствовала также церковь, которая выполняла, разумеется, религиозную, но также и политическую функцию. Церковь контролировала, следила, жаловалась, вступала в борьбу (почти всегда с губернаторами и вице-королями) и в целом устанавливала определенное равновесие между различными ветвями власти.

В испаноамериканской организации общества власти не были разграничены. Сегодня мы поднимем скандал, узнав, что судебная власть вмешивается в дела власти политической, а в то время аудиенсия могла поменять вице-короля, как это произошло в Буэнос-Айресе в 1806 г. Аудиенсия могла принимать политические меры, вице-король мог принимать судебные меры, потому что он был главой аудиенсии, а кабильдос исполняли функции помимо муниципальных.

Такая ситуация не была случайной. Испанская корона старалась поддерживать определенный беспорядок, чтобы контроли-

ровать общество в целом и чтобы перед лицом злоупотреблений, превышения власти или чрезмерной независимости, другое учреждение могло направить ход дел в нужное русло. Это была очень хрупкая система сдержек и противовесов, управлявшаяся законами Индий, которые к тому же являлись казуальными, то есть не общими, а принятыми по конкретному случаю, и при этом были составлены на основе очень интересной концепции, которой трудно дать определение.

Испаноамериканская организация общества являлась дочерью старого испанского права, главную ценность которого составляла идея о том, что все должно делаться во благо сообщества, во благо всех людей в целом. Это не было лишь философской концепцией и влекло за собой очень важное конкретно-практическое применение. Когда вице-король или губернатор получал королевскую грамоту от самого монарха из Мадрида и, прочитав, находил ее бессмысленной, он торжественно созывал чиновников, кабильдо, аудиенсию, епископа и говорил: «Подчиниться, но не исполнять». Другими словами: «Мы не отрицаем власти того, кто говорит это, но, так как это не способствует общему благу и принесет больше вреда, чем пользы, я не буду это исполнять и похороню это в архиве».

Такое ведение дел было обычным, что говорит о существовании определенного права вето со стороны американских властей по отношению к распоряжениям королевской власти, которая, хотя и признавалась верховной властью, могла быть плохо информирована об американских реалиях. Следовательно, представители короля, которые находились на месте, говорили: «Этого делать нельзя» — во имя общего блага. Такая концепция после Майской революции будет заменена концепцией народного суверенитета.

Индейцы

Административная организация и события, происходившие на этих землях, имели очень важную подоплеку, которая окрашивала, придавала смелость и мобилизовывала сообщество — присутствие индейцев. Существование коренного населения в Новом Свете потрясло не только Испанию, но и всю Европу. Факт открытия «нового» континента, на котором к тому же были живые существа, лишь спустя несколько лет признанные человеческими

существами, поставил ряд сложных теологических, философских, юридических, политических и, конечно, научных проблем перед людьми того времени.

Для начала, если они человеческие существа, то спас ли их Христос? Должны ли мы обращать их в христианство? Обязаны ли мы крестить их? Является ли нашей миссией осуществление этого? И самое главное для Испании: имеем ли мы право воевать с ними, отнимать их добро, обращать их в рабство, извлекать из них наибольшую выгоду для себя? Эти вопросы обсуждались, проводились встречи теологов, и существует много книг на эту тему. В каком случае Испания может воевать с индейцами, которые ничего нам не сделали? Мы прибыли к ним в качестве захватчиков; какое право мы имеем воевать с ними?

В первые годы конкисты проблема в целом не выходила за рамки теории. Но когда в 1519 г. Эрнан Кортес высадился на побережье Мексики и впервые в истории европейской цивилизации столкнулся с другой культурой, неизвестной до того времени и, возможно, более блестящей и более пышной, чем их собственная, индейский феномен предстал в ином свете, со всей откровенностью, в качестве конкретной проблемы. Что делать с индейцами, как извлечь из них наибольшую выгоду? Так как, безусловно, Конкиста была Конкистой и нельзя было остановить ее.

Кроме того, как сделать так, чтобы извлечь из индейцев наибольшую выгоду и чтобы это не было грехом, тем, что будет висеть на нашей совести и на совести нашего монарха? Так был придуман институт, который защищал все население Америки (за исключением Буэнос-Айреса, где не было покоренных индейцев), и особенно население Тукумана, — энкомьенда. Она заключалась в пожаловании испанцу группы индейцев, племени или нескольких семей. Ему передавалась забота о спасении их душ и об обеспечении их минимального благосостояния. Взамен индеец должен был работать на него или, после 1615 г., платить ему налог.

Человек, обладавший этой привилегией, был обязан являться на королевскую службу каждый раз, когда это требовалось; постепенно такие лица приобрели статус вассалов, почти феодальных сеньоров — энкомендеро. Им поручалась группа индейцев, которые не были их рабами и которых они не могли передать другому лицу, продать или перевести на другое место; они имели ряд обязательств перед индейцами. Но в то же время сеньоры облада-

ли определенными правами по отношению к ним, и важнейшим из этих прав была обязанность индейцев работать на энкомендеро или платить ему налог.

В общих чертах таким было положение дел в Тукумане и в провинции Буэнос-Айрес к середине XVIII в. — в период, во время которого сложилась, если можно так сказать, социальная и властная структура, которую мы описали. Середина XVIII столетия была временем, когда в Европе меняется идея о богатстве народов, когда в Испании устанавливается династия Бурбонов, когда также изменяются представления о ценности американских владений. Это преддверие создания вице-королевства Рио-де-Ла-Плата.

II. Колониальный период

Прежде чем обратиться собственно к истории создания вице-королевства Рио-де-Ла-Плата и показать историческое значение этого события, стоит обратить внимание на некоторые процессы, происходившие в середине XVIII в. и кажущиеся нам интересными.

За время, прошедшее с момента, на котором мы прервали наше повествование в конце прошлой главы (в начале XVIII в., когда в Испании умер Карл II, произошла война за наследство¹, а затем коронация первого монарха из династии Бурбонов — Филиппа V), и в последующие годы получили развитие некоторые тенденции, которые хотя и возникли в прошлом веке, но именно в эти годы приобрели большое значение.

Эстансии

Буэнос-Айрес начал меняться, — возможно, не столько сам город, сколько прилегавшие к нему территории. Выше было сказано, что вначале обитатели Буэнос-Айреса жили, как люди, потерпевшие кораблекрушение, между двух огромных морей, одним из которых была пампа, а другим Рио-де-Ла-Плата. В середине XVIII в. индейские народы (они пришли, вероятно, из Чили), в то время уже умевшие управлять лошадьми, заняли пустынные пространства пампы и стали гораздо более опасными для христиан.

¹ Имеется в виду Война за испанское наследство (1701 – 1714).

Поэтому жители Буэнос-Айреса попытались защитить немногочисленные поселения, прилежавшие к городу, и построили опорные пункты, ненадежно защищенные небольшими сооружениями из глины или частоколом, в Мерседесе, Сан-Мигель-дель-Монте, Часкомусе, Долоресе. Так возникла система небольших фортов, которая доходила до Мелинкуэ; за ней смотрели сами жители, из которых собирали что-то вроде ополчения. Несмотря на то что ополченцам мало платили и они были плохо вооружены, именно к ним обращались в случае атаки индейцев.

Целью этой небольшой группы фортов была защита от атак индейцев первых эстансий, которые возникли в окрестностях Буэнос-Айреса. До этого сельскохозяйственное богатство, которым был главным образом крупный рогатый скот, добывалось непосредственно во время вакерий. Но так как в начале XVIII в. дикий скот начал исчезать, некоторые предприимчивые и смелые жители Буэнос-Айреса обустроили места, где можно было одомашнить скот, приучить его жить на ограниченных территориях. Таким образом, когда приходило время забивать скот, он был под рукой и не было нужды в многодневных экспедициях в пампу.

В этих новых местах наиболее распространенным способом одомашнивания скота был раскадеро — жердь больших размеров, поставленная посреди пампы, к которой животные приходили чесаться (это «место, куда приходят чесаться» упомянуто в поэме «Мартин Фьерро»¹). Туда они могли прийти попить воды, и иногда им оставляли немного подсолненного хлеба, чтобы сделать более сбалансированным их питание, состоявшее только из травы. Рядом с раскадеро строили ранчо хозяина (иногда его представителя или управляющего), который, естественно, вел очень уединенную и дикую жизнь. Он находился во многих днях пути от Буэнос-Айреса, где можно было приобрести столь необходимые для жизни вещи. В том, что касалось отношений с окружающим миром и работы, которую он выполнял, его жизнь мало отличалась от жизни индейцев.

Несмотря на нехватку многих вещей, это было начало зарождавшихся эстансий Буэнос-Айреса. В эстансиях, как и во время вакерий, главной целью было получение шкур, однако теперь это происходило более рационально. Предпринимались попытки выделять кожи на месте и отправлять их с определенной перио-

¹ «Мартин Фьерро» — поэма великого аргентинского поэта Хосе Эрдандеса.

дичностью. Иногда использовались некоторые второстепенные продукты, например рога и копыта.

Историкам и читателям исторических книг трудно представить себе, какой была повседневная жизнь пятьдесят, сто или двести лет назад. Поэтому надо приложить усилия, чтобы понять, какое огромное значение имела кожа в жизни европейцев и американцев. В середине XVIII в. из нее делали много вещей повседневного пользования, которые в наши дни исчезли или производятся другим способом.

Среди прочего из кожи делали обшивку осей каретных колес, упряжь для лошадей, амуницию для мундиров, причем не только пояса и патронташи, но и обувь, сапоги; кожей часто обшивали мебель и кареты важных лиц, и среди многих других полезных вещей кожа использовалась в производстве предметов личной гигиены.

Кожа была товаром, спрос на который в Европе все время возрастал, особенно в военное время, когда в ней нуждались для изготовления чехлов и других элементов артиллерийского снаряжения. Поэтому эстансии, которые начинали появляться рядом с Буэнос-Айресом и были защищены от индейцев полосой фортов, откликались на спрос, приобретающий все большее значение для экономики Рио-де-Ла-Платы.

Так постепенно менялся облик Буэнос-Айреса, описанного в предыдущей главе, того Буэнос-Айреса, чьи обитатели жили только за счет контрабанды, ждали регистровый корабль, приходящий раз в год или раз в два года, и были забыты Господом Богом. В новом Буэнос-Айресе середины XVIII в., напротив, уже существовало нечто вроде местного производства, основанного главным образом на использовании кожи.

С другой стороны, в последние десятилетия XVIII столетия в Буэнос-Айресе все более интенсивно формировалось общество, в котором людей оценивали по их личным качествам и богатству. Социальный статус давала не фамилия, не принадлежность к аристократии (старой или новой), а успех, которого добивались в жизни.

Тем временем дифференциация шла и в провинции, что проявилось в появлении определенного своеобразия, местного колорита в таких городах, как Кордоба, Мендоса (которая все еще принадлежала генерал-капитанству Чили), Ла-Риоха, Сан-Мигель-де-Тукуман. Каждый из них начинал заниматься определенным

типом производства, отличавшим его от других и в определенной степени объединявшим его жителей. Был, например, особый стиль у карет, построенных в Тукумане, и совсем другой у карет, сделанных в Мендосе.

Иезуиты

Политико-философской концепцией династии Бурбонов был абсолютизм, утверждавший среди прочего, что ничто из того, что находилось в рамках государства, не могло противостоять этому государству или его представителям. В середине XVIII столетия в той части Америки, о которой идет речь, эта идеология проявилась в двух событиях. Одним из них является изгнание иезуитов в 1767 г.

Орден иезуитов сумел создать внутри испанской империи очень любопытный и достойный анализа анклав, занимавший часть современной территории Парагвая, часть Корриентеса и побережье Бразилии и Уругвая. Он состоял приблизительно из семидесяти деревень, чьими жителями были индейцы гуарани, оставившие кочевую жизнь и управлявшиеся отцами-иезуитами, которые, в свою очередь, проходили очень серьезное обучение в ордене, чтобы стать администраторами каждой из этих деревень.

Я думаю, что мы должны отдать должное намерениям этих священников, — они были героями. Они настолько сроднились с гуарани, что даже переняли их язык, спасли их от судьбы кочевников, воспитали, обучили ремеслам, унифицировали их язык и превратили гуарани в авторов огромного количества культурных феноменов, которые до сих пор остаются важными, прекрасными и полезными.

Иногда я думаю, что, возможно, в середине XVII в. иезуиты сказали: «В Европе нам больше нечего делать; эта цивилизация испорчена наживой, жадностью, жестокостью. Давайте искать место, где можно попробовать создать абсолютно другую цивилизацию, где не будет духа наживы, где люди будут работать сообща, где ни у кого не будет денег, потому что они будут не нужны, где люди будут жить, как братья». С определенной точки зрения можно сказать, что строй иезуитских деревень был социалистическим экономическим строем. Ни у кого не было собственности, за исключением вещей домашнего обихода, и все потребности удовле-

творялись общиной: «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

Присутствие иезуитов на аргентинской земле имело, кроме того, и политическое значение. Они защитили испанскую территорию от бандейрантес и выступили против обмена семи деревень гуарани на Колониа-дель-Сакраменто¹; потребовалось много усилий, чтобы убедить иезуитов покинуть деревни и оставить их португальцам.

Одной из проблем, которую иезуиты создавали испанской короне, было их политическое влияние. В деревнях жили многие тысячи индейцев (некоторые из них прошли военную подготовку), которые могли составить довольно существенную силу. Поэтому в 1767 г. король Карл II послал секретный приказ властям всех испанских колоний, приказав им в заранее определенный день взять под стражу всех иезуитов, находившихся в их юрисдикции, и провести инвентаризацию имущества ордена.

И действительно, в середине 1767 г. на территории будущей Аргентины — с интервалом в месяц от получения приказа до его исполнения — группы вооруженных людей постучали в двери домов иезуитов (которые были не только в провинции Мисионес, но и почти во всех городах на территории современной Аргентины), задержали священников и конфисковали их имущество. Начиная с этого момента и почти на сто лет орден иезуитов исчез с территории современной Аргентины.

Этот событие имело множество последствий. Резко прервалась культурная деятельность, развернутая иезуитами не только в миссиях, но и на остальной аргентинской территории. Другие религиозные ордены попытались занять освободившееся место. Церковное имущество, оставленное орденом иезуитов, было распродано, часто по дешевке, что вызвало появление нового класса собственников — людей из провинции, которые благодаря этому получили более высокий статус. Примером этого является великолепная эстансия Санта-Каталина в Кордобе, рядом с эстансией Хесус Мария, купленная кордобским жителем по фамилии Диас и ставшая одним из самых важных скотоводческих предприятий того времени.

¹ *Колониа-гель-Сакраменто* — поселение, позднее город на противоположном от Буэнос-Айреса берегу Ла-Платы была предметом споров между Испанией и Португалией. Подробнее об этом речь пойдет ниже.

Организация иезуитов в испанских колониях не могла существовать долго, помимо других причин, еще и потому, что ее процветание порождало алчность некоторых испанских чиновников, полагавших, что индейские селения должны находиться в руках короны. Возможно, ошибкой иезуитов было то, что они не обучили своих воспитанников самоуправлению. Доказательством того, что они не были господствующим классом в общинах, стал развал миссий, происшедший после изгнания иезуитов. Несмотря на то что отцы из ордена францисканцев взяли на себя заботу об индейцах и сделали все, что смогли, культурное достояние иезуитов было растрачено очень быстро. От того, что было очагом трудолюбия, за пятнадцать лет практически не осталось ничего.

В любом случае то, чего удалось достичь за сто пятьдесят лет эксперимента иезуитов, действительно достойно восхищения. Свидетельство этого — многие часовни и церкви, которые все еще можно увидеть: церковь ордена в Кордобе, эстансии Хесус Мария и Санта-Каталина, часовня Кандонга. Кроме того, иезуиты сумели создать посреди сельвы¹ типографию и издавали книги, которые и сейчас продолжают удивлять великолепным качеством печати. Позднее типография была перенесена сначала в Кордобу и уже оттуда, после изгнания иезуитов, в типографию детей-сирот в Буэнос-Айресе, которой мы обязаны столькими изданиями.

Существовали и другие факторы, способствовавшие изгнанию ордена: масоны в правительствах Испании и Португалии, теории энциклопедистов, либеральные идеи, которые уже распространялись в Европе, а также некоторые финансовые скандалы, которые дискредитировали и ослабили орден иезуитов во Франции. Достаточно почитать, например, «Кандида» Вольтера, чтобы понять, до какой степени орден в то время был объектом клеветы, а иногда и обоснованной критики. Власть иезуитов была слишком велика и поэтому вызвала подозрение.

После изгнания иезуитов из Испании и Америки некоторые европейские государства (Россия² и Польша) предложили им свое гостеприимство. Часть иезуитов отправилась в Италию. Многие из них поселились в Фаэнце и написали очень красивые строки о своем опыте в Америке. Другие приветствовали установление

¹ Сельва — зона влажного тропического леса.

² Императрица Екатерина II отказалась публиковать декрет папы Климента XIV об упразднении ордена.

независимости Латинской Америки; может быть, потому, что ненавидели власть Испании, изгнавшую их, а может быть, из любви к Америке, в которой они провели многие годы. Некоторые, как, например, Вильяфанье, уроженец Ла-Риохи, даже вернулись в Рио-де-Ла-Плату после Войны за независимость. В большинстве случаев жизнь иезуитов не была счастливой после роспуска ордена. Они привыкли быть частью солидарного сообщества, а их разбросали по миру; они жили в нищете и обычно находили приют в каком-нибудь итальянском княжестве, герцогстве или графстве. Орден был восстановлен лишь в 1814 г.

Перемены

Другой важной переменной, связанной с абсолютизмом Бурбонов, стало помимо изгнания иезуитов ужесточение налогового режима, встретившее сильное сопротивление в колониях. С точки зрения короны, было необходимо провести реформы для улучшения управления и большего контроля над делами, что привело к усилению колониального режима; были даже отданы приказы срубить оливковые деревья и уничтожить посевы табака, создававшие конкуренцию испанскому маслу и табаку.

Ранее, во время правления династии Габсбургов, единственным важным налогом, который платила Америка испанской короне, было королевское кинто (20% всей добычи металлов); остальное оставалось в руках частных лиц. Начиная с Бурбонов был установлен более рациональный налоговый режим. Кроме того, изменилась сама идея о богатстве народов. Вместо того чтобы полагать, как это было ранее, что богатство заключалось лишь в золоте и серебре, теперь богатством стали считать собственность, а также экономическую деятельность. Отсюда важность кожевенного производства. Вследствие этого приобрела ценность Рио-де-Ла-Плата, которая не обладала золотом и серебром, но имела другие богатства.

Колониальный режим не достиг своего расцвета, так как его развитие прервало движение за независимость. Во время английских нашествий проявилась военная неспособность Испании защищать свои американские колонии, но еще раньше стала очевидной ее экономическая неспособность обеспечить колонии необходимыми товарами, из-за того что она не обладала достаточным

флотом. Карл III и его наследники приложили усилия, относительно успешные, для того чтобы восстановить как военный, так и торговый флот. Меркантилистская экономика требовала этого.

Другим важным событием стало продолжавшееся продвижение португальцев в Рио-де-Ла-Плату. Мы уже рассказывали о том, как Буэнос-Айрес сумел собрать нечто вроде национального ополчения, которое изгнало португальцев из Колониа-дель-Сакраменто, что привело к ряду дипломатических и военных маневров. В конце концов, был подписан Договор об обмене, по которому Испания уступила семь деревень из иезуитских миссий в обмен на Колониа-дель-Сакраменто. В 1776 г. дон Педро де Севальос прибыл во главе огромного отряда, самого большого, который видела Америка, для окончательного захвата Колониа-дель-Сакраменто и закрепления границы между Испанией и Португалией. К северу от места, где сейчас находится граница между Уругваем и Бразилией, он основал крепость Санта-Тереса.

Вице-королевство

В 1776 г. было создано вице-королевство Рио-де-Ла-Плата. До этого Буэнос-Айрес являлся губернаторством, так же как и Тукуман, и формально они подчинялись вице-королевству Перу. Начиная с 1776 г. вся эта территория стала частью вице-королевства Рио-де-Ла-Плата, вместе с Парагваем и районом Куйо, который подчинялся генерал-капитанству Чили. Вице-королевство, со всеми вошедшими в его состав территориями, представляло собой эскиз возможного грандиозного государства. Большое значение имел и выбор города на роль его столицы.

С организационной точки зрения самым важным событием стало назначение королевской грамотой дона Педро де Севальоса вице-королем Рио-де-Ла-Платы, что давало ему власть над территорией, включавшей Верхнее Перу, а также прежние губернаторства Тукуман и Парагвай. Здесь были города, которые могли претендовать на роль столицы нового вице-королевства. Прежде всего Кордоба, в которой с 1615 г. находился самый престижный университет этой части Америки; легендарное Потоси, чьи несметные богатства питали казну испанского государства в течение нескольких веков. Претендовал на роль столицы и Асунсьон в Парагвае — первое испанское поселение в этой части Америки.

Тем не менее испанский королевский двор выбрал Буэнос-Айрес, потому что, несмотря на его периферийное положение, он находился в идеальном месте для отражения возможной атаки португальцев и, кроме того, отсюда было легче попасть в Испанию на кораблях через Атлантику. Наверняка сильное лобби Буэнос-Айреса в Мадриде также способствовало тому, что город был объявлен столицей последнего вице-королевства в Америке. Оно охватывало территории современных Аргентины, Боливии, Парагвая и Уругвая.

Хотя Буэнос-Айрес и был столицей, другие города обладали собственной юрисдикцией. Их муниципальные правительства, или кабиьдос, были коммунальными и занимались во имя общего блага многими делами, выходившими за рамки муниципальных функций; к 1810 г. уже была накоплена довольно важная политическая практика. В основном кабиьдос состояли из креолов уже не в одном поколении.

В дальнейшем муниципальные юрисдикции устанавливали де-факто приблизительные границы каждой из нынешних провинций и стран на основе принципа *uti possidetis* — одного из наследий испанской цивилизации. Это принцип американского международного права, перевод которого с латыни: «Поскольку владеете, продолжайте владеть». Когда возникает спорный вопрос о границах между американскими странами, в первую очередь обращаются к испанским архивам, чтобы посмотреть, какова была испанская юрисдикция, и, если она четко определена, ее берут в качестве границы. Так, например, часть границы между Боливией и Перу проходит по реке Десагуадеро, потому что именно она отделяла вице-королевства Рио-де-Ла-Плата и Перу.

Вице-королевство Рио-де-Ла-Плата имело выход к Тихому океану (в районе Пуно, где сейчас находится чилийско-боливийская граница) и к Атлантическому океану. Его протяженность была огромной. Оно располагало двумя большими реками, Параной и Уругваем, и широчайшими равнинами, на которых можно было развивать любую сельскохозяйственную деятельность. Что касается его экономических возможностей, то можно добавить, что в районе, включавшем север Буэнос-Айреса, юг Кордобы, юг Санта-Фе и доходившем до Энтре-Риос, выращивали сорок тысяч мулов, которых каждый год отвозили в Сальту для продажи на рудники Перу и Верхнего Перу. В Мисионесе, Парагвае, на севере Корриентеса и Тукумана были великолепные джунгли, кото-

рые делали возможным занятия любым видом производства древесины, и это в эпоху, когда дерево было очень ценным строительным материалом. Имелись месторождения полезных ископаемых в районе Верхнего Перу и в районе Мендосы, где также было серебро и другие полезные ископаемые.

Новое вице-королевство было достаточно большим, чтобы обеспечивать свои нужды, и просуществовало около тридцати лет. Но оно вобрало в себя слишком разные регионы и насильно связывало политическими узами территории, жители которых сильно отличались друг от друга, имели разное этническое происхождение и противоположные интересы. Например, Верхнее Перу, которое в течение веков имело социальные, торговые и политические связи с Лимой, в административном отношении было подчинено Буэнос-Айресу. Похожая ситуация сложилась с регионом Куйо, который традиционно тяготел к Сантьяго-де-Чили, но оказался в зависимости от столицы, находившейся от него на расстоянии более тысячи километров. Не легче было и положение Монтевидео, основанного за тридцать лет до создания вице-королевства и рассчитывавшего стать единственным портом в этой части Америки.

Тем не менее замысел был грандиозен. Вице-королевство Рио-де-Ла-Плата было сравнимо со страной масштаба США. Выходы к Атлантическому и Тихому океанам давали ему возможность установить связи со всем миром. Патагония и Мальвинские острова входили в его юрисдикцию, что открывало перспективы для использования морских ресурсов, рыболовства, добычи тюленьего и китового жира и других многообещающих продуктов того времени. Однако вице-королевству было необходимо больше времени, для того чтобы полностью сформироваться. Его составные части были такими разными и непохожими, что, когда после 1810 г. наступил конец зависимости от Испании, помимо Республики Аргентины, в безудержном параде суверенных государств приняли участие Боливия, Парагвай и Уругвай.

Процветание

С 1776 г. начался период процветания для Буэнос-Айреса и в некоторой степени для его окрестностей, включая бывшее губернаторство Тукуман, которое извлекло выгоду из Акта о свободном

интернировании¹ и Регламента о свободе торговли (1777 и 1778 гг. соответственно). Действительно, сразу после создания вице-королевства Рио-де-Ла-Плата стала возможной гораздо более свободная, гибкая и либеральная торговля, чем это было в прошлом.

Регламент о свободе торговли позволил порту Буэнос-Айреса иметь прямые связи, без необходимости запрашивать предварительное разрешение, с портами Испании и почти всей Америки. Кроме того, стало можно ввозить товары не только в бывшее губернаторство Тукуман, которое на тот момент входило в состав вице-королевства Рио-де-Ла-Плата, но и также в Верхнее Перу. Так была окончательно разорвана зависимость, которая связывала эту территорию с Лимой, что вызвало серьезные протесты не только жителей Лимы, но и самих вице-королей Перу, обратившихся с просьбой к испанской короне отменить создание вице-королевства Рио-де-Ла-Плата.

Благодаря новому регламенту увеличился ввоз товаров через порт Буэнос-Айреса, и в период между 1780 и 1800 гг. город испытал настоящий бум (похожий на тот, который наступит сто лет спустя, между 1880 и 1910 гг.; этот период расцвета до сих пор сохраняется в коллективной памяти аргентинцев). Многие иммигранты, в основном испанцы, но также итальянцы, французы и представители других наций, обосновались в Буэнос-Айресе. Порт принимал североамериканские корабли, китобойные судна и корабли, привозившие пшеницу; начался довольно активный обмен; возникли и укрепились торговые дома, которые затем стали отличительной чертой Буэнос-Айреса и дали жизнь настоящей буржуазии, достигшей политического влияния десятилетия спустя.

Было много случаев, когда молодые люди, почти подростки, присланные из Испании, оказывались прикрепленными к какому-нибудь торговому дому Буэнос-Айреса: например, Мартин де Альсага, который не говорил по-испански, когда приехал в Буэнос-Айрес (он говорил на языке басков), или основатели таких традиционных семей, как Лесика, семья Анчорена и др. Все они приехали в Буэнос-Айрес и были прикреплены к какому-нибудь торговому дому, они работали продавцами в течение нескольких лет, женились, как правило, на дочери хозяина, приобретали статус, их избирали в кабильдо, в какой-то момент они получали поче-

¹ Речь идет о включении Буэнос-Айреса в список портов, свободно торговавших с Испанией.

сти и богатства. Их дети становились офицерами национальной армии, их внуки были арендаторами общественных земель при Ривадавии и друзьями Росаса, их правнуки жили очень хорошо при Роке. И так как в Аргентине семейные богатства не сохраняются дольше двух поколений, начиная с Роки и позднее, все состояния такого рода оказались промотаны наследниками.

Но вернемся к последним годам XVIII столетия. В Буэнос-Айресе, как мы сказали, сконцентрировалось большое число торговцев и учеников торговых домов. Возможно, стоит вспомнить первую главу «Века Просвещения» Алехо Карпентьера, где описывается прибытие героев в Гавану; они входят в отцовский магазин и чувствуют запахи сушеной рыбы, трески и других товаров... Наверняка они не почувствовали запаха мате¹, потому что на Кубе его, в отличие от Буэнос-Айреса, не знали. Мы можем представить, таким образом, каким был соседний с пристанями район Буэнос-Айреса рядом с Майской площадью. Там находились склады, и там же происходил обмен товарами, которые затем в фургонах развозились в Кордобу, Мендосу, Сальту и т.д.

В то же время, или как следствие этого, в Буэнос-Айресе сложилось общество, у которого, может, и были аристократические порывы, но по сути оно было плебейским; это было общество торговцев и отчасти владельцев эстансий, которые богатели постепенно и даже если были состоятельными, то продолжали вести в своих эстансиях очень тяжелую, изнурительную и примитивную жизнь, такую же, как и сорок лет назад, когда только начиналось строительство фортов.

В любом случае общество Буэнос-Айреса сформировалось без аристократических предрассудков в отличие от, например, общества Кордобы, в котором не было исключений из строгих правил, свойственных испанскому колониальному обществу той эпохи. Конколоркорво² (чернокожий метис), которому поручили проехать по маршруту Буэнос-Айрес — Лима и определить места для устройства почтовых станций, отметил это различие в своей книге «Поводырь слепых путников».

В своих записках он отметил, что в Буэнос-Айресе не существовало кастовых предрассудков, которые можно наблюдать в про-

¹ *Йерба-мате* — традиционный напиток аргентинцев.

² *Конколоркорво* — литературный псевдоним Алонсо Карио де ла Вандера (1715—1778).

винциальных городах. Так, в Кордобе мулатка, нарядившаяся несообразно своему социальному статусу, подверглась нападению местных дам, заставивших ее раздеться прямо на улице. В Буэнос-Айресе, напротив, было возможно, чтобы иммигрант, вроде отца Мануэля Бельграно, прибывший из Генуи и составивший состояние собственным трудом, мог отправить сына учиться в Испанию и занять достойное социальное положение. Это отличало Буэнос-Айрес от провинции, где все еще обращали внимание на род и его древность, где креолы — потомки конкистадоров — продолжали сохранять эстансии, где использовали устаревшие порядки, а рентабельность была низка.

Существовали также и другие различия. Буэнос-Айрес оказался в выигрышном положении благодаря административной структуре вице-королевства, в силу его огромной территории, требовавшей размещения в некоторых городах представителей вице-короля, чтобы удаленный центр мог управлять эффективно. Таким образом были созданы так называемые интендант-губернаторства в Кордобе и Сальте, а также еще четыре на территории Верхнего Перу и в Асунсьоне в Парагвае.

Эти интендант-губернаторства, управляемые чиновниками (о некоторых из них вспоминают с большой теплотой из-за их успешной политики, например, о маркизе Собремонте в Кордобе), имели, в свою очередь, подчиненные города, которые зависели от них, что вызвало ряд последствий. Города Сан-Хуан, Мендоса, Ла-Риоха и Катамарка, подчинявшиеся Кордобе, или Тукуман, зависевший от Сальты, чувствовали себя ущемленными в правах и пытались «перепрыгнуть» города, которые были интендант-губернаторствами. Тогда они напрямую обращались к Буэнос-Айресу, который превратился на деле в некоего защитника маленьких городов и в соперника, например, Кордобы и Сальты.

В определенной мере это объясняет, почему революционные события 1810 г. вызвали в Кордобе противодействие и почему Сальта довольно долго медлила с присоединением к Майской хунте — прообразу независимого от Испании правительства. Между Буэнос-Айресом и внутренними провинциями существовали не только политические, но и торговые противоречия. Буэнос-Айрес наконец достиг цели, ради которой он был основан, — быть стражем ворот, ведущих внутрь континента.

Свой контроль Буэнос-Айрес осуществлял в ущерб провинциям. Когда импорт был слишком велик, мелкое производство про-

винций (ткачество в Катамарке или Кордобе, производство текстиля, вин и алкоголя в Мендосе или Катамарке) страдало от иностранной конкуренции. Ущерб станет очевиден годы спустя, но очень быстро негативное воздействие импорта ощутили в Верхнем Перу, которое было важным производителем грубых и толстых шерстяных тканей.

Креолы

В любом случае самым важным событием общественной жизни того времени стало появление группы людей, которая с каждым днем приобретала все большее значение и отличалась изрядным честолюбием — креолов. Так называли потомков испанцев, не метисов (поскольку они не имели, по крайней мере внешне, признаков смешения крови) и насчитывавших в своем роду три, четыре, а то и пять поколений предков, живших на американской земле.

В то время такие провинции, как Ла-Риоха или Катамарка, в действительности управлялись креолами через кабильдо. Проведенные исследования о составе кабильдо в провинциях показывают, что, за исключением очень немногочисленных испанцев, почти всегда торговцев, интегрированных в местное общество, кабильдо управлялись потомками конкистадоров или выходцами из старых семей в каждой провинции. Это заставляет нас думать, что политика, проводимая в стране после 1810 г., такая тонкая, такая сложная, имела предысторию в кабильдо, где креолы и испанцы боролись между собой за власть приобретая при этом политический опыт.

Само положение креолов делало их особой группой людей: они были активными, с подозрением относились к испанцам, которых высмеивали и чью значимость пытались преуменьшить. Они, безусловно, любили землю, где были рождены. В Сантьяго-дель-Эстеро находится интересный капитулярный акт, составленный в 1770-е годы, в котором повествуется, — естественно, канцелярским языком, поскольку так пишутся все акты, — об острой борьбе по вопросу церемониального характера: о превосходстве одной должности в кабильдо между неким испанцем и креолом по фамилии Браво. Спор закончилось большой сварой. В самом акте говорится, что этот креол, Браво (который должен был быть до-

вольно смелым человеком), в итоге сказал испанцу: «Шла бы ваша милость к черту». Это показывает, до такой степени остроты доходили ссоры и соперничество.

Английские вторжения

Существование креолов было новым фактом, который также означал наличие определенного лобби внутри вице-королевства, внутри Буэнос-Айреса, который, тем временем, постепенно хорошел. Если посмотреть на него глазами современного человека, то прежний город покажется незначительным, но для того времени он был довольно важным. В нем были театр, типография, бульвар Аламеда, двор вице-короля, который, хотя и был плебейским, маленьким и бедным, но мог сравниться с двором Лимы или Новой Испании.

Между Буэнос-Айресом и провинцией были, как мы уже сказали, пассивные противоречия без заметных проявлений враждебности, за исключением нескольких ярких случаев. За короткий срок Буэнос-Айрес добился большого превосходства над остальными городами Испанской Америки. Богатство, которое обрел его новый социальный класс, наряду с другими факторами стало причиной того, что случилось в 1810 г.

Необходимо отметить и другое событие, связанное с созданием вице-королевства, событие, которое способствовало развитию этой взрывоопасной ситуации: английские вторжения. Они произошли в 1806 и 1807 гг., хотя в действительности это было одно вторжение. Англичане обосновались на Восточном берегу Рио-де-Ла-Платы, оттуда вторглись в Буэнос-Айрес, заняли его, затем были изгнаны, но удержались на Восточном берегу, получили подкрепление, атаковали снова и были разгромлены во время операции «Реконкиста». Все это более или менее известные факты, и мы не будем описывать их подробно. Вопрос состоит в том, каковы были прямые последствия английских вторжений для растущего могущества Буэнос-Айреса, для противоречий города с провинциями и для возникновения нового самосознания, которое мы не можем назвать национальным, но которое постепенно воплощалось в новой касте креолов.

Эти последствия очень важны по нескольким причинам. В первую очередь, усилилась административная власть Буэнос-

Айреса, которая объединяла все территории вице-королевства. Хотя город и попал под власть англичан, но сумел восстановиться, отстоять себя, его административные структуры не пострадали, и города провинции продолжили выполнять его распоряжения.

Во-вторых, Буэнос-Айрес приобрел новую силу — военную, которой до этого не обладал. До 1806 г. Испания держала постоянный полк в Буэнос-Айресе, обычно пополнявшийся из Ла-Коруньи (Галисия). Через год службы солдаты и офицеры полка обычно исчезали — либо из-за того, что начинали заниматься торговлей, или из-за браков с местными женщинами, или просто дезертировали. Таким образом, постоянный полк фактически не был боеспособным, и во время английских вторжений Испания убедилась, что у нее нет сил отразить атаку. И напротив, стала очевидной военная сила самого Буэнос-Айреса, достаточная для сопротивления, отвоевания города и защиты от захватчиков, которые были лучшими солдатами в мире и сражались до этого с Наполеоном. Победа была достигнута благодаря воодушевлению жителей города и смелости их предводителя Сантьяго де Линье, а также из-за ошибок, совершенных англичанами.

Уже во время первого вторжения и для отражения второго были сформированы отряды, которые быстро вооружились, облачились в военную форму и избрали командиров согласно старому испанскому военному закону, разрешавшему солдатам при создании новых военных формирований самим назначать командиров. Так, Корнелио Сааведра был избран главой патрисиев¹ в соперничестве с Мануэлем Бельграно. Отряды формировались в зависимости от региона, из которого происходили их члены: аррибенъос (уроженцы верхних провинций), патрисии, а также галисийцы, баски, каталонцы, мулаты, негры и пр.

Случилось так, что отряды, сформированные из испанцев, состояли в основном из обеспеченных людей, занимавших хорошее положение в обществе; в большинстве своем они были торговыми служащими, которые, когда надо было явиться в казарму и заниматься военной подготовкой и стрельбой, совершать марши и маневры, не только очень скучали, но и должны были оставлять работу. Поскольку это их не устраивало, то с каждым разом они все хуже выполняли свои воинские обязанности. Креолы, по преиму-

¹ Патрисии — уроженцы Буэнос-Айреса.

ществу бедные люди, напротив, с большим воодушевлением восприняли новую солдатскую службу и были рады деньгам, которые им платили. Эти креольские отряды постепенно приобретали воинское мастерство, а также становились самостоятельной военной силой, которая зависела от собственных ресурсов, а не от испанской короны.

И наконец, после английских вторжений Буэнос-Айрес приобрел огромный престиж во всей Америке, не только потому, что отразил нападение захватчика, но и потому, что смог стать главным действующим лицом в беспрецедентном событии в испанской империи — свержении представителя короля. Действительно, вице-король Рафаэло де Собремонте предстал в глазах портеньос нерешительным человеком из-за слепого следования инструкциям, которые датировались эпохой первого вице-короля Рио-де-Ла-Платы Педро де Севальоса и согласно которым в случае внешнего нападения первой обязанностью вице-короля было обеспечение сохранности королевских капиталов и денег частных лиц; ему предписывалось уйти от опасности и поместить их в надежном месте. Собремонте так и поступил и остался трусом перед лицом истории.

Народ после отвоевания Буэнос-Айреса во весь голос требовал его свержения, и аудиенсия перед лицом такого недовольства утвердила народное решение и отстранила вице-короля Собремонте, несмотря на его протесты, назначив вице-королем Сантьяго де Линье. Хотя он так и не был утвержден испанской короной, де-факто Линье являлся временным вице-королем, назначенным народом. Это стало главным прецедентом: народ Буэнос-Айреса сверг вице-короля — нечто невиданное в испанской империи.

Но кроме этого стоит повторить, что подвиг изгнания и пленения британцев — самых храбрых солдат в мире — дал Буэнос-Айресу огромный престиж во всей Америке, и, конечно, в городах, входивших в вице-королевство Рио-де-Ла-Плата. Он придал ему статус старшего брата по отношению к остальным городам, что имело огромное значение, как мы увидим в следующей главе.

Резюмируем вышесказанное: вице-королевство, созданное в 1776 г., объединило огромную территорию, что в конечном итоге было выгодно в основном Буэнос-Айресу. Это принесло ему процветание и административную власть, которые возросли

спустя несколько лет, когда после английских вторжений город не только укрепил свое лидирующее положение благодаря верности маленьких провинциальных городов и успехов в соперничестве с Кордобой, Сальтой и Монтевидео, но также приобрел грозную военную мощь и огромный моральный престиж. Таково было состояние дел в этой части Америки накануне Майской революции.

III. 1810 год и его последствия

Тема этой главы — Майская революция, важнейшее по своему значению и последствиям событие в аргентинской истории. Мы не будем подробно рассказывать историю тех дней, а попытаемся понять содержание и последствия революции, то, какие изменения она принесла обществу Рио-де-Ла-Платы и какие новые проблемы по мере своего развития создала эта революция, стремившаяся решить старые проблемы, главным образом проблему зависимости от Испании.

Революция 1810 г. была событием, которое, если на него посмотреть в исторической перспективе, кажется неизбежным, поскольку все происшедшее было фактически жизненно необходимым. Очень кратко резюмируем обстановку в стране, чтобы понять, почему в тот момент жители Буэнос-Айреса повели себя так радикально — сместили представителя короля и назначили на его место хунту.

Новая династия

Англия и Испания воевали с 1804 г., и это была не первая война между ними. По сути дела, она была продолжением противостояния, начавшегося в конце XVIII в. Однако эта война имеет особое значение, среди прочего, еще и потому, что во время Трафальгарского сражения (1805) испанский и французский флот были уничтожены, что определило исход борьбы Наполеона с Британской империей.

Война между Францией и Англией вызвала важные политические события в Испании. В Мадриде царствовал Карл IV, однако на деле правил Мануэль Годой, принц-мироворец¹, премьер-министр Карла IV и фаворит королевы Марии Луизы. Этот, как принято считать, недалекий человек за несколько лет сделал головокружительную карьеру, разбогател, добился власти и влияния. Его политика носила профранцузский характер, что было логичным: если Испания воевала с Англией, то разумно было поддерживать Наполеона, с которым у Испании был общий враг.

Однако, когда фаворит королевы разрешил наполеоновским войскам пройти через испанскую территорию, чтобы атаковать Португалию, многие испанцы сочли это чрезмерной поддержкой французов. Наполеон, отличавшийся глобальным видением войны, верил в эффективность континентальной блокады — союза всех стран континентальной Европы против Англии. Континентальной блокадой французский император намеревался задушить английскую промышленность, вызвать экономический хаос и добиться капитуляции Англии. Одной из целей континентальной блокады было не позволить Португалии оставаться традиционным союзником Великобритании.

Поддержка Испании позволила французским войскам беспрепятственно войти в Португалию. В то время как французы продвигались к Лиссабону, португальский королевский двор вместе со всей бюрократией переехал в Рио-де-Жанейро. Это имело важные последствия для Рио-де-Ла-Платы.

Профранцузская политика Годоя привела к народному восстанию в Аранхуэсе (летняя резиденция короля), в результате которого он ушел в отставку. Карл IV отрекся, и в марте 1808 г. на престол вступил его сын Фердинанд VII. Это вызвало недовольство Наполеона, потерявшего таких стоворчивых союзников, как Годой и Карл IV.

В мае того же года Наполеон принудил королевскую семью собраться в городе Байонна, где заставил Фердинанда VII вернуть корону отцу, который, в свою очередь, уступил ее Наполеону, а тот подарил ее своему брату Жозефу. В течение нескольких дней в Испании произошла смена династий: Бурбонов на королевском престоле заменила новая, плебейская и узурпаторская династия

¹ Он получил этот титул после подписания Базельского мира между Францией и Испанией (22 июля 1795 г.).

Бонапартов. Фердинанд VII был заточен в Валансэ, замке Талейрана, а Карл IV с женой отправились в Италию вместе с Годоем.

В Испании от имени своего брата начал править Жозеф Бонапарт, опиравшийся на французскую армию. Это вызвало протест в испанском народе, который начиная с 1808 г. поднимал стихийные восстания по всей территории страны. Были организованы народные и региональные хунты (органы местной власти), а затем центральная хунта.

Международная обстановка изменилась. Испания, которая до этого воевала с Англией, объединилась с ней для борьбы с общим врагом Наполеоном. Войска бонапартистов потерпели несколько поражений в Испании, но после Ваграмской победы 1809 г., положившей конец войне с Австрией, Наполеон направил значительные подкрепления на Иберийский полуостров и сумел оккупировать большую его часть. Свободной осталась только Андалусия, где находилась хунта Севильи, фактически взявшая на себя полномочия остальных хунт.

Тем временем Рио-де-Ла-Плату охватило беспокойство. Верность династии Бурбонов привела к непризнанию Бонапартов, но, к несчастью, в это время главой вице-королевства Рио-де-Ла-Плата был француз, Сантьяго де Линье, избранный народом Буэнос-Айреса вместо маркиза Собремонта. Хотя Линье никогда не был официально утвержден вице-королем, хунта Севильи признавала его временным вице-королем до тех пор, пока обстановка не нормализуется, однако его французское происхождение вызывало подозрение. Кроме того, Линье не был хорошим политиком и допустил ряд скорее формальных, чем принципиальных ошибок, которые лишь усилили эти подозрения.

При португальском дворе в Рио-де-Жанейро находилась испанская принцесса Карлота, сестра Фердинанда VII и жена наследника португальского престола. Являясь наиболее близкой наследницей плененного французами Фердинанда, Карлота считала себя потенциальной главой некоего протектората над Рио-де-Ла-Платой. Бесспорно, все эти факторы способствовали усложнению ситуации.

В середине 1809 г. в Буэнос-Айрес прибыл новый вице-король, посланный хунтой Севильи. Это был испанский флотоводец по имени Бальтасар Идадьго де Сиснерос. Несмотря на то что некоторые друзья Линье советовали ему не передавать власть Сиснеросу, он, верный короне, оставил свой пост и удалился в Кордобу. Не-

сколько месяцев спустя, в 1810 г., пришло известие о захвате французами Андалусии, где действовала последняя народная анти-французская хунта в Испании. Новость вызвала огромное потрясение и стала катализатором майских событий. Кабильдо с ведома вице-короля созвало собрание, на котором жители города должны были принять решение, что делать в создавшейся ситуации.

Революция

Давайте вживемся в эпоху и в сложившуюся ситуацию. Буэнос-Айрес был вице-королевством, подчинявшимся Испании. Законный король, которым, несмотря на фарс в Байонне, был Фердинанд VII, находился в плену. Народ оказывал сопротивление королю-узурпатору Жозефу Бонапарту. Народные хунты, воевавшие с французами, были разгромлены. Что делать в такой ситуации? Подчиниться династии Бонапартов? Потворствовать играм узурпатора, который правил почти всей Европой? Ждать, что произойдет на полях сражений старого континента?

В мае 1810 г. в Буэнос-Айресе появились различные группы, каждая из которых имела разные представления о дальнейшей судьбе этих земель. Возможно, что некоторые участники майских собраний, такие, например, как Мариано Морено и Хуан Хосе Кастельи, хотели независимости. Также вероятно, что другие, испанцы и близкие к происпанской партии лица, считали наиболее благоразумным сформировать хунту и ждать. Некоторые вспоминали события происшедшие столетие назад, когда Война за испанское наследство между Габсбургами и Бурбонами длилась почти пятнадцать лет. В течение этого времени колонии ожидали развязки событий в Испании и были готовы признать законного короля. Как только Филипп V, первый из династии Бурбонов, занял испанский трон, колониальные чиновники признали его легитимность, и далее дела пошли, прежним порядком. Возможно, в 1810 г. многие подумали, что произойдет нечто похожее.

Итак, сформировалась хунта, заменившая вице-короля, что повлекло за собой важные последствия. Предпосылки для этого сложились еще раньше, и события 1810 г. лишь ускорили их развитие. Речь идет, например, о способности объединять, продемонстрированную Буэнос-Айресом в 1680 г., когда он, с помощью ополчения Тукумана, Парагвая и индейцев-гуарани, захватил

Колониа-дель-Сакраменто. А также о престиже, завоеванном спустя более ста лет, когда в 1806 и 1807 гг. он сумел без посторонней помощи отразить нашествие самой смелой армии в мире.

Приобретенное тогда влияние упрочилось во время майских собраний 1810 г. Это произошло во время открытого заседания кабиљдо (кабиљдо абьерто) 22 мая, когда один из противников новшеств, выступавший за сохранение власти вице-короля, в обоснование своей позиции заявил, что Буэнос-Айрес, каким бы влиятельным он ни был, не имел права заменять вице-короля хунтой без согласия всего вице-королевства. Не будем забывать, что в вице-королевстве существовали еще и интендант-губернаторства и входившие в них города имели право занять ту или иную позицию по этому вопросу.

Именно тогда Хуан Хосе Пасо, очень способный и тонкий политик, прибег к аргументу о «старшем брате». Он сказал, что Буэнос-Айрес действовал в этих чрезвычайных обстоятельствах как старший брат, защищавший интересы и имущество своих братьев, и что он, безусловно, обязуется созвать делегатов от других городов для утверждения решения о смещении вице-короля.

Двадцать второго мая 1810 г. риторическая фраза о старшем брате получила конкретное юридическое воплощение. Буэнос-Айрес получил право внедрить это важнейшее изменение в структуру власти вице-королевства при условии последующего созыва представителей других территорий и выяснения их точки зрения. Он действовал согласно тому, что в римском праве называется *negotiorum gestio* — «добровольная деятельность в чужих интересах» — то, что делается за другого без его ведома, однако, избавляет его от большого зла. В свое время благодетельствованная персона узнает об этом, но вначале надо действовать как хороший отец или старший брат.

Таким же или даже более важным принципом, выдвинутым во время собрания 22 мая, стал принцип народного суверенитета. В то время теория о божественном происхождении королевской власти носила правоустанавливающий характер. Однако если корона отнята у ее законного владельца, а хунты разгромлены, то у кого находится власть? Майские собрания дали ответ — у народа, который временно может передать ее определенному лицу или нескольким лицам, до тех пор пока ситуация не прояснится.

Эта концепция является фундаментальной. Сегодня нам это кажется общим местом политического права, но в то время она

носила революционный характер. То, что управляемые могли избирать своих правителей, хотя бы и временно, было взрывоопасной доктриной. Ниже мы еще вернемся к этому.

Помимо юридических новшеств майские собрания показали, что креолы обладали военной силой. Стоит напомнить, что после первого английского вторжения и отвоевания Буэнос-Айреса были в срочном порядке созданы военные части, сформированные в зависимости от региона, из которого происходили их члены: галисийцы, каталонцы, выходцы из верхних провинций, патрисии, мулаты, негры и т.д. Мы упоминали, что испанцы, которые в основном были состоятельными служащими торговых домов, избегали военных учений, поскольку это означало для них потерю времени и денег, в то время как креолы, мулаты и негры, для которых пайки и небольшие зарплаты были важны, добросовестно исполняли свои обязанности и приобрели значительную боевую мощь. Они впервые продемонстрировали это 1 января 1809 г., когда Мартин де Альсага возглавил что-то вроде военного переворота против Линье, и Сааведра, стоявший во главе патрисиев, немедленно навел порядок и овладел Майской площадью.

Революция в провинции

В 1810 г. военная мощь Буэнос-Айреса была очевидна не только из-за наличия креольских полков. Она проявилась и в том, что хунта смогла отправить военные экспедиции в различные районы вице-королевства. Действительно, то, что произошло в Буэнос-Айресе, было слишком необычным, чтобы с этим все согласились без оказания сопротивления. Свержение представителя короля или хунты, выступавшей от его имени, и замена этого представителя другой хунтой не могли быть приняты в наиболее роялистских регионах вице-королевства.

В Кордобе поднялась контрреволюция, возглавленная Линье и закончившаяся его расстрелом вместе с соратниками. В Мендосе хунту Буэнос-Айреса признали с определенными оговорками. В Сальте имели место длительные дискуссии. А в трех местах: в Верхнем Перу, Парагвае и Монтевидео — началось активное сопротивление. Монтевидео, как мы знаем, давно соперничал с Буэнос-Айресом. Эти противоречия обострились, когда Линье стал вице-королем, так как в Монтевидео его не признавали из-за

французского происхождения. Сформированная тогда хунта была распущена после прибытия Сиснероса, однако очаги оппозиции Буэнос-Айресу сохранились. И когда в Буэнос-Айресе была сформирована хунта, в Монтевидео отказались признать ее и начали военные действия, продлившиеся четыре года.

Из Буэнос-Айреса было отправлено несколько военных экспедиций. Одна из них направилась в Парагвай, чтобы попытаться убедить или победить парагвайцев. Те жили своей жизнью, достаточно изолированной от своих соседей. Но интересы Парагвая сталкивались с интересами Буэнос-Айреса, через который шли парагвайские товары. Поэтому Бельграно, глава экспедиции, посланной из Буэнос-Айреса, встретил сопротивление. Произошла битва, он проиграл ее, начались переговоры; в конце концов, Парагвай занял нейтральную позицию по отношению к Войне за независимость и не нападал на власти Буэнос-Айреса.

Экспедиция, посланная в Верхнее Перу, напротив, сразу одержала победу при Суипаче, однако через несколько месяцев потерпела поражение при Уаки на берегу реки Десагуадеро — границы между вице-королевствами Рио-де-Ла-Плата и Перу.

Посланные войска добивались признания власти Буэнос-Айреса, а не пытались распространить ее на другое вице-королевство. Буэнос-Айрес считался наследником власти Испании в границах вице-королевства Рио-де-Ла-Плата.

Экспедиции в Верхнее Перу возобновил Мануэль Бельграно. Он одержал победы в Тукумане и Сальте, но потерпел поражения в Вилькапукхио и Айоуме. Затем во главе армии встал генерал Рондо, который дошел до внутренних областей Верхнего Перу и был разбит при Сипе-Сипе в 1815 г. После этого Буэнос-Айрес больше не посылал войска в Верхнее Перу, однако на северной границе постоянно шли военные действия под командованием каудильо¹ Мартина Мигеля де Гузмеса. Гузмес вел партизанскую войну, не дававшую роялистам продвинуться на юг, и сумел стабилизировать обстановку на границе.

Другой военной проблемой был Монтевидео, откуда отправилась флотилия для нападения на Буэнос-Айрес. Жители Восточного берега даже обстреляли Буэнос-Айрес и осуществили несколько рейдов по городам в районе реки Парана. Испанское со-

¹ *Каудильо* (исп. *Caudillo* — предводитель) — региональный или локальный лидер, вождь. Позднее термин получил расширительное значение: диктатор.

противление в Монтевидео пережило осаду, во время которой роялисты оказались запертыми в городе. Популярный военачальник Хосе Хервасио Артигас, ставший в результате народных выборов каудильо Восточного берега, принял участие в борьбе сторонников независимости и поддержал хунту Буэнос-Айреса, однако затем подал в отставку из-за разногласий, возникших между ним и хунтой. Тем не менее в 1814 г. войска патриотов сумели взять Монтевидео, и этот триумф позволил Хосе де Сан-Мартину изменить военную стратегию революции, задумать и осуществить кампании в Чили и Перу.

Столь же важными, как военные победы, стали события в Буэнос-Айресе и провинции после замены вице-короля правительством патриотов. Конечно, среди сторонников независимости существовали разные фракции: более радикальная, во главе с Морено и Кастаньи, и более консервативная, которая возглавлялась Сааведрой. Были и другие фракции, сменявшие друг друга у власти в течение десяти лет, с 1810 по 1820 г., пока не пало центральное правительство.

Итак, до 1820 г. в Буэнос-Айресе существовало правительство. Оно назвалось по-разному: Первой хунтой, Большой хунтой, Триумvirатом, Вторым триумvirатом, Директорией; его юридическая форма и устав также менялись. Но это правительство заседало в Буэнос-Айресе и считало себя наследником испанской власти. Оно получало финансовые средства, главным образом в результате таможенных сборов, и направляло большую их часть на дело борьбы за национальную независимость: на вооружение и обмундирование армии, посылку дипломатов за границу, пропаганду дела революции и т.д. То есть оно играло роль центрального правительства. И хотя в 1820 г. правительство, называвшееся тогда Директорией, пало, за десять лет его существования произошли очень важные изменения внутри того общества, которое уже начало называть себя аргентинским.

Перемены

В первую очередь, перемены произошли в общественном сознании. Выше отмечалось, что «общее благо» было одной из главных нормативно-юридических испанских концепций в Америке. «Общее благо» означало, что меры, принимаемые государством (то

есть короной, вице-королем, губернатором), должны быть направлены на благо всех, а не на благо какой-либо части общества. Эта концепция, как уже говорилось, позволяла не исполнять некоторые приказы и королевские грамоты, несмотря на то что они приходили из Мадрида за подписью короля. Им подчинялись, но их не исполняли, если вице-король считал, что они принесут больше вреда, чем пользы.

Концепция общего блага была отброшена в 1810 г. и заменена концепцией народного суверенитета, ставшего знаменем теоретиков революции, таких, как Морено, Кастельи и Бернардо Монтеагудо. Этой революционной концепции понадобился век, чтобы воплотиться на практике в форме выборов, однако в качестве принципа она уже утвердилась в этом новом обществе.

В концепции народного суверенитета, идея, что народ может назначать своих представителей в случае отсутствия законных властей, была заменена тезисом Руссо, согласно которому большинство, по крайней мере в теории, господствует на различных выборах, ассамблеях и производит назначение лиц на должности. Конечно, все эти изменения происходили медленно и проводились в жизнь посредством правительственных решений, направленных на формирование республиканского и демократического общества.

Во-вторых, и уже не в теории, а на практике, распад вице-королевства оказал большое влияние на всех его жителей. Не будем забывать, что вице-королевство было чем-то вроде наброска великой страны. На огромных территориях, вошедших в его состав позднее сформировалось четыре нации. Тем не менее его главным недостатком была именно обширная территория; вице-королевство состояло из очень непохожих друг на друга частей, чей климат, население, менталитет жителей, их занятия и интересы были различными и в некоторых случаях прямо противоположными. Поскольку вице-королевство просуществовало всего тридцать лет, ему не хватило времени для соединения разрозненных частей в нацию, обладавшую общим самосознанием.

Мы уже знаем, что начиная с 1810 г. территориями, где революция встретила сопротивление, были Верхнее Перу, Парагвай и Монтевидео. Именно эти регионы стремились отделиться от вице-королевства. Процесс отделения занял около двадцати лет и был необратим. Верхнее Перу, вошедшее в юрисдикцию Буэнос-Айреса в 1776 г., продолжало сохранять связи с Перу и старалось

держаться подальше от столицы. Поэтому сопротивление войскам Буэнос-Айреса было поддержано народом, и Верхнее Перу стало последним испанским оплотом в Южной Америке. Здесь испанское сопротивление продолжалось до 1824 г., когда битва при Аякучо положила ему конец. Причем в этой битве сражались не войска Буэнос-Айреса, а армия Симона Боливара, пришедшая с севера. Это позволяло думать, что Боливар будет защищать независимость региона от Буэнос-Айреса. Именно так была рождена Боливия.

Парагвай потратил на самоидентификацию больше времени и провозгласил свою независимость только в 1846 г. В свою очередь Восточный берег, который с 1815 г. страдал от постоянных нападений португальцев, стал ареной войны между Аргентинской республикой и Бразильской империей. Война завершилась провозглашением независимости Восточного берега, получившего название Восточная республика Уругвай.

Все эти центробежные тенденции начали проявляться с окончанием власти испанцев, мирно управлявших жизнью в таких разных регионах. Неконтролируемый революционный процесс разделил эти территории.

Военные аспекты

С 1810 г. росли военные потребности Буэнос-Айреса. Этому городу лавочников и торговцев после английских вторжений, создавшему собственные вооруженные силы, пришлось приложить огромные военные усилия для торжества революции. Действительно, именно Буэнос-Айрес вел за собой революцию. Ранее мы говорили, что признание его лидерства в провинции сопровождалось оговорками, сопротивлением, проволочками. Наибольшее сопротивление оказывали крупные города, такие, как Сальта или Кордоба, а быстрее всего признали и приняли хунту Буэнос-Айреса интендант-губернаторства и входившие в них города.

В любом случае из-за консервативного характера провинциального общества новые концепции, шедшие из столицы, были приняты не сразу, и главную тяжесть революции вынес на своих плечах Буэнос-Айрес. Хотя в Кордобе и Тукумане матери отдавали сыновей в армию патриотов, именно Буэнос-Айрес придавал динамизм революционному процессу.

Исходя из новых потребностей, Буэнос-Айрес начал обретать военный облик в одежде, языке, стиле поведения жителей, чего раньше не было. Эти изменения ускорились с 1812 г. после прибытия сюда Хосе де Сан-Мартина и Карлоса де Альвеара — первых профессиональных военных на службе революции. Предыдущие военачальники были любителями; Бельграно, например, был адвокатом, и его назначили генералом за неимением других кандидатур. Единственным бригадным генералом, и при этом малоуспешным, был Мигель де Азкуэнага.

Сан-Мартин и Альвеар настаивали на том, чтобы юноши из хороших семей вступали в армию в качестве офицеров, и действительно, вскоре стало модно быть военным. Дети из таких семей, как Эскалада, Балькарсе, и им подобных становились офицерами, и эта сфера деятельности, которой до этого занимались любители, превратилась в серьезное профессиональное занятие, поскольку война также обещала быть серьезной и, кроме того, продолжительной.

Милитаризация общества подорвала традиционные устои. Хосе Мария Пас, который служил практически во всех армиях патриотов начиная с 1813 г., рассказывает в своих воспоминаниях, что не помнит ни одного случая покупки лошадей, — каждый раз, когда были нужны лошади, их просто конфисковывали. В лучшем случае хозяину давали расписку, а деньги по ней он мог затем пытаться требовать неизвестно с кого. В сравнении с предыдущим порядком, когда, к добру или нет, испанские власти с помощью различных структур и инстанций поддерживали уважение к собственности, разница была значительной.

Новое положение дел благоприятствовало появлению военных вождей — каудильо. Когда общество передает часть своего имущества вооруженным людям, потому что они защищают революцию, оно делает первый шаг к появлению победоносного каудильо, который в определенный момент ударит саблей по столу и скажет: «Здесь команду я!»

Другим новым явлением, также очень интересным, стал антииспанизм. И в 1810 г., и позже, когда разрыв с Испанией стал более явным, так как революция продолжалась, несмотря на возвращение Фердинанда VII на испанский престол; когда посланники испанского правительства не могли договориться с представителями Буэнос-Айреса, — одним словом, когда независимость представлялась неизбежной, — царило неприятие всего испанского.

Испанец был противником, и поэтому полагалось относиться к нему враждебно. Это чувство вражды проявилось очень широко, например в литературе. И хотя романтизм как направление появится лишь спустя несколько лет, уже тогда существовало отрицание испанского искусства и классических форм.

Иногда отторжение было очень конкретным. Например, уже Первая хунта приказала изгнать всех холостых испанцев из Буэнос-Айреса, что естественно принесло проблему разорванных помолвок и разрушенных семей; вопрос стоял так остро, что на хунту оказывалось огромное давление для отмены этой меры. Тогда, как это обычно происходит в нашей стране, декрет дополнили другим, делавшим исключение для холостых испанцев, которые доказали свою верность революции, для тех, у кого были рекомендации, и т.д. В конце концов эта мера так и не была реализована.

Теперь встает вопрос: как стала возможной такая вражда по отношению к испанцам, если 95% населения были испанцами или детьми испанцев? Я думаю, что это новое общество нуждалось в некоем самоутверждении, и, чтобы достичь этого, нужно было восстать против своего прародителя, убедив себя в том, что он был тираном, деспотом, плохим и т.д. Это психологическая реакция, которую можно понять.

Непокорность креолов по отношению к испанским отцам и дедам была заметной. Английский путешественник Брекенридж писал в 1819 г., что на модном бульваре Аламеда, можно было увидеть причудливые группы бедно одетых людей, которые уныло разговаривали между собой; это испанцы, прежде богатые и уважаемые торговцы Буэнос-Айреса, а теперь отверженные в результате революции и к тому же обедневшие из-за прерванных связей с торговцами Кадиса.

Антииспанские чувства проявлялись в разных формах. В некоторых случаях — они воплощались в конкретные меры против тех, кто мог быть врагом. Заговор Мартина де Альсаги (1812), направленный против первого Триумvirата, заменившего Хунту в 1811 г., ознаменовал одну из вершин антииспанизма. Альсага был расстрелян, а его собственность конфискована, так как он возглавил то, что могло стать действительно опасным движением, поскольку во многом оно финансировалось или направлялось богатыми и старыми испанскими семьями, видевшими ослабление своей власти.

Плохое отношение к испанцам распространялось и на испанских военнопленных. После битвы при Тукумане (но не в битве

при Сальте, потому что там Бельграно пришел к соглашению с испанским генералом и все пленные были отпущены на свободу) многие испанские пленные были посажены в тюрьмы в разных городах вице-королевства. Большинство так там и остались. Надо сказать, что автор этой книги является потомком испанского пленника из Тукумана, Томаса Вальдеса, который затем поселился в Ла-Риохе, женился и умер спустя много лет очень уважаемым человеком.

Генерал Сан-Мартин отправил многих испанских пленных в Мендосу, чтобы они работали под началом креольских собственников вместо рабов, призванных в армию патриотов. В других случаях отношение к испанцам было еще более жестким; в течение нескольких лет рядом с городом Долорес существовал концентрационный лагерь под названием Лас Брускас, где пленным испанцам приходилось очень тяжело. Есть масса свидетельств пленных, где они жалуются на условия жизни, климат, питание. Некоторые пытались бежать.

Одну из таких историй поведал Дон Фаустино Ансай, очень уважаемый человек в Мендосе, проживший беспокойную жизнь и оставивший очень интересные воспоминания. Он был одним из тех, кто в 1810 г. возглавил сторонников непризнания хунты Буэнос-Айреса в кабиљдо Мендосы. После неудачи его задержали и отправили в Лас Брускас, который был недавно создан. Ансай сбежал и нашел приют в Монтевидео; когда сторонники независимости взяли Монтевидео, его схватили и снова отправили в Лас Брускас. Только в 1820 или 1821 г. он добился выхода на свободу.

Антииспанизм изменил стиль жизни Буэнос-Айреса. Были отвергнуты короткие панталоны, непременная часть костюма испанца из хорошей семьи; их заменили штаны, которые носили североамериканские моряки. Сохранились портреты Мариано Морено, на которых он изображен в коротких панталонах и белых чулках, а в своем знаменитом декрете о чести он сам говорит о необходимости использовать фрак для присутствия на любой официальной церемонии. Но вскоре все это было отброшено, так же как низкие поклоны и церемониальные приветствия испанского протокола; взамен было принято простое рукопожатие в англосаксонском стиле. А чай пришел на смену горячему шоколаду.

Эти культурные перемены внесла английская колония, появившаяся в Буэнос-Айресе в результате политики свободы торговли. Приехали сюда французы, но их было не много. Нацио-

нальное правительство в целом проводило очень либеральную торговую политику. Не существовало никаких ограничений, любой мог ввозить и вывозить товары при условии оплаты соответствующих таможенных сборов. Эта политика являлась не следствием либеральных представлений, а была военной необходимостью. Чем больше привозилось товаров, тем больше за них уплачивалось таможенных пошлин и тем большую армию мог создать Буэнос-Айрес.

В результате такой политики английские торговцы постепенно обосновывались в Буэнос-Айресе. В связи с Наполеоновскими войнами и континентальной блокадой у Англии скопились значительные излишки товаров, которые ей было трудно продать. В поисках новых рынков многие английские торговцы приезжали в Буэнос-Айрес, так как еще до 1810 г. вице-король Сиснерос разрешил определенную свободу торговли. Это привело к тому, что английские торговцы стали обосновываться в столице, а многие из них объездили всю страну в поисках рынков и новых эффективных форм сбыта товаров. Помимо всего прочего они принесли свои обычаи, нравы, слова, и, в то время как провинция продолжала относиться к пришельцам с осторожностью, Буэнос-Айрес стал окном страны во внешний мир.

Либерализация торговли и война имели ряд последствий. Так как большая часть Верхнего Перу находилась в руках испанцев, традиционная торговля мулами, характерная для колониального периода, прекратилась, так же как исчезли и доходы, получаемые от нее. Раньше владельцы шахт из Верхнего Перу ездили в Сальту, где покупали мулов за наличные, и погонщики мулов вместе с местными производителями получали много денег. Но война положила конец обмену, и прибыли стали меньше.

Кроме того, английские торговцы требовали оплаты своих товаров наличными, главным образом серебром, что также способствовало сокращению денежной массы. В основном они привозили хорошие, красивые и дешевые ткани, которые были лучше местных изделий, а также разную утварь, ножи, кастрюли и другие товары первой необходимости. Мебель привозили преимущественно североамериканские торговцы. Эти покупки оплачивались тоже твердой монетой, в результате чего за несколько лет население бывшего вице-королевства постепенно оказалось без денег, что привело к экономическим и финансовым неурядицам.

На пути к относительной демократии

Среди того нового, что принесла Майская революция, было представление о равенстве, понимаемом как отсутствие привилегий, что подразумевало равенство всех граждан, одинаковые права и т.д. Первоначально эта идея была весьма абстрактной, но по мере укоренения в аргентинском обществе она получила конкретное развитие. Антииспанские настроения, либерализация торговли, концепции народного суверенитета и равенства подготавливали такую же глубокую и резкую трансформацию, какой была сама Майская революция.

Помимо изложенных выше было еще два довольно важных момента. С началом революции стало формироваться то, что мы могли бы назвать «общественным мнением»; оно складывалось в кружках, политических фракциях, на различных собраниях и находило выражение в газетных статьях, некоторые из которых содержали критику, а некоторые — концептуальные идеи, как, например, статьи Мариано Морено. Впервые газеты, вместо того чтобы публиковать скучные новости торгового мира, известия о достижениях науки или что-нибудь о событиях в Европе, как это было в эпоху вице-королевства, выносили на обсуждение революционные идеи, которые вызывали сильные чувства и зачастую оказывали большое влияние на общественное мнение, только привыкавшее к подобным дебатам.

Выборы были другим новшеством. Каждый раз, когда Буэнос-Айрес объявлял о созыве какого-нибудь представительного собрания, как, например, Ассамблеи 1813 г. или Конгресса в Тукумане 1816 г., а также тех, которым не суждено было состояться, во всех городах бывшего вице-королевства жители собирались и выбирали того, кто будет представлять их в Буэнос-Айресе.

Конечно, люди, приходившие на собрания, принадлежали к тому же классу, который в колониальную эпоху принимал участие в кабилдо абьерто. «Самая главная и здоровая часть общества» — так их называли, то есть это были жители, у которых были дом, семья и уважаемая работа. Основная масса народа не голосовала.

Так же как рабы и метисы, не могли голосовать и белые — не важно, испанцы или креолы, — у которых не было уважаемой профессии. Мясники, например, не голосовали, так же как и сапожники. Право голосовать оставалось в руках элиты, которая

ранее не занималась такими делами, как созыв собраний, образование кабилдо, выбор того или иного кандидата, составление актов, их подписание. Иногда, как это было в случае с депутатами Восточного берега на Ассамблее 1813 г., эта элита давала указания, в которых, среди прочего, депутатов просили выступить против превращения Буэнос-Айреса в столицу нового правительства.

Таким образом, формировалось динамичное общественное мнение, росла интеллектуальная активность, выражались различные точки зрения, находившие отражение в газетах и на хотя и ограниченных по составу участников, но все-таки выборах. Местные жители пережили различные трудности вместе с национальными правительствами, прошли через военные события — победоносные или нет, через открытие свободной торговли, связавшей эту часть Америки с остальным миром. Майская революция за десять лет (с 1810 по 1820 г.) принесла глубокие изменения. Произошли невиданные события, совершилась реальная трансформация общества, ставшего несколько более свободным и беззаботным, я бы даже сказал, юным. В этом контексте появились революционные лидеры, которые в колониальный период не имели бы ни малейшей возможности проявить себя в политике.

IV. В поисках политической формулы

Любой народ, который намеревается совершить переход к абсолютно новому этапу, такому, который в Рио-де-Ла-Плате начался в 1810 г., задает себе ряд вопросов, как прямых, так и тех, что присутствуют в скрытой форме. Первым стал вопрос о том, каковы будут отношения с бывшей метрополией. Были те, кто считал, что не стоило ввязываться в борьбу за полную независимость, а следовало образовать что-то вроде ассоциации с Испанией, но само развитие войны покончило с такой возможностью. С другой стороны, начиная с 1815 г., когда на трон вернулся Фердинанд VII, в Испании проводилась абсолютистская политика, которая была несовместима с либеральными идеями, существовавшими в Буэнос-Айресе в тот момент.

Второй вопрос, также очень важный: какую политическую модель стоило принять в этом новом образовании, называвшемся Объединенными провинциями Рио-де-Ла-Платы? Одним из вариантов была модель, существовавшая в США. За тридцать лет до этого английские колонии в Северной Америке провозгласили независимость, приняли конституцию и осуществили на практике новейшую политическую модель — демократическую республику — в эпоху (конец XVIII в.), когда даже конституционная монархия казалась прогрессивной. Английские поселенцы, освободившись от бывшей метрополии, избрали для себя республиканскую систему, которой в то время не было ни в одной стране, хотя она и существовала две тысячи лет назад в Греции и Риме.

Республиканские настроения присутствовали и в бывшем вице-королевстве Рио-де-Ла-Плата. Характер его жителей, свободная

жизнь, специфика сельскохозяйственных работ, огромные расстояния — все способствовало тому, чтобы будущая политическая модель мыслилась республиканской и даже федералистской. Тем не менее здесь существовали традиции централизма, которые утвердились в период вице-королевства с преобладанием Буэнос-Айреса как столицы. Вспомним, что интендант-губернаторства — например, Кордоба и Сальта на территории современной Аргентины и другие в Верхнем Перу и Парагвае — подчинялись ему, но существовали города, входившие в эти интендант-губернаторства и постоянно соперничавшие с главными городами будущих независимых стран.

Юридические новшества

Мы можем сказать, что описанные нами выше вопросы стали возникать с 1810 г. Какую политическую систему выбрать? Республику, монархию, федеративную республику, унитарную республику? Помимо того, что раньше существовали кабильдо, интендант-губернаторства и централизм вице-королевства, также нужно учитывать, что во время майских собраний использовались две юридические концепции, которые приобретут огромное политическое значение в последующие годы. В первую очередь «доктрина ретроверсии», а также «доктрина о замещении».

Действительно, хунта, сменившая вице-короля, наследовала его полномочия, то есть взяла на себя всю полноту его власти, функции и компетенцию. Поэтому Майская хунта и последующие правительства (Большая хунта, Первый триумvirат, Второй триумvirат, Директория) считали, что они обладают всей той властью, которая была у вице-короля, и, следовательно, претендовали на то, чтобы управлять землями, на которые распространялись его полномочия. То есть, хотя между правительством вице-королевства и национальными правительствами существовала огромная политическая разница, ее не было в том, что касалось совокупности тех полномочий, которыми они обладали.

Концепция «замещения» позволила Буэнос-Айресу оправдать присвоение роли центральной власти, которую с 1810 г. он осуществлял над другими территориями вице-королевства. Этим, например, объясняется то, почему первая экспедиция в Верхнее Перу, посланная в июне 1810 г., получила указания остановиться

перед рекой Десагуадеро, которая отделяла вице-королевство Рио-де-Ла-Плата от вице-королевства Перу. Если Майская хунта перенимала полномочия вице-короля, то она не могла превышать юрисдикцию, которой вице-король обладал в свое время.

Другая концепция, доктрина «ретроверсии», утверждала, что в случае отсутствия по той или иной причине законной власти, народ имел право сам выбрать власть. Именно такой была ситуация в 1810 г., когда законный король Фердинанд VII находился в плену и, кроме того, считалось, что Центральная хунта Севильи была захвачена французами.

Эта теория много раз использовалась юристами Буэнос-Айреса и провинции, где она быстро стала популярной. Настолько, что жители Жужуя, например, апеллировали к ней, отрицая полномочия Сальты присылать им правителей; жители Жужуя хотели самоуправления. Так постепенно утверждались федералистские настроения, которые очень сильно распространились после 1820 г.

То, как использовались концепции замещения и ретроверсии, показывает, что юридические теории не являются абстрактными настроениями, а имеют большой политический и юридический резонанс, когда овладевают массами людей; это говорит о том, что теории не являются чем-то иллюзорным, а имеют практическое и конкретное применение.

Буэнос-Айрес и провинции

Отношения между Буэнос-Айресом и провинциями стали напряженными с началом правления Первой хунты. Столица, после того как Первая хунта переняла полномочия и права вице-короля, хотела не только руководить правительством, но и назначать интендант-губернаторов, посылать армии для признания ее власти, устанавливать дипломатические отношения с другими странами и, естественно, собирать налоги, главными из которых были таможенные пошлины. Мы уже говорили, что благодаря сбору налогов Буэнос-Айрес обеспечивал нужды национальной армии, государственного аппарата, вел пропаганду революции, посылал дипломатических представителей и т.д.

Тем временем в провинции очень быстро росло ощущение того, что Майская революция лишь заменила деспотизм Мадрида деспотизмом Буэнос-Айреса; это привело к ряду последствий.

Наибольшая ненависть исходила из Лимы, находившейся в руках роялистов, однако она была очень далеко. Среди территорий бывшего вице-королевства наиболее острое соперничество с Буэнос-Айресом всегда вел Восточный берег. Напомним, что Монтевидео, который обладал лучшей бухтой, чем Буэнос-Айрес, с колониальных времен надеялся стать воротами для этой части Америки.

Поэтому в Монтевидео (к тому же находившимся в то время в руках роялистов) и на равнинах, которые его окружают, начали серьезно оспаривать централистский режим Буэнос-Айреса. Это движение возглавил Артигас — каудильо, пользовавшийся большой популярностью в народе, очень упорный, талантливый и знакомый с принципами североамериканского федерализма. Его противостояние с Буэнос-Айресом проявилось на Ассамблее 1813 г. и во время Тукуманского конгресса, на который Артигас не прислал делегатов.

Идеи, политическая и военная деятельность Артигаса оказали влияние не только на Восточный берег, но и на прибрежные провинции, находившиеся на побережье (Энтре-Риос, Корриентес, Санта-Фе), и в определенный момент также на Кордобу. Оппозиция Артигаса была важна со всех точек зрения.

Во-первых, количественно — потому, что Артигас обладал достаточной властью, чтобы отнять у Буэнос-Айреса реальный контроль над такой важной частью бывшего вице-королевства, какими были вышеуказанные провинции. Во-вторых, качественно — потому, что его несогласие базировалось на четком политическом мировоззрении, вдохновляемом североамериканским опытом.

Нужно, конечно, размышлять о том, была ли политика Артигаса верной на тот момент или нет, поскольку здесь отсутствовали условия, существовавшие в Соединенных Штатах. Например, в бывших североамериканских колониях имелись помимо губернатора, которого обычно присылала английская корона, местные законодательные собрания, состоявшие из влиятельных лиц и занимавшиеся законотворчеством вместе с губернатором. Таким образом, существовал опыт протодемократического правления. И что еще более важно, структурно колонии состояли из маленьких городов и деревень, где население, в большинстве своем грамотное, благодаря чтению местных газет участвовало в формировании общественного мнения. Так обстояли дела до и после североамериканской революции, что

создало основу для демократии, которая родилась позже, начиная с президентства Вашингтона.

В вице-королевстве, напротив, городов было мало, и они располагались в сотнях километров друг от друга; не существовало широкого общественного мнения, и большая часть населения оставалась неграмотной. Отсюда возникали огромные трудности для установления структуры власти, которая соответствовала бы демократическому проекту, осуществлявшемуся в то время в Соединенных Штатах. Отсутствовали условия для развития политических партий, — те условия, которые сформировались в США и породили североамериканскую демократию, какой мы знаем ее сегодня.

Но в любом случае Артигас выражал важные региональные настроения, суть которых заключалась не только в протесте против чрезмерного централизма Буэнос-Айреса, но и в существовании региональных особенностей. Не надо забывать, что бывшее вице-королевство состояло из совершенно различных территорий — у Верхнего Перу не было ничего общего с Парагваем, северо-западные провинции современной Аргентины не имели ничего общего с Буэнос-Айресом. Этнический состав, ландшафт, тип производства, характер жителей были различны в каждом из этих случаев; существовали зависть, симпатии и сильно укоренившийся регионализм, который в конце концов нашел воплощение в явлении каудильо.

Поэтому с ростом влияния Майской революции федералистские настроения укоренились в общественном мнении аргентинских провинций и воплотились прежде всего в фигуре Артигаса. Кроме того, само движение обладало характеристиками, свойственными этим землям. В то время как в бывших британских колониях Северной Америки существовало уважение к закону, унаследованное от английской традиции, аргентинское колониальное прошлое было отмечено с середины XVI в. (тогда эти земли даже еще не были достаточно заселены) большим количеством беспорядков, бунтов, мятежей и выступлений против властей, имевших репутацию авторитарных или тиранических. Второй губернатор Тукумана, Херонимо Луис де Кабрера, был обезглавлен своим преемником Гонсало де Абреу, которого, в свою очередь, обезглавил его преемник, Эрнандо де Лерма, и т.д. Такой традиции не существовало в Соединенных Штатах, что придавало политическим противостояниям определенную мягкость.

В 1815 г. произошла первая народная революция против центральной власти, когда в провинциях вспыхнуло нечто вроде всеобщего восстания против назначения Альвеара Верховным правителем. Он был смещен два или три месяца спустя. В действительности уже в 1812 г. благодаря скрытому содействию Сан-Мартина и Альвеара Первый триумvirат был отстранен от власти, и сформирован Второй триумvirат. Ранее, 5 апреля 1811 г., Большая хунта, возглавляемая Сааведрой, укрепила свои позиции благодаря народному выступлению. Таким образом, существовала традиция разрешать противоречия с центральной властью не только силой убеждения и в результате дискуссий, но и вооруженным путем.

Независимость

В 1815 г. произошла насильственная смена правительства. Обстоятельства вызвали необходимость придать новый импульс революции, оказавшейся в трудном военно-политическом положении. Политические осложнения объяснялись тем, что в этом году Фердинанд VII вернулся на трон. Военная обстановка была еще более напряженной: после поражения при Сипе-Сипе войска вспомогательной армии Верхнего Перу вынуждены были отступить и находились почти на рубеже Сальты; Парагвай сохранял нейтралитет и, хотя был взят Монтевидео, что стало главной победой 1814 г., в остальной Америке практически все близкие Буэнос-Айресу революционные движения были подавлены.

Так возникла срочная необходимость провозгласить независимость — вопрос, который до того момента официально не ставился, несмотря на то что бывшее вице-королевство уже имело некоторые признаки будущей самостоятельной страны. Начиная с Ассамблеи 1813 г. существовал флаг, гимн и собственная монета, принимались принципиальные законы, например те, которые отменяли рабство для рожденных после принятия закона и запрещали торговлю неграми, законы, которые аннулировали дворянские титулы и майораты, а также закон, установивший свободу печати. Тем не менее нужно было закрепить это провозглашением формальной независимости, что произошло в Тукумане в июле 1816 г.

В тот момент возник второй важнейший вопрос. Первым, как говорилось выше, был следующий: зависим ли мы каким-либо об-

разом от Испании? Впрочем сам характер освободительного процесса сделал сохранение зависимости неприемлемым, был провозглашен суверенитет страны. Вторым вопросом стал вопрос о том, какую форму правления избрать. На Тукуманском конгрессе серьезно обсуждалась возможность установления в стране монархии. Наполеон был разгромлен, и в Европе господствовал Священный союз, объединивший ряд стран, в которых правили очень реакционные режимы, — Российскую империю, Францию Бурбонов, Австрию, управлявшуюся Меттернихом. В таком контексте республиканский строй ассоциировался с подрывной деятельностью, хаосом и якобинством.

Некоторые влиятельные люди, среди них Мануэль Бельграно, советовали основать монархию. Это предложение могло воплотиться в жизнь путем очень сложных дипломатических переговоров в Европе. Также рассматривалась идея посадить на трон представителя народа инков. Однако эти варианты были не более чем зондированием общественного мнения, которое, каким бы слабым оно ни было, отвергало возможность установления монархии в Буэнос-Айресе, что означало бы конец революции. Народ, несмотря на изменчивость своих взглядов, отказался от этой возможности и предпочел другую — более открытую, более свободную, более демократичную.

Таким образом, монархия оказалась отвергнутой, была провозглашена независимость, и Тукуманский конгресс, который переехал в Буэнос-Айрес, продолжил заседания для выработки конституции. Она была составлена и принята в 1819 г. и на тот случай, если вдруг в будущем будет отдано предпочтение монархии. На практике конституция не исполнялась. Это была конституция с аристократическим уклоном, с сенатом, формировавшимся из делегатов от провинций и в то же время включавшим лиц, занимавших значимые должности, — ректоров университетов, генералов, епископов и т.д. В тексте ни разу не упоминалось слово «республика». Конституция 1819 г. не выполнялась, потому что федералистская оппозиция была уже сильной и очень глубоко укоренилось недоверие народа к монархическим интригам. При таком положении дел, после ряда политических событий и в то время как Сан-Мартин занимался освобождением Чили, в феврале 1820 г. произошла битва при Сепеде.

Неформальная организация

Битва при Сепеде была дана двумя настоящими каудильо с побережья — Эстанислао Лопесом и Франсиско Панчо Рамиресом, которые встретились с остатками национальной армии и разгромили ее при Сепеде недалеко от Сан-Николаса 1 февраля 1820 г.

За несколько недель до этого армия из Верхнего Перу, вызванная Директорией для борьбы с каудильо, восстала в Фонтесуэласе. Она отказалась продолжать сражаться со своими соотечественниками и отступила в Кордобу. Таким образом, Директория оказалась беззащитной, и именно после этой битвы возникла искусственная, но при том хорошо обдуманная федералистская система. В нынешней историографии 1820 год известен как год анархии.

Слово «анархия» происходит от греческого *an arkos*, что означает «без правительства», «не имеющий главы», и, действительно, в битве при Сепеде национальное правительство рухнуло — пали Директория и Конгресс. С 1810 г. и позднее в Буэнос-Айресе существовало правительство, чья власть была общенациональной, правительство, которое, как считалось, переняло власть вице-королей. Начиная с битвы при Сепеде Буэнос-Айрес превратился в провинцию; было сформировано законодательное собрание, избравшее губернатора.

В течение 1820 г. Буэнос-Айрес пережил большие политические потрясения, включая знаменитый день трех правителей¹, но к концу этого года его политическое положение укрепились. В то же время были созданы остальные тринадцать провинций, ставших истинными основательницами нации. Тринадцать — потому, что Жужуй отделился от Сальты в 1833 г. и стал, таким образом, одной из четырнадцати традиционных провинций страны.

Какое значение имело образование провинций? В первую очередь надо сказать, что после битвы при Сепеде Лопес и Рамирес не стали навязывать Буэнос-Айресу слишком тяжелые условия. Они только попросили подписать договор (получивший по месту подписания название «Договор Пиляр»), устанавливавший то, что

¹ 20 июня 1820 г. вошло в историю как «день трех правителей» Буэнос-Айреса, когда исполнительную власть в городе одновременно пытались осуществлять Ильдефонсо Мехия, Мигель Солер и кабиљдо города.

они считали двумя главными принципами, — принцип национальности и принцип федерализма.

Первый включал в себя четко выраженную идею о том, что бывшее вице-королевство намерено стать страной, нацией. И хотя оно переживало период анархии и смуты, в нем жило стремление создать страну, когда для этого будут благоприятные условия.

С некоторым оптимизмом в Договоре Пиляр говорилось, что в течение шестидесяти дней со дня его подписания соберется конгресс в монастыре Сан-Лоренцо рядом с Санта-Фе — там, где Сан-Мартин выиграл свое первое сражение, — для установления норм, на основе которых будет организована федеральная система в стране. И хотя реальные события не дали выдержать эти сроки, Договор Пиляр остался свидетельством стремления провинций создать нацию.

Второй принцип, признания которого требовали от Буэнос-Айреса Лопес и Рамирес, был принцип федерализма. Страна должна была стать не монархией, а федеральной республикой, то есть республикой, в которой некоторые полномочия отданы центральной власти, однако, каждая провинция обладает самоуправлением. Это шло от старой традиции, существовавшей с колониальных времен.

Мы говорили, что города Кордоба и Сальта были центрами интендант-губернаторств и от них зависели так называемые подчиненные города (например, Ла-Риоха, Сан-Луис, Мендоса и Сан-Хуан зависели от Кордобы). Но подчиненные города ненавидели центры интендант-губернаторств. Они считали себя ограбленными, полагали, что главные города злоупотребляли властью, и, как мы уже сказали, часто прибегали к помощи Буэнос-Айреса, чтобы он спас их от этой так называемой тирании. Каждый раз, когда у них возникали более или менее серьезные экономические проблемы, что-нибудь связанное со взысканием налогов; каждый раз, когда им присылали уполномоченного правителя или заместителя правителя, подчиненные города прибегали к помощи Буэнос-Айреса, который, сталкиваясь с соответствующим центром интендант-губернаторства, «перешагивал» через него. В каждом городе, подчиненном или нет, существовало кабильдо, бывшее центром сопротивления налоговым сборам интендант-губернаторств и ядром будущего федерализма.

Когда в 1820 г. пало национальное правительство и уже не было ни интендант-губернаторов, назначенных Буэнос-Айресом,

ни заместителей губернаторов, посланных в подчиненные города интендант-губернаторами, эти старые каibilityдос превратили свои регионы в отдельные провинции. Назначался законодательный орган, губернатор, в некоторых случаях принималась конституция, некоторые провинции установили налоговый режим, чтобы заниматься тем, чем, как считалось, должно было заниматься правительство.

В это время в Кордобе правил Хуан Баутиста Бустос, который был участником Войны за независимость и пришел к власти в результате революции (его поддержала именно армия Верхнего Перу, восставшая в Фонтесуэласе за несколько дней до битвы при Сепеде). Бустос с беспокойством смотрел на такое большое количество провинций, которые, по его мнению, не были способны осуществлять хорошее управление. Он, хотя и являлся федералистом, считал, что провинции должны были создаваться на основе бывших интендант-губернаторств, и начал осознавать, что у многих из них не было ни денег для самоуправления, ни класса уважаемых людей, которые могли бы заниматься этим, ни духовенства, которое могло бы представлять их правительство. В целом, по его мнению, у них не было даже минимальных условий, необходимых для существования в качестве провинций.

Бустос, как губернатор Кордобы, конечно, надеялся, что в его провинцию войдут Кордоба, Сан-Луис, Ла-Риоха и Куйо, но провинции, созданные на основе каibilityдос, хотели быть автономными, хотя в некоторых случаях у них действительно было очень мало ресурсов для достойного существования. Возьмем провинцию Ла-Риоха в 1820 г.: каковы были ее налоговые поступления? Минимальные налоги, которые шли от торговли скотом или от транзита товаров, очень редко провозившихся через ее территорию, или такса, взимаемая за открытие лавок. Налоговой системы не существовало и провинции жили очень бедно. И со временем эти особенности стали проявляться все более драматично. В любом случае возникновение провинций было обусловлено существованием регионалистских настроений, и в тот момент обязательно нужно было как-то удовлетворить их.

Таким образом, после 1820 г. получили развитие два различных опыта. С одной стороны, Буэнос-Айрес почувствовал себя освобожденным от роли старшего брата и перестал быть местом пребывания национального правительства. У него уже не было общенациональных обязанностей. Таможенные сборы — главная ста-

тяга дохода от налоговых поступлений — шли только на его нужды: на улучшение улиц, создание университета, на все то, что принесло Бернандино Ривадавии славу прогрессивного правителя. Средства, которые раньше направлялись на нужды армии, на дипломатические представительства, теперь шли на удовлетворение местных потребностей. В остальных провинциях, напротив, нехватка средств заставила провинциальные правительства переживать неудачи, разочарования, мелкие революции, мятежи...

То есть, с одной стороны, Буэнос-Айрес осуществлял то, что в то время получило название «счастливый опыт», — опыт миролюбивого правительства, которое из года в год представляет перед законодательным собранием свой бюджет, должным образом отчитывается, создает новые учреждения, улучшает качество жизни населения, позволяет процветать торговле. По другому обстояло дело в провинциях, положение которых после обретения независимости ничуть не улучшилось, а, напротив, стало хуже. Начиная с 1824 г., с битвы при Аякучо — последней битвы Войны за независимость, регион, включавший Сальту, Жужуй и Тукуман, ранее живший за счет торговли с Верхним Перу, страдал от нехватки денежной массы и особенно от отсутствия рынка сбыта своих товаров. В Куйо произошло нечто похожее, хотя освобождение Чили сделало возможным определенное расширение сферы его экономической деятельности. Другие провинции, у которых не было собственных ресурсов, находились в очень тяжелой ситуации.

Таким образом, постепенно становилась заметной необходимость создать некий конституционный строй в стране. Провинции требовали принятия конституции, в то время как в Буэнос-Айресе старались избежать этого, потому что понимали, что конституция будет означать создание нового центрального правительства, которому Буэнос-Айрес будет обязан подчиняться.

Война с Бразилией

Такая ситуация могла бы длиться до бесконечности, если бы не новое событие, которое вызвало острую необходимость в организации конституционного строя; этим событием стала война с Бразилией. Хотя Восточный берег находился в руках Артигаса, португальцы, всегда желавшие владеть этой территорией, начали мед-

ленное, но твердое и поступательное вторжение, которое завершилось захватом Монтевидео в 1820 г. Год спустя Восточный берег был переименован в Цисплатинскую провинцию, то есть стал еще одной провинцией Португальской империи, а после обретения Бразилией независимости — одной из провинций Бразильской империи. Это было неприемлемо.

Восточный берег всегда принадлежал испанской короне, и не будем забывать, что одним из юридических принципов в период правления национальных правительств был принцип, согласно которому новые нации сохраняли границы, существовавшие в колониальное время. То есть как вице-королевство Рио-де-Ла-Плата простиралось до реки Десагуадеро в Перу, так и Боливия, уже ставшая республикой, не претендовала на территории за Десагуадеро. Точно так же Восточный берег всегда принадлежал испанской короне, и его оккупация португальцами была незаконным захватом.

Правящий класс Буэнос-Айреса о сознавал необходимость освобождения Восточного берега и обратился ко всем провинциям с призывом прислать делегатов на Конгресс, который собрался в Буэнос-Айресе в 1824 г. После ряда переговоров с императором Бразилии и его отказа покинуть Восточный берег, а также под влиянием высадки «отряда 33-х» в 1825 г., начавшего освободительную кампанию под руководством Хуана Лавальехи, правительство Буэнос-Айреса от имени всех провинций объявило войну.

В определенном смысле созыв Конгресса 1824 г. в Буэнос-Айресе с депутатами от всех провинций был вызван необходимостью для Аргентинской республики (так она уже называлась в то время) изгнать бразильцев с Восточного берега.

Тем не менее Конгресс имел четкую унитарную направленность. Несмотря на то что провинции послали своих депутатов (некоторым провинциям это с трудом удалось сделать) для утверждения федеральной конституции, была принята унитарная модель, а президентом республики избрали Бернандино Ривадавию — лидера фракции унитариев. Однако такая ситуация просуществовала недолго.

После войны с Бразилией, закончившейся фактически вничью (в битве при Итусаинго была выиграна война на суше, но бразильская блокада с моря была очень жесткой и экономически задушила Объединенные провинции), в 1828 г. было достигнуто мирное соглашение, по условиям которого Восточный берег должен был превратиться в независимую республику. Так была завершена

фрагментация бывшего вице-королевства: Боливия еще раньше провозгласила независимость с согласия Конгресса, Парагвай сохранял нейтралитет и политику изоляции, а Восточный берег превратился в Восточную республику Уругвай.

В результате этих событий определились границы того, что затем станет Аргентинской Республикой. Однако война с Бразилией и крах утопических попыток первого президента Объединенных провинций Бернардино Ривадавия создать централизованное президентское государство (он вынужден был уйти в отставку в 1827 г.) вернули страну в прошлое. То есть произошел возврат к ситуации, когда существовало тринадцать провинций, которые сами управляли своими делами, но доверяли Буэнос-Айресу ведение внешней политики.

Было признано, что Буэнос-Айрес, бывший ранее столицей вице-королевства и обладавший необходимым административным аппаратом, является провинцией, способной вести переговоры с остальным миром. Действительно, начиная с 1822 г. наиболее влиятельные страны мира признали существование Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы в качестве независимой нации. Таким образом, правительство Буэнос-Айреса оказалось наделенным двойной ответственностью. С одной стороны, оно отвечало за проведение внешней политики, а с другой — было вынуждено учитывать общенациональные стремления, содержащиеся в Договоре Пиляр, которые предстояло воплотить в жизнь.

Гражданская война

К сожалению, губернатор Буэнос-Айреса Мануэль Доррего, федералист, пользовавшийся доверием каудильос из провинций, был свергнут армией ветеранов войны с Бразилией во главе с Хуаном Лавалье. Это событие положило начало новой гражданской войне, которая развернулась и в Буэнос-Айресе и в провинциях.

В Буэнос-Айресе Хуан Мануэль де Росас, командующий армией, встал во главе борьбы с участниками переворота, свергнувшего Доррего. После нескольких сражений и ряда беспорядочных стычек было достигнуто соглашение с Лавалье, по которому Росас стал губернатором Буэнос-Айреса, восстанавливалось законодательное собрание и в провинции Буэнос-Айрес устанавливался мир.

Но в других провинциях, где действовал генерал Хосе Мария Пас, быстро свергнувший Бустоса и ставший губернатором Кордобы, была создана «Унитарная лига», сместившая федералистские правительства в провинциях. Несмотря на свое название, «Унитарная лига» не имела соответствующей идеологии и вела борьбу против Буэнос-Айреса, что закончилось подписанием Федерального пакта 1831 г.

Федеральный пакт был соглашением, подписанным Буэнос-Айресом, Санта-Фе и Энтре-Риос. Его целью был оборонительно-наступательный союз: нападавший на одну из трех провинций вступал в конфликт с двумя остальными. Кроме того, как и принятый ранее Договор Пиляр, пакт содержал обязательство организовать страну на основе принципов федерализма, когда сложатся необходимые для этого условия, а именно наступят мир и общественное спокойствие.

В момент подписания пакта делегат от Корриентеса, Педро Ферре, также поднял вопрос о необходимости разработать экономическую программу для будущей страны. Будет ли она продолжать придерживаться принципов свободы торговли? Будет ли, как и раньше, позволено ввозить любые иностранные товары, а местные предприниматели в силу этого окажутся обреченными на полную нищету и ликвидацию своих мелких предприятий? Такие вопросы ставил Ферре, владевший маленькой верфью и знавший проблемы (вызванные безумной свободой торговли), которые испытывали провинции с 1810 г., когда правительства патриотов провели либерализацию торговли, так как нуждались в таможенных деньгах для покрытия своих расходов.

Политика свободной торговли означала тотальное вторжение товаров, прежде всего британских, и уничтожение немногочисленного ремесленного производства, существовавшего в провинции, а также вывоз твердой монеты, что принесло бедность в провинции. Ферре предлагал до подписания договора заключить соглашение, которое защитило бы местное производство (производство вина, пшеницы, товаров из кожи) достаточно высокими таможенными пошлинами.

Буэнос-Айрес, управляемый Росасом, выступил против этого предложения, и в конечном итоге в январе 1831 г. был подписан Федеральный пакт без какого-либо упоминания об экономической политике, которая должна проводиться в будущем. Единственное, о чем там говорилось, так это об образовании представительной

комиссии трех правительств, подписавших договор, и о том, что, когда в стране наступит мир и покой, будут приглашены другие провинции для организационного оформления федерации.

Письмо из асьенды Фигероа

В рамках поиска форм политической организации, начавшегося в 1810 г., в 1834 г. был подписан очень важный документ, который вместе с Федеральным пактом станет основой более или менее прагматичной структуры, просуществовавшей в стране до битвы при Монте-Касерос в 1852 г.

Росас, который после заключения соглашения с Лавалье был губернатором Буэнос-Айреса с 1829 по 1832 г., действовал успешно и несколько улучшил ситуацию. Его правление совпало с сильной засухой в Буэнос-Айресе и близлежащих провинциях, но оно же обозначило конец гражданской войны в Буэнос-Айресе.

После проведения «кампании по завоеванию пустыни»¹ он отказался быть губернатором, поскольку хотел править, только обладая чрезвычайными полномочиями. По его мнению, положение дел не позволит губернатору контролировать ситуацию, если у него не будет всей полноты власти, если он не будет диктатором. Так как законодательное собрание Буэнос-Айреса не захотело дать ему этих полномочий, Росас отказался от переизбрания.

Несколько временных губернаторов сменили друг друга, и к концу 1834 г. в Буэнос-Айрес пришла весть о войне между двумя федералистскими провинциями — Тукуманом и Сальтой. Росас позвал самого влиятельного человека из провинций, Хуана Факундо Кирого, который тогда жил в Буэнос-Айресе, и попросил его отправиться представителем правительства провинции Буэнос-Айрес для умиротворения сторон. После нескольких дней совещаний Кирого отправился на север, а Росас, находясь в асьенде Фигероа, взялся за составление пространного документа, датированного 20 декабря 1834 г. К Кирого документ попал, когда он находился уже в Сантьяго-дель-Эстеро. Речь идет о знаменитом Письме из асьенды Фигероа; это был один из немногих документов, где Росас излагает свои политические взгляды. Вкратце они были таковы:

¹ «Кампания по завоеванию пустыни» — поход (1833) против индейских племен с целью захвата их земель.

страна пока не готова учредить федеральный конституционный режим — нет самых элементарных условий для этого. Страна только что вышла из гражданской войны, провинции разрушены, раны еще очень глубоки. Если созвать Конгресс, то на нем будут преобладать унитарии и мошенники, «те, кто отсиделся в тылу». Результатом явится новый провал. Кроме того, нужны деньги, а их нет. С другой стороны, где соберется Конгресс? В Буэнос-Айресе нельзя: это сразу вызовет недоверие провинций, как это уже случилось. Да и какого рода конституция будет на нем принята?

Давайте подождем, и дела со временем образуются, говорит Росас. Вместо того чтобы навязывать стране форму организации сверху, предпочтительнее, чтобы это шло снизу, чтобы провинции упорядочили свои дела, чтобы они привыкли жить в мире, чтобы создали собственные учреждения, и только тогда мы сможем подумать о национальной конституции. А пока этого не произошло, давайте попробуем жить в гармонии.

Хотя некоторые историки, сильно сочувствующие Кироге, утверждали, что это письмо шло вразрез с его собственными идеями, поскольку он выступал за принятие конституции, очень вероятно, что каудильо был согласен с Росасом. Письмо находится в Главном архиве нации, и оно испачкано в крови: Кирога держал его при себе, когда он 16 февраля 1935 г. был убит по дороге в Баранка-Яко. Смерть Кироги означала отсрочку, возможно на неопределенный срок, исполнения чаяний о конституционной организации страны. С этого момента, в 1835 г., страна под влиянием прагматичного мировоззрения Росаса фактически существовала как конфедерация.

В целом Федеральный пакт, подписанный в 1831 г. провинциями Буэнос-Айрес (губернатор Росас), Санта-Фе (губернатор Эстанислао Лопес), и Корриентес (губернатор Педро Ферре), был соглашением, в котором эти три провинции обязались защищать друг друга в случае внешних и внутренних нападений, не допускать распада страны и призвать к конституционному правлению, когда наступит мир и спокойствие. Условия соглашения были поддержаны Факундо Кирогой, который хотя и не подписал договор, тем не менее олицетворял военную и политическую власть во внутренних провинциях.

К союзу прибрежных провинций, таким образом, добавилось влияние Кироги, выступавшего против «Унитарной лиги» во главе с генералом Пасом. Последний сверг правительства несколь-

ких провинций и поставил на их место своих друзей, в основном военных. Несколько месяцев спустя «Унитарная лига» распалась в связи с пленением Паса и благодаря Кирогге, который покончил с остатками армии Лиги.

Кроме того, унитарии после провального опыта Ривадавия перестали верить в правительство централистского типа. Они поняли, что реальность оказалась сильнее их теорий и что думать о такой организации страны было утопией. Единственное, чего они продолжали желать, так это хоть какой-нибудь организации страны. В любом случае унитарии ушли со сцены, особенно начиная со второго правительства Росаса, и политическая гегемония в стране принадлежала федералистам, чьи лидеры возглавляли правительства различных провинций.

V. На пути к национальному объединению

Как уже было сказано, частью поиска политической формулы, которая придавала бы некое единство провинциям, стало подписание двух договоров. Один из них, Договор Пиляр (1820), отражал национальные и федералистские устремления участников (Буэнос-Айрес, Санта-Фе, Энтре-Риос) и даже определял меры, необходимые для конституционной организации страны. Впрочем эти меры не были реализованы на практике. Другим договором стал Федеральный пакт (1831), обязавший своих членов (Буэнос-Айрес, Санта-Фе, Корриентес; к ним постепенно присоединялись и остальные) собраться, как только наступит мир и общественное спокойствие, на Конгресс, задачей которого станет принятие федеративной системы. Говорилось также о Письме из асьенды Фигероа (1834) — главном документе, отражавшем взгляды Хуана Мануэля де Росаса по вопросу организации страны. В целом он полагал, что в стране не было необходимых условий для установления конституционного строя и только время могло расставить все на свои места.

Росас

Мы прервали наш рассказ на 1835 г., поэтому нужно сказать несколько слов о Росасе, чье второе правление началось в первые месяцы этого года и продлилось шестнадцать лет, до битвы при Монте-Касерос в феврале 1852 г.¹ Мы не будем много рассуждать

¹ В результате битвы при Монте-Касерос Росас потерпел поражение и бежал из страны.

об этом, потому что дискуссии вокруг Росаса ходят по кругу и для меня они перестали представлять интерес. Дело в том, что в спорах на эту тему речь идет о значении ценностей, таких как свобода и национальный суверенитет, которые продолжают оставаться важными в коллективной и даже индивидуальной жизни современных аргентинцев.

У Росаса были очень своеобразные взгляды на свободу: он считал, что правительства должны быть авторитарными и проводить скрытые или явные репрессии. Он не обладал ни малейшей терпимостью и плюрализмом по отношению к оппозиции; он верил в необходимость патерналистской власти, управляющей даже самыми мелкими деталями общественной жизни. С другой стороны, он упорно защищал аргентинский суверенитет (в то время под таковым подразумевалась независимость) и смело противостоял притязаниям Франции и Англии, в то время самым могущественным державам в мире, и сумел сдержать их атаки.

Поскольку Росаса критикуют или восхваляют за такие разные грани его личности, уже нет смысла вести споры о нем с точки зрения историографии. Маловероятно, что будет найден какой-нибудь документ, проливающий свет на неизвестные моменты, связанные с личностью Росаса или его правлением. Материал, с которым работает историк, фактически исчерпан. Идут споры вокруг ценностей, которые и сегодня волнуют людей; дискуссии о Росасе — это споры об этих ценностях. Росас никогда не понравится тому, кто считает свободу главной ценностью общественной жизни, однако тот, кто считает суверенитет основой нации, станет хорошо отзываться о нем. И так будет продолжаться еще долго.

Вне зависимости от этих дискуссий надо указать на основные характеристики правления Росаса. Это, в первую очередь, консерватизм. Консервативный режим не стремился к изменениям и в определенном смысле вернул многие порядки колониального прошлого. Например, ввел запрет на дебаты, которые могли бы расколоть общество, утверждал абсолютное превосходство мнения власти, а конкретно идей, изложенных Росасом в 1836 г. во время празднования 25 мая. Я имею в виду малоизвестную речь, главным содержанием которой стал тезис о том, что Майская революция на самом деле представляла собой проявление верности королю Испании и была нацелена на сохранение его владений в целости, однако, непонимание роялистов вынудило патриотов пойти дальше и провозгласить независимость.

Таким образом, во многом Росас продлил жизнь явлениям колониального периода. Он придавал большое значение религии и патерналистскому характеру власти, и, безусловно, сегодня мы бы назвали его правление реакционным. В его время не велось строительства общественных учреждений, университет фактически прекратил работу, потому что не было государственного финансирования и немногочисленные занятия в Буэнос-Айресе не прекращались благодаря тому, что сами студенты платили преподавателям.

Во время правления Росаса страна фактически закрылась от внешнего мира, хотя иностранцев, живших в Аргентине, не преследовали и не дискриминировали и в страну даже шел небольшой иммиграционный поток. Однако не было желания открыть окно в мир и отсутствовал интерес к идеям, которые могли прийти из-за границы. Напротив, ощущалось некоторое недоверие ко всему иностранному, что совпадало с настроениями самого Росаса — патриота, националиста, ценившего все аргентинское, даже если оно было примитивным и варварским.

Консервативная политика в стране, консерватизм по отношению к тому, что уже существовало, — все это постепенно развивало чувство национального единства, которое раньше было недостаточно зрелым. Длительное правление Росаса с его бюрократической рутинной интегрировало провинции в общенациональный организм, чего до этого не существовало. Хотя Росас и говорил о Федерации и позиционировал себя в качестве федералиста, на практике он возглавлял абсолютно централистский режим.

Так, Росас сумел создать подлинно национальное правительство. Накануне своего свержения губернатор Буэнос-Айреса обладал фактически теми же полномочиями (а в отдельных случаях даже большими), которыми в наши дни конституция наделяет президента Аргентины.

Губернатор Буэнос-Айреса помимо внешней политики вел пристальное наблюдение за провинциями, граничившими с соседними странами, чтобы препятствовать подпольной торговле золотыми монетами (утечке валюты, как мы бы сказали сегодня), а также следил за тем, чтобы в этих странах не велась пропаганда, способная навредить федеральному режиму.

Губернатор Буэнос-Айреса также имел подобие министерства экономики, поскольку он собирал налоги с таможни Буэнос-Айреса и иногда великодушно посылал субсидии бедным провин-

циям. Так произошло с провинцией Сантьяго-дель-Эстеро: ей были посланы деньги для спасения от экономического краха.

Наряду с этим Росас создал что-то вроде министерства обороны, так как он контролировал то, что сегодня мы бы назвали национальной армией; в разное время эта армия воевала с Боливией, частью Восточного берега, Бразилией, а также с Францией и Англией, которым война формально не была объявлена, однако шли боевые действия.

Росас вмешивался в дела провинций, которыми был недоволен: иногда он всего лишь отправлял письмо, используя тот страх, который внушала мощь Буэнос-Айреса, а иногда посылал военную экспедицию, как это произошло с Северной коалицией¹.

Он также ведал всеми церковными делами — назначением епископов, оглашением папских грамот и других документов, следил за религиозными орденами и приходскими священниками, чтобы знать, были ли они верны режиму. И, естественно, он осуществлял тщательную цензуру прессы и препятствовал проникновению в страну оппозиционных книг и газет.

Тот факт, что Росас обладал полномочиями, которыми затем конституция наделила национальное правительство, создал предпосылки, позволившие после окончания его длительного правления и после разгрома в битве при Монте-Касерос, объединить страну на основе конституции.

Конституции

Стоит отметить, что одним из проявлений консерватизма Росаса стало игнорирование духа времени, что обычно происходит с подобными режимами. На определенном этапе жесткое сохранение статус-кво может быть полезным, потому что позволяет избежать распрей и хаоса. Но затем время выдвигает новые требования, возникают новые потребности, и слишком консервативное правительство не в состоянии их ни почувствовать, ни ответить на их вызовы. Именно это произошло с режимом Росаса.

В 1835 г. режим был необходим, чтобы положить конец гражданским войнам, терзавшим аргентинское общество. Но по мере

¹ *Северная коалиция* — объединение противников Росаса на севере Аргентины во главе с генералом Грегорио Араосом де Ламадридом.

дальнейшего развития начали появляться новые потребности, в том числе духовные и правовые. Такой была потребность принять конституцию. В 40-е годы XIX в. народные революционные движения в Европе требовали или навязывали королям конституции. Повсеместно умами овладела идея о том, чтобы писанный закон должен регулировать отношения между сувереном и подданными, между различными органами власти, а также устанавливать гарантии и права граждан.

Та же потребность ощущалась и в Рио-де-Ла-Плате, но Росас не заметил ее. Когда в мае 1851 г. Хусто Хосе де Уркиса поднял восстание, Росас ограничился интеллектуальной контратакой и опубликовал знаменитое Письмо из асьенды Фигероа, написанное семнадцать лет назад. Для него все оставалось по-прежнему, он продолжал считать, что было необходимо время для возникновения конституционной организации общества снизу.

Его правительство превратилось в анахронизм. То, что пятнадцать лет назад было полезным, в новых условиях уже не имело смысла. Тем не менее в распоряжении Росаса все еще находились крупные военные формирования. Все губернаторы провинций выступили на его стороне, и казалось, что федералистские массы Буэнос-Айреса также сохраняли ему верность. Но в действительности правительство Росаса прогнило, у него уже не было тех аргументов, которые бы оправдали сохранение его власти.

В этой связи стоит отметить, что было как бы несколько разных Росасов для разных регионов, на которые его политика оказала влияние. Одним был Росас в городе и провинции Буэнос-Айрес, где, вероятно, народ любил его, а средний класс уважал, где он стал гарантией безопасности, навел порядок и создал условия, чтобы люди могли работать и богатеть. В провинции Буэнос-Айрес, например, один английский путешественник, Вильям Маккен, в 1847 г. позволил себе роскошь объехать за месяц почти всю провинцию, останавливаясь лишь в домах англичан, шотландцев или ирландцев. До такой степени иностранцы пользовались всеми возможными гарантиями, и никто не беспокоил их, даже тогда, когда Росас вел боевые действия с Англией и Францией.

С другой стороны, в провинции Буэнос-Айрес было достигнуто определенное мирное сосуществование с индейцами, почти не совершавших набегов в эпоху Росаса. Здесь действовала система взяток: правительство Буэнос-Айреса посылало индейцам табак,

лошадей, мате и в целом сохраняло с индейцами мир. Таким был Росас в Буэнос-Айресе.

Но на побережье Росас был совсем другим, и именно он спровоцировал выступление против него каудильо провинции Энтре-Риос Хусто Хосе де Уркиса. Росас обладал монополией на речное судоходство и не позволял иностранным кораблям плавать по рекам внутренних провинций, препятствуя процветанию экономики прибрежной провинции Энтре-Риос. Такой Росас нравился меньше еще и потому, что он жестко подавлял постоянные восстания в провинции Корриентес.

И наконец, во внутренних провинциях существовал еще один Росас, которого боялись и ненавидели, Росас, который направил на помощь президенту Уругвая Орибе военную экспедицию, запомнившуюся ужасными жестокостями. Росас, который приказал расстрелять Хосе Кубаса в Катамарке, Марко Авельянеду в Тукумане (1840), также осуществил другие репрессии. Эти факты, а также экономические неурядицы сильно беспокоили правительства провинций, прозябавших в нищете на фоне процветания Буэнос-Айреса. Эту ситуацию нужно было преодолеть, чтобы страна могла организоваться, предоставить гарантии и права своим гражданам, создать, наконец, политическую систему и установить более справедливое распределение доходов нации.

Битва при Монте-Касерос

После битвы при Монте-Касерос Росас исчез с политической арены, покинул родину и поселился в Англии, а Уркиса превратился в главное действующее лицо. Битва при Монте-Касерос не была сражением между двумя враждующими партиями, где одна победила, а другая — партия Росаса — проиграла. Это была борьба внутри федералистской партии, в результате которой старый каудильо был смещен и новый каудильо, Уркиса, занял его место.

С Уркисой объединились некоторые фракции, также ненавидевшие Росаса: бывшие унитарии, то есть те, кто называли себя унитариями, но на самом деле были либералами и жили в изгнании, как Сармьенто и Митре, а также бразильцы (Росас им объявил войну за год до этого), усилившие войска Уркисы и предоставившие ему переход через реку и в конечном итоге сделавшие возможным триумф в битве при Монте-Касерос.

Действия Уркисы в провинции Буэнос-Айрес были умеренными. Там постепенно формировался центр политической власти, состоявший в основном из либералов и бывших унитариев. Чувства портеньос были задеты тем, что Росаса свергли не они, а армия, пришедшая из внутренних провинций. Нечто похожее произошло в 1820 г. с Рамиресом и Лопесом, но на этот раз событие было более впечатляющим.

После битвы при Монте-Касерос Росас подал в отставку с поста губернатора, и законодательное собрание было распущено. Режим Уркисы организовал новые выборы, на которых победили сторонники Буэнос-Айреса, было сформировано новое законодательное собрание и назначен временный губернатор — Висенте Лопес-и-Планес. Тогда Уркиса, ранее пообещавший стране принять конституцию, собрал в городе Сан-Николас-де-лос-Арройос губернаторов всех провинций и добился принятия соглашения (так называемое Соглашение Сан-Николас), ставшего вместе с Договором Пиляр и Федеральным пактом одним из трех документов, упоминавшихся в преамбуле конституции.

Соглашение Сан-Николас было принято губернаторами, занимавшими свои посты при Росасе, но легко интегрировавшись в режим Уркисы, который предпочел использовать губернаторов в качестве инструментов для перехода к новому институциональному этапу. Это соглашение действительно было очень важным. Во-первых, оно предусматривало механизмы для созыва Генерального учредительного конгресса в городе Санта-Фе; при этом каждая провинция имела право отправить двух депутатов в Конгресс. Это положение очень не понравилось Буэнос-Айресу, который имел столько же депутатов, как, например, Жужуй или Ла-Риоха.

Во-вторых, это соглашение упразднило внутренние таможи, отменило пошлины на проезд лиц и перевозку товаров по аргентинской территории, объявило свободу судоходства по рекам и стало шагом на пути к законодательному оформлению свободы торговли, до этого не существовавшей; все это создавало условия для принятия будущей конституции. Помимо создания единого внутреннего рынка на аргентинской территории, это соглашение также национализировало таможенную провинции Буэнос-Айрес, то есть теперь доходы таможи, ранее достававшиеся исключительно Буэнос-Айресу, должны были делиться между всеми провинциями.

В-третьих, в Соглашении Сан-Николас говорилось о создании временного правительства, которое получило название Директории. Уркиса был назначен главой Директории и получил определенные полномочия; среди прочего он руководил всеми военными формированиями, существовавшими в стране, ведал национальной казной, и в первую очередь доходами таможни Буэнос-Айреса.

Соглашение Сан-Николас было довольно рискованным предприятием, поскольку ни один из губернаторов формально не имел полномочий для подписания такого договора. Но общее желание объединить страну было очевидным, несмотря на противодействие частных интересов и главным образом, интересов Буэнос-Айреса. С другой стороны, существовали аргументы, в том числе и юридические, против этого договора. Они были изложены Бартоломе Митре в законодательном собрании Буэнос-Айреса.

Митре отметил, что, во-первых, губернатор Буэнос-Айреса при подписании договора не имел полномочий распоряжаться имуществом провинции, ее ресурсами или войсками. Во-вторых (это не было озвучено, однако подразумевалось в речи Митре), национализация имущества, например таможни или самого города, не входило в интересы Буэнос-Айреса, поскольку его могли объявить столицей федерации.

Речь Митре привела к тому, что законодательное собрание Буэнос-Айреса отвергло соглашение, которое было одобрено всеми остальными провинциями. После отставки губернатора Лопеса-и-Планеса, почувствовавшего себя дискредитированным, Уркиса совершил государственный переворот и принял руководство главной провинцией страны. Но оппозиция внутри Буэнос-Айреса была очень велика, поэтому в конце концов революция в сентябре 1852 г. позволила портеньос вернуть себе контроль над городом. Уркиса попытался организовать осаду города, но не смог этого сделать и вынужден был отступить.

Несколько месяцев спустя в Санта-Фе собрались делегаты от всех провинций, за исключением Буэнос-Айреса. Они приняли национальную Конституцию 1853 г. и избрали президентом Хусто Хосе де Уркису. Начиная с этого момента в течение десяти лет сохранялась очень опасная ситуация. С одной стороны, существовала Аргентинская конфедерация, состоявшая из тринадцати провинций, которые хотели представлять всю нацию в целом. В конфедерации действовала национальная конституция, принятая

участниками конгресса в Санта-Фе, также существовало законодательное собрание и исполнительная власть, штаб-квартира которой находилась в городе Парана. В случае необходимости туда приезжали иностранные послы и консулы, но при любом удобном случае они сбегали, поскольку Парана была очень скучным городом и дипломаты предпочитали жить в Буэнос-Айресе.

С другой стороны, существовал Буэнос-Айрес, чье положение было двусмысленным: он не провозглашал независимости и не объявлял о своем суверенитете. Он не заявлял о себе как о независимом государстве, но и не входил в конфедерацию. Буэнос-Айрес считался автономным образованием, признававшим свою принадлежность к Аргентинской республике.

Раздельное существование

Это разделение, которое могло стать постоянным и покончить навсегда с мечтой о национальном единстве, вызвало противостояние между двумя организациями: одна из них была национальной, со столицей в Паране, а другая имела центром Буэнос-Айрес. Они соревновались между собой, враждовали и атаковали друг друга, иногда даже военными средствами. Каковы были реальные препятствия, не позволявшие им объединиться? Главным образом это разница в экономическом развитии между Буэнос-Айресом и остальными провинциями. Существовала пропасть, такая же, как и во времена Росаса, между прогрессом Буэнос-Айреса и экономическим и политическим развитием других провинций.

Например, в 1857 г. в Буэнос-Айресе уже существовало газовое освещение улиц, железная дорога, доходившая до Сан-Хосе-де-Флорес, и здание таможни, построенное для удовлетворения нужд растущей торговли. Энтре-Риос — наиболее развитая провинция, не могла даже близко сравниться с Буэнос-Айресом. И тем более не могли этого сделать Сантьяго-дель-Эстеро, Кордоба, Тукуман и др., находившиеся во власти каудильо эпохи Росаса, не имевшие ни такого просвещенного правящего класса, каким обладал Буэнос-Айрес, ни таких важных и прочно укоренившихся учреждений, как университет, законодательное собрание и периодическая печать. Эта огромная разница делала трудным нахождение формулы, которая могла бы объединить Буэнос-Айрес с остальными провинциями.

Кроме того, у Аргентинской конфедерации почти не было источников дохода, в то время как таможня питала правительство Буэнос-Айреса. Эти доходы позволяли, например, подкупить командующего флотом конфедерации, осаждавшего Буэнос-Айрес, или создать Национальную гвардию для противостояния коннице Уркисы, которая хотя и состояла из жителей Энтре-Риоса и выглядела очень живописно, тем не менее обладала очень ограниченным наступательным потенциалом. С другой стороны, в конфедерации были и экстремисты, желавшие присоединить Буэнос-Айрес силой; в свою очередь в Буэнос-Айресе некоторые выступали за провозглашение независимой республики. Но в конце концов и там и здесь победило благоразумие.

Какие факторы не позволили этому разделению продлиться вечно? Во-первых, понимание того, что Буэнос-Айрес сам по себе никогда не сможет стать полноценной страной, а также то, что другие провинции без Буэнос-Айреса не были жизнеспособны. Эта идея возникла еще во времена вице-королевства: Буэнос-Айрес и внутренние провинции были очень разными, но при этом дополняли друг друга. По отдельности они не могли существовать, поэтому нужно было искать формулу компромисса.

Патриотизм некоторых руководителей также способствовал национальному единству. Очевидно, что Уркиса (несмотря на то что он был из внутренних провинций) желал окончательного объединения страны и понимал, что добиться этого без Буэнос-Айреса невозможно. Данное обстоятельство, как мы увидим, в определенной степени объясняет его действия во время битвы при ручье Павон¹.

И, наконец, имел значение исторический опыт, показывавший, что в течение полувека (с 1810 г.) аргентинцы как из внутренних провинций, так и из Буэнос-Айреса искали формулу гармоничного сосуществования. Общее прошлое, общие герои, воспоминания о великом деле независимости... Присутствие некоторых людей из той эпохи, которые были еще живы, делало настоящим преступлением такое разделение, грозившее стать вечным.

Все эти факторы заставляли думать, что, несмотря на конфликты, столкновения и различия, было возможно найти окончатель-

¹ Имеется в виду нежелание Уркисы ввести в действие все силы, находившиеся в его распоряжении, в условиях, когда армия Буэнос-Айреса одерживала победу. Сражение произошло 17 сентября 1861 г.

ное решение, что и произошло после двух крупных сражений. Одно из них — сражение при Сепеде (1859), в котором Конфедерация победила Буэнос-Айрес. После победы Уркиса подошел к городу, но в очередной раз повел себя очень сдержанно. Он не вошел в Буэнос-Айрес, а встал лагерем в Сан-Хосе-де-Флоресе и всего лишь попросил отставки губернатора Валентина Альсины, яркого сторонника гегемонии Буэнос-Айреса, и назначения вместо него кого-нибудь, с кем можно было бы вести диалог.

Так была достигнута договоренность, вошедшая в историю под названием Пакт Сан-Хосе-де-Флорес, согласно которому Буэнос-Айрес обязывался войти в Конфедерацию, пообещавшую, в свою очередь, признать изменения, которые Буэнос-Айрес намеревался внести в конституцию. На самом деле существовала очень болезненная тема — вопрос о столице. Конституция 1853 г. в первой редакции гласила, что столицей аргентинской нации будет Буэнос-Айрес, с чем не могли согласиться портеньос, потому что это означало отдать город общенациональным властям, которые, вероятно, было бы невозможно контролировать.

Поэтому среди прочих менее значимых реформ конституции было установлено, что Конгресс примет соответствующий закон, который определит столицу аргентинской нации. Провинция, которая должна была уступить правление будущей столицей, имела право одобрить решение Конгресса принятием в законодательном собрании особого закона. Таким образом, если Национальный конгресс провозглашал Буэнос-Айрес столицей, то он, в свою очередь, мог санкционировать или не санкционировать передачу города нации.

Пакт Сан-Хосе-де-Флорес, ставший продолжением тенденций, содержащихся в Договоре Пиляр, Федеральном пакте и Соглашении Сан-Николас, был последним шагом на пути к национальному объединению, последним соглашением, сделавшим возможным мирное присоединение Буэнос-Айреса к Конфедерации.

Но после того как Буэнос-Айрес изучил национальную конституцию, предложил ряд реформ и послал делегатов в Конгресс, специально собравшийся по этому случаю, произошли некоторые политические события, вызвавшие новый разрыв между ним и Конфедерацией. Войска Буэнос-Айреса и Конфедерации вновь столкнулись между собой в 1861 г. в битве при Павон, почти в том же месте, где произошла битва при Сепеде. С военной точки зрения никто не победил, потому что, хотя кавалерия Уркисы дейст-

вовала успешно, пехота портеньос под командованием Митре фактически не пострадала, и Уркиса покинул поле боя. Митре воспользовался этим и продвинулся со своим войском до города Росарио, а Уркиса вернулся в провинцию Энтре-Риос и оставался там, не предпринимая активных действий.

В Паране правительство Конфедерации, увидев, что от Уркисы нет никакой помощи, объявило себя распущенным. Митре, в свою очередь, послал войска во внутренние провинции, чтобы изменить неблагоприятную для себя ситуацию. Тем самым он добился от правительств ряда провинций передачи ему полномочий для проведения внешней политики, а также временного управления делами страны, — Митре сделал то же самое, за что он критиковал Уркису после битвы при Монте-Касерос.

В 1862 г. прошли выборы, и 12 октября того же года Бартоломе Митре стал президентом. К тому времени Буэнос-Айрес уже был частью страны и ее временной столицей, поскольку законодательное собрание приняло соответствующий закон: город не был отдан национальному правительству, а сам приглашал правительство расположиться в Буэнос-Айресе в качестве гостя. Эта юридическая тонкость отвечала интересам портеньос.

Национальное правительство

Обратимся к деятельности национального правительства, которое было вынуждено силой подавить восстания во внутренних провинциях (особенно восстания Чачо Пеньялосы, защищавшего разгромленную Конфедерацию своими немногочисленными силами; сначала он потерпел поражение, а спустя несколько лет был убит). Но все же, плохое или хорошее, в Буэнос-Айресе существовало правительство, чья юрисдикция распространялась на всю нацию. Впервые с 1820 г. в стране существовало официальное и подлинно национальное правительство.

Найденный компромисс продлился лишь два десятилетия. В любом случае для того времени это являлось благом. У провинций была конституция, таможня Буэнос-Айреса тратила свои доходы на общенациональные проекты, существовали конституционные гарантии и разделение властей, более того, в стране действовала определенная идеологическая схема, если можно ее так назвать.

Речь идет в первую очередь о концепции, изложенной Хуаном Баутистой Альберди в книге «Основы и исходные положения для политической организации Аргентинской республики». Когда Уркиса собрал в Санта-Фе конгресс (этот конгресс примет Конституцию 1853 г.), его члены начали искать модель для будущей конституции. Хотя на Конгрессе высказывались вполне конкретные идеи о том, что необходимо предусмотреть в конституции, ее авторам не доставало некой основы для работы. Тогда в руки законодателей попала маленькая книга, написанная Альберди, аргентинским адвокатом, жившем в городе Вальпараисо (Чили). Он уехал из Буэнос-Айреса за двадцать лет до этого из-за разногласий с Росасом (хотя его никогда не преследовали) и развил в Чили блестящую профессиональную деятельность.

В своей книге Альберди предложил проект конституции и теоретическую основу для развития новой страны, оставлявшие позади долгую диктатуру Росаса и длительный период гражданских войн. По его представлениям эта страна должна была исполнять другую роль и другие функции, в том числе и по отношению к внешнему миру.

Что вкратце написал Альберди? Я резюмирую его взгляды своими словами: давайте создадим конституцию, говорил он, которая предоставит все возможные гарантии тем, кто захочет приехать в нашу страну работать, развивать производство, обучать и учиться, передавать свои знания. То есть такую конституцию, которая гарантирует создание процветающего общества. Но при этом давайте не будем слишком либеральными в политической сфере, потому что в стране не существует ни электората, ни гражданского общества. У местных жителей пока нет привычки работать и уважать власть. У них нет опыта для избрания эффективного правительства.

Что же делать в такой ситуации? Поощрять иммиграцию. Надо, чтобы в страну приезжало как можно больше иностранцев, лучше всего англосаксов, и пусть они перемешиваются с местным населением. И когда дети или внуки этих иммигрантов создадут новый тип аргентинца, наступит момент предоставить им не только гражданские, но и политические свободы. А пока должны править наиболее способные, лучшие люди; нужно проводить политику поощрения иностранных инвестиций, создавать сеть железных дорог, рационально эксплуатировать ресурсы пампы, что постепенно создаст условия для установления республики по

форме и содержанию. Пока этого не случилось, надо сохранять только видимость республики.

В целом это было довольно реалистичное мировоззрение, сравнимое, если хотите, с идеями Росаса, изложенными в письме из асьенды Фигероа.

И хотя об этом открыто не говорили, но такие идеи господствовали в эпоху президента Бартоломе Митре (1862 — 1868) и получили еще большее значение в эпоху президента Хулио Роки после 1880 г. То есть все были согласны с такой последовательностью действий: создадим процветающую страну, попытаемся включить ее в современный мир, откроем границы для иммигрантов, капиталов, идей и пока отложим ненадолго политические вопросы, так как еще не сложились условия для установления идеальной республики. Аргентина — это не Европа и не США.

А по мере того как страна богатеет, процветает, пользуется духовными и материальными благами цивилизации, наслаждается миром и порядком, мы будем готовить условия, чтобы, когда наступит время, проводить иную политику. На промежуточном этапе народ не будет голосовать, а если и будет, то на контролируемых выборах, что позволит естественному правящему классу продолжать править. Повторяю, это было реалистичное мировоззрение, оно господствовало в Аргентине до принятия закона Саенса Пеньи в 1912 г.

VI. Институционализация

В период с 1860 по 1880 г. шел процесс, приведший к окончательной организации страны на конституционных основах. В эти двадцать очень важных и интересных лет стало очевидным то, что формирование общества не происходит резкими скачками. Как правило, мы видим не радикальные, а постепенные изменения, обеспечивающие определенную преемственность в образе жизни, характере труда, привычках, менталитете, верованиях, и даже в предрассудках, которые с течением времени приобретают новые оттенки, но не обрываются резко, и даже когда они исчерпывают себя, то обычно оказывают влияние на то новое, что появится в будущем.

Именно это произошло в исторический период, который мы изучим в настоящей главе. Столкновения и гражданские войны до 1860 г. были кровавыми, и хотя с 1860 по 1870 г. также шла ожесточенная борьба, ее накал понемногу снижался. Общество менялось, эволюционировало, создавались новые общественные учреждения, сдерживавшие жестокие войны, ранее типичные для нашей страны.

Аргентина оставалась малонаселенной страной, но число иммигрантов росло, создавались поселения, строились железные дороги, и велась политическая борьба между различными идейно-политическими движениями. Таким образом, хотя страна не изменилась радикально, тем не менее она постепенно эволюционировала на основе того, что уже существовало, и в целом подобная тенденция была позитивной.

Ситуация в мире

Два таких важных десятилетия нашей истории невозможно понять вне общемирового контекста, потому что это была эпоха огромных изменений в мире — как количественных, так и качественных.

В 50-е годы XIX в. произошла предпоследняя крупная война в Европе XIX в. — Крымская война, в которой приняли участие Англия, Франция, Россия, Италия и Турция и были опробованы новые военные стратегии и технологии. В начале 1860-х годов Соединенные Штаты пережили Гражданскую войну, закончившуюся победой индустриального Севера над феодальным, романтическим (и рабовладельческим) Югом хлопковых плантаций. В 1870 г. разразилась Франко-прусская война, результатом которой стало падение империи Наполеона III и основание Германской империи, ставшей новым сильным политическим образованием в Старом Свете.

С этого момента в Европе воцарился мир (и в остальном мире тоже, если не учитывать некоторые колониальные войны), и европейские страны стали развиваться на основе некоторых изобретений, повлиявших на качество жизни людей и пришедших также на наш континент. Таким изобретением было газовое освещение, ставшее очень важным нововведением. Оно использовалось не только на улицах, но и в домах, что позволило людям больше читать, — это стало основой для успеха романов Диккенса, которые читались в английских домах и способствовали повышению грамотности населения.

Кроме того, в строительстве нашло широкое применение использование стальных конструкций. Стремительного прогресса добилась медицина, возникла иммунология, был открыт наркоз. Железная дорога приобрела огромное значение практически во всем мире. Таким образом, это мирное время, наступившее после 1870 г., привело к прорыву в качестве жизни людей, в том числе и европейского рабочего класса, воспользовавшегося дешевизной и быстротой трансатлантических перевозок, что делало более легкой, чем раньше, эмиграцию на другие континенты.

С другой стороны, промышленные рабочие Англии, Германии и Франции жили гораздо лучше, чем их отцы и деды, и требовали ряда продуктов, которые затем начала поставлять наша страна,

а также другие страны американского континента. В международных отношениях царил мир, крупнейшие державы обладали капиталами для инвестирования в другие страны, а научно-технический прогресс оказывал прямое влияние на уровень жизни европейцев.

Политические механизмы в Аргентине

В период с 1860 по 1880 г. в Аргентине сменили друг друга три президента, можно сказать, три президента-основателя, которые придали прочность республиканской системе (если не по содержанию, то, по крайней мере, по форме). Это Бартоломе Митре (1862 – 1868, хотя Митре фактически правил страной с 1860 г., после битвы при Павон), Доминго Сармьенто (1868 – 1874) и Николас Авельянеда (1874 – 1880).

Сами даты их правления говорят о том, что существовала конституционная преемственность, то есть осталась в прошлом эпоха каудильизма, длительных диктатур и правительств, свергнутых революциями или восстаниями. Указанные даты совпадают с шестилетними сроками, которые конституция предусматривала для каждого президента, и, хотя избирательные процессы шли с нарушениями, тот факт, что каждый из президентов смог отбыть весь конституционный срок, уже был большим прогрессом, закрепившим силу конституции и определенное уважение к закону.

Этот прогресс не был внезапным изменением, а означал утверждение предшествующих тенденций. Было необходимо избавиться от произвола правителей, узурпировавших власть над обществом, от каудильос, господствовавших в провинциях, и установить власть президента на сроки, указанные в конституции.

Какие политические механизмы существовали в эти годы, каким образом избирались руководители и как проявляло себя общественное мнение? В целом можно сказать, что после битвы при Павон Митре стал хозяином положения и выстроил в провинциях и Буэнос-Айресе структуру власти, позволившую ему стать законным президентом в 1862 г. Он опирался на партию, называвшую себя либеральной и разделявшую либеральную идеологию, которая начала распространяться почти во всем цивилизованном мире.

Либерализм был влиятельным течением в Буэнос-Айресе (так как там существовали укоренившиеся общественные учрежде-

ния, свобода печати, парламентаризм, свобода торговли и занятий), но не в остальных провинциях. Тем не менее Либеральная партия столкнулась с большими проблемами, унаследованными от прошлого, например с проблемой выбора столицы страны (с этой же проблемой столкнулся Уркиса в 1853 г.), то есть с отказом портеньос отдать свой город и превратить его в столицу не только провинции Буэнос-Айрес, но и всей страны.

Мы отмечали, что для решения этой проблемы прибегли к юридической уловке — провинция Буэнос-Айрес превратилась в гостеприимного хозяина — амфитриона национального правительства и пригласила его расположиться в городе на неопределенный срок. По условиям этого соглашения, Буэнос-Айрес был временной столицей. В месте под названием Вьехо-Фуэрте, там, где сейчас находится Розовый дом¹, расположилась администрация национального правительства, в то время как провинция Буэнос-Айрес сохранила юрисдикцию над городом. Законодательные собрания, как общенациональное, так и провинциальное, заседали в здании, в котором в наши дни находится Национальная академия истории; именно там располагался зал заседаний бывшего законодательного собрания Буэнос-Айреса и бывшего Конгресса.

Из-за этого соглашения произошел раскол в Либеральной партии: ярые сторонники Буэнос-Айреса во главе с Адольфо Альсиной выдвинули лозунг автономизма и стали называться Автономистской партией; на противоположном фланге оказались либералы — сторонники Митре. Также существовала Федералистская партия, ранее поддерживавшая Уркису. В основном она состояла из тех, кто входил в политическую элиту и в течение многих лет выступал на стороне Росаса; они все еще сохраняли влияние во внутренних провинциях, но не в Буэнос-Айресе.

Это не были политические партии в современном значении данного слова. Они не обладали организационной структурой и механизмами постоянной вербовки сторонников. Федералисты во главе с Уркисой, митристы (сторонники Митре) и автономисты были всего лишь политическими течениями, к которым примыкали отдельные политические лидеры; в рамках этих течений они заключали договоры, разрывали их и боролись друг с другом.

Накануне выборов появлялись любопытные организации, называвшие себя «клубами»; во многом они стали предшественни-

¹ Розовый дом — резиденция президента страны.

ками комитетов. Клуб «Свобода» или клуб «Буэнос-Айрес» обращался к населению с призывом собраться в том или ином месте, в закрытом или открытом помещении, например на площади, в театре. Руководящая комиссия вела заседание, во время которого голосовали за кандидатов или принимали декларации, манифесты либо еще что-нибудь. Затем клуб прекращал свою деятельность до следующего заседания. Это была очень примитивная демократия или, если хотите, демократия в стиле древних Афин; ей были свойственны всякого рода пороки.

Леопольдо Лугонес рассказывает в своей «Истории Сармьенто», что клуб «Свобода» должен был выбрать между кандидатурами Сармьенто и Альсины. Однажды летним днем во время собрания под палящим солнцем президент клуба, симпатизировавший Сармьенто, попросил сторонников последнего перейти в тень, а сторонников Альсины остаться на солнце. Естественно, все перешли в тень, и клуб «Свобода» проголосовал за Сармьенто, но, несмотря на подобные случаи, клубы были формой политической деятельности, до того не существовавшей.

Так же как и раньше, фальсифицировались выборы, что всегда влекло за собой гибель и ранения граждан. Не было ни списка тех, кто мог голосовать, ни постоянных представителей власти; без всякого удостоверения личности любой мог голосовать четыре-пять раз; власти могли отказать в праве голоса, заявив, что гражданин не из этого округа, но в то же время можно было явиться в пять или шесть разных округов. Но в любом случае это была демократическая республиканская практика, фактически не существовавшая в эпоху Росаса и осуществлявшаяся после его свержения кровавыми методами. Теперь хотя насилия не стало меньше и некоторые выборы сопровождались жестокими действиями, по крайней мере, просматривалось определенное уважение к результатам выборов, какими бы они ни были.

Эта система не предусматривала наличия политических партий, но предвосхищала их появление и дополнялась двумя элементами, ставшими очень популярными в то время. Один из них — периодическая печать; в то время существовало много ежедневных газет, отражавших различные точки зрения, на их страницах шли дебаты на самые разные темы, поучаствовать в которых мог любой желающий. Бумага и рабочая сила были очень дешевыми, и любой более или менее влиятельный политический лидер имел свою газету. Так, например, началась история газеты «Насьон»,

которая была фактически личной собственностью Митре. Газовое освещение в домах облегчало чтение газет; это, в свою очередь, позволяло обмениваться мнениями, отбирать кандидатов и вести споры о проблемах, волновавших все общество (таких, как, например, проблема индейцев или вопрос о том, где обустроить гавань Буэнос-Айреса, где построить ту или иную железную дорогу и как это лучше сделать). То есть с помощью газет широко велись общественные дебаты.

Другой демократической практикой стал парламентаризм, или привычка пользоваться правом выражать мнение в законодательном собрании или Национальном конгрессе. Там существовали определенные правила ведения дискуссии, считалось, что дебаты должны вестись упорядоченно и рассудительно, а также процветало ораторское искусство — что-то вроде спорта той эпохи. В то время не существовало иных средств массовой информации, кроме газет, и ораторское искусство действительно играло огромную роль. Политический лидер обязательно должен был обладать ораторским даром. Некоторые из политиков того времени были, по ряду свидетельств, очень хорошими ораторами и увлекали за собой массы — как, например, Адольфо Альсина, Хосе Мануэль Эстрада, а позже Леандро Алем. Частью парламентской практики, которая сама по себе была большим прогрессом по сравнению с тем временем, когда граждане никак не влияли на законодательные органы, стало умение красиво говорить и покорять массы.

Итак, за три президентских срока в стране постепенно утверждалась конституционная преемственность и привычка подчиняться закону. Законы, конечно, нарушались, но интересно отметить, что существовало определенное чувство вины каждый раз, когда закон нарушался слишком грубо, когда имели место слишком скандальная фальсификация выборов или неоправданное вмешательство в дела провинций. Когда влияние или воздействие официальных властей на политику было чрезмерным, власти словно стеснялись этого и стремились скрыть или как-то оправдать подобные факты.

Очевидно, что это было прогрессом. Потому что одно дело — переворот безо всяких оправданий (в качестве примера можно привести Лавалье, проинформировавшего правительство Буэнос-Айреса о своем перевороте следующим образом: «Сообщаю вам, что по моему приказу был расстрелян полковник Доррего»), абсолютный произвол, жестокость чистой воды. Совсем другое дело —

дебаты в газетах и законодательных собраниях, возникшие, например, в результате интервенции в Энтре-Риос после убийства Уркисы, совершенного Рикардо Лопесом Хорданом. В этом случае имелись некоторые оправдания, которые мы можем принять или нет, но в целом здесь очевидно стремление продемонстрировать определенное уважение к закону. К этому нужно добавить существование такого института, как Национальный верховный суд, а также присутствие в провинциях федеральных судей, являвшихся в определенном смысле стражами конституции.

Иммиграция

Одновременно с развитием политической жизни шли и другие процессы, несомненно способствовавшие прогрессу страны, улучшению качества жизни граждан и рациональному использованию человеческих и естественных ресурсов. Одним из таких процессов стала иммиграция. Альберди, Сармьенто и все те, кто после битвы при Монте-Касерос готовились возглавить страну, страстно верили в возможность привлечения тысяч европейцев для заселения аргентинской пампы надеясь, что вместе с ними в стране будут укореняться европейские трудовые навыки, бережливость и уважение к власти. Без обретения подобных традиций, по мнению ведущих политиков того времени, нельзя было рассчитывать на переход аргентинского общества к самоуправлению.

Рецепт Альберди, о котором мы уже говорили, состоял в создании гражданского общества, гарантировавшего людям процветание, работу, получение образования, свободу передвижения, владение собственностью и ее защиту от произвола и злоупотреблений, но достичь этого предстояло в условиях, когда общество еще не было готово к свободному волеизъявлению. Альберди предлагал сохранить республиканские формы, однако на деле был сторонником того, чтобы страной управляла небольшая группа просвещенных людей (к которым он сам себя, естественно, причислял), способных направить страну на путь прогресса именно потому, что они знали, как это сделать.

Предполагалось, что иммиграция со временем будет способствовать появлению нового человека, нового аргентинца — трудолюбивого, умеющего управлять современной техникой, избавленного от недисциплинированности, транжирства и свободо-

любия. В то время Мартин Фьерро¹ как архетип гаучо² уже не пользовался былой популярностью; именно в этот период Эстанислао дель Кампо высмеял традиции гаучо в поэме «Фауст». Итак, иммиграция была необходима, по мнению политиков того времени, для заселения страны представителями тех рас, которые могли бы способствовать улучшению этнического состава нации и изменению менталитета аргентинских креолов.

Тем не менее иммигранты, прибывшие в последующие десятилетия, были не совсем теми, кого желали видеть Альберди и Сармьенто. Политики хотели по возможности принять англосаксонских иммигрантов, обладавших менталитетом, который они наблюдали в США, — менталитетом мелких фермеров, способных обеспечить себя всем необходимым, политически активных и не ждавших милостей от правительства. В период с 1860 по 1880 г. в Аргентину стало приезжать достаточно много иммигрантов (хотя и не таких, о которых речь шла выше), что потребовало проведения определенной иммиграционной политики; в некоторых случаях им отдавали в собственность колонии, возникшие в основном в провинциях Энтре-Риос, Санта-Фе и в меньшей степени в Буэнос-Айресе.

В это время началось и строительство железных дорог. Они были, с точки зрения Альберди, важнейшим инструментом для налаживания связей, интеграции страны и преодоления ее отсталости. С самого начала, сразу после битвы при Монте-Касерос, политики Буэнос-Айреса и Параны приложили усилия для привлечения капиталистов и техников для строительства железных дорог. Возможно, из-за этого страстного желания им пришлось согласиться с невыгодными условиями первых контрактов.

Договор о строительстве железной дороги Росарио — Кордоба (этот маршрут получил название Центральной аргентинской железной дороги) был настоящим подарком для капиталистов, так как давал им право распоряжаться прилегавшими к железнодорожным путям землями. Это привело к тому, что крестьяне изгонялись со своих земель. Затем появлялись дочерние земельные компании, распродавшие огромные участки земли третьим лицам. Сегодня мы смотрим на это почти с ужасом — самые богатые земли страны были фактически подарены, но тогда это являлось

¹ Мартин Фьерро — герой одноименной поэмы Хосе Эрнандеса.

² Гаучо — охотник, конный пастух.

обычной практикой в странах повышенного риска, таких, как Аргентина то же самое делалось в США и Индии, потому что и там существовала острая необходимость соединить удаленные друг от друга регионы.

С 1870 г. начала действовать линия Росарио — Кордоба, возникло железнодорожное сообщение в провинции Буэнос-Айрес, особенно развитое на западе, где оно доходило до городка Чивилкой и даже до самого Часкомуса на юге. Начала складываться столь характерная для Аргентины железнодорожная сеть, которая в будущем свяжет воедино Буэнос-Айрес. Появился определенный интерес со стороны инвесторов, в основном британских, к строительству железных дорог в Аргентине.

Другой отличительной чертой того времени стало развитие новой отрасли сельскохозяйственного производства — овцеводства — сегодня кажущейся нам анахронизмом, но тогда способствовавшей расширению границ обрабатываемых земель, по крайней мере тех, которые не принадлежали индейцам. Преимущество овцеводства над разведением коров состоит в том, что период беременности у овец гораздо короче, а потомства они приносят больше. Кроме того, можно было использовать овечью шерсть и мясо, которые направлялись в саладеро — специализированные предприятия по переработке (сушке, копчению) мяса, а затем экспортировались. Шерсть была важнейшим продуктом, особенно в тот период, когда в Европе повышался уровень жизни и спрос на более качественную одежду.

Разведением овец занимались и многие ирландцы, переселившиеся в Аргентину в 1840 — 1850-х годах по причине голода, возникшего в их родной стране. В 1850-е годы в Ирландии эпидемия привела к потере нескольких урожаев картофеля — основной пищи ирландцев. Многие из них эмигрировали в США и Аргентину. В Аргентине такие люди, как, например, отец Фай, встречали их, направляли либо приводили в места, где они могли работать на приемлемых условиях на конкретного хозяина, и иногда даже женили их на аргентинках.

Случалось так, что пастух, начинавший без единого цента в кармане, за два года становился хозяином довольно крупного стада из двух-трех тысяч овец. Таким образом, овцеводство способствовало расширению скотоводческих территорий в провинции Буэнос-Айрес и отодвинуло на второй план разведение коров. Сегодня овцы считаются чуть ли не животными-разрушителями,

но тогда именно особенности их диеты позволили покончить с сорняками и подготовить почвы для роста других трав, которые на следующем этапе стали пищей для коров.

Иммиграция, разведение овец в провинциях Буэнос-Айрес и Санта-Фе, колонии иммигрантов в Энтре-Риосе, Санта-Фе и на востоке Кордобы оказывали влияние на экономическое развитие Аргентины, которая еще не участвовала в мировой системе производства и потребления, но уже искала свое место в ней. Страна развивала зарождавшееся сельское хозяйство, скотоводство (главным образом овцеводство) и эксплуатировала немногие известные на тот момент естественные ресурсы, разработка которых могла принести определенную выгоду.

Трудности

В это же время произошло несколько крайне негативных событий. В первую очередь, речь идет об абсурдной войне с Парагваем, начавшейся в 1865 г. Она разразилась в результате комплекса причин, связанных с отсутствием политического равновесия в регионе Рио-де-Ла-Плата, а также из-за мании величия парагвайского диктатора Франсиско Солано Лопеса, экспансионистских планов Бразилии, слабости Восточной республики Уругвай и альянса Митре с его друзьями в уругвайской партии «Колорадос». Все эти факторы привели к войне, которая продлилась пять лет и, несмотря на победу Аргентины, не принесла стране никакой пользы. Эта война вызвала страшные эпидемии в Буэнос-Айресе и на всем побережье; ее единственным положительным результатом стало формирование Национальной армии.

В самом деле, до этого Национальной армии не существовало. Было провинциальное ополчение и Национальная гвардия, которая, несмотря на свое название, тоже являлась провинциальной. Война с Парагваем потребовала от молодежи Буэнос-Айреса, движимой патриотическими чувствами, вступления в армию, а от провинции посылки рекрутов, которые в основном шли на войну по принуждению. Многие молодые офицеры сделали карьеру на полях сражений с Парагваем, и во время этой войны определилась будущая функция Национальной армии — находиться на службе правительства, поддерживать национальное государство. Это единственный положительный итог войны с Парагваем.

В этот же период времени произошли три восстания Лопеса Хордана в провинции Энтре-Риос. В 1870 г. Хордан возглавил революцию, наиболее впечатляющим событием которой стало убийство Уркисы во дворце Сан-Хосе. После этого Сармьенто оказался перед дилеммой — оставить это событие без внимания или вмешаться в происходящее в провинции Энтре-Риос, где Лопес Хордан пользовался поддержкой населения. Сармьенто сделал выбор в пользу второго варианта, и интервенция вылилась в затяжную войну, закончившуюся лишь в середине 1871 г. Однако потом произошли еще два восстания Лопеса Хордана. Для их подавления (хотя они не были направлены против национального государства, мириться с ними Сармьенто не мог) потребовалось много денег, усилий и оружия. Так что перечисленные события придают негативную окраску этому периоду, бывшему в других аспектах, безусловно, прогрессивным.

Наконец, существовала проблема революций, сопровождавших приход любого президента к власти. Широко известно, как пришел к власти Митре, — на штыках национальных полков, покончивших с федералистской оппозицией, лишь после этого были избраны правительства в провинциях, поддерживавшие его кандидатуру на пост президента. Вступление в должность Сармьенто прошло мирно, но, когда он оставил пост президента, соперничество между Альсиной и Митре, а затем между Авельянедой и Митре привело к серьезному столкновению. Борьба закончилась восстанием Митре, которое продлилось несколько месяцев и было подавлено генералом Ривасом в провинции Буэнос-Айрес и генералом Рокой в Санта-Росе (провинция Мендоса). Это произошло в 1874 г. и повторилось в 1880 г., когда уже Авельянеда покинул пост президента.

Постоянные революции во время передачи власти, мятежи в провинциях, всякого рода нарушения общественного порядка... Эти события не прекращались, но изменился их характер. В них стало просматриваться определенное уважение к закону, по сравнению с полным произволом прежних лет. Обычно предлогом для восстания становилась фальсификация результатов выборов или неуместное вмешательство центральной власти. Восставшие утверждали, что они борются с этими явлениями. В определенном смысле в этом можно усмотреть возросшее уважение к юридическим нормам.

Другой проблемой были индейцы. В эпоху Росаса мир сохранялся благодаря подкупу индейских вождей. После битвы при

Монте-Касерос индейцы не только продолжили набеги и захваты поселений христиан, но и в некоторых случаях участвовали в гражданских войнах, оказывая поддержку той или иной стороне (например, они выступили на стороне Уркисы, а затем на стороне Митре). Они активно участвовали в политических событиях и в силу этого стали тем фактором, с которым необходимо считаться. Кроме того, Кальфукура¹ был очень умным человеком и сумел создать нечто вроде конфедерации племен пампы, что усилило атакующий потенциал индейцев.

В период относительного процветания, когда развивалось овцеводство и появились некоторые новые эстансии и саладеро, присутствие индейцев на юге Медосы, севере Сан-Луиса, юге Кордобы, западе и юге провинции Буэнос-Айрес означало постоянную угрозу для городов и в целом для экономического развития этих регионов. Тем не менее можно сказать, что эти годы стали временем процветания, когда были заложены основы дальнейшего развития страны; проблема же индейцев была решена во время кампаний по завоеванию пустыни. Именно в тот момент, в 1879 г., незаметно возникли два явления, которые в будущем приобретут огромное значение в жизни Аргентины.

Пшеница и холодильники

Неожиданно появилась пшеница. В 1878 г. была впервые экспортирована партия этой сельскохозяйственной культуры. Партия была небольшой, но до этого Аргентина лишь импортировала пшеницу для производства муки, обычно из Соединенных Штатов. Начиная с 1878 г. ее начали понемногу отправлять на экспорт, и тридцать лет спустя пшеница превратилась в главный экспортный товар Аргентины.

В том же 1879 г. появилась новая технология, имевшая огромное значение. В этом году корабль, производивший искусственный холод, осуществил перевозку нескольких тонн замороженной баранины в Европу. Часть товара испортилась, потому что вышла из строя одна из частей холодильной машины, однако, оставшееся мясо прибыло во Францию в хорошем состоянии и было продано.

¹ Кальфукура — вождь Конфедерации индейских племен.

Так начала решаться старая проблема, лишавшая сна многих заводчиков скота со времен колонии, — как хранить мясо. Во времена вакерий мясо становилось пищей мышей и диких собак. Затем пришло время саладеро: мясо, до этого пропадавшее, начали отбивать, сушить, солить и отправлять в бочках на рынки. Объемы продаж были скромными, но тем не менее саладерос постепенно превращались в экспортные предприятия. Таким образом, стало возможным появление саладеро, на которых трудилось по несколько тысяч человек.

Но главные поиски были направлены на то, как сохранить мясо без потери качества и угодить европейским вкусам. В 1870 г. Сельскохозяйственное общество провинции Буэнос-Айрес предложило крупную денежную премию тому, кто изобретет такой способ. Один француз, Шарль Телье, придумал способ искусственно производить холод. Именно тогда мясо начали замораживать и экспортировать. Вскоре то, что в 1879 г. было экспериментом, приобрело огромное значение для аргентинской экономики.

В то время Митре пытался наладить сотрудничество между Буэнос-Айресом и провинциями, а Сармьенто предпринимал усилия для создания школ в стране и стремился изменить привычки и менталитет аргентинцев с помощью образования и иммиграции. Авельянеда, в свою очередь, старался преодолеть сильнейший экономический кризис, поразивший страну в 1874—1875 гг., — кризис, который заставил правительство сильно ограничить расходы, но не помешал выплате национального долга. Также Авельянеда начал что-то вроде политики экспериментального протекционизма — он установил довольно высокие таможенные пошлины на ряд товаров, что невольно пошло на пользу некоторым зарождавшимся отраслям национального производства, особенно тем, которые зависели от местного сырья, такого, как, например, шкуры и шерсть.

В стране продолжалась ожесточенная политическая борьба. В Либеральной партии, уже разделившейся на либералов и автономистов, шла схватка за власть, и в 1877 г. была достигнута договоренность, согласно которой после окончания срока президентства Авельянеды в 1880 г. его должен был сменить Адольфо Альсина. Хотя эта договоренность устраивала не всех и некоторые сторонники Митре и Альсины выступили против, она, тем не менее, была вполне цивилизованным политическим пактом, позволявшим смотреть в будущее с оптимизмом. Но смерть Альсины

покончила с политикой примирения, и на небосклоне появилась новая звезда — генерал Рока, который с успехом провел кампанию по завоеванию пустыни и заручился поддержкой некоторых бывших сторонников Альсины. Ему противостояли сторонники Митре. Рока добился поддержки некоторых фракций бывшей федералистской партии (распавшейся после смерти Уркисы) во внутренних провинциях и с середины 1879 г., едва закончив кампанию по завоеванию пустыни, начал подготовку к борьбе за пост президента страны. Кандидатура Хулио Роки была в определенной мере общенациональной, поскольку он обладал поддержкой провинций, а также могучим союзником Хуаресом Сельманом, губернатором Кордобы. Роке противостоял губернатор Буэнос-Айреса Карлос Техедор, поддержанный частью сторонников Митре и Альсины; это положило начало сложному политическому процессу. Борьба между двумя кандидатами переросла в противостояние между страной в целом и провинцией Буэнос-Айрес. Страна поддерживала кандидатуру Роки, несмотря на неоднозначность позиции президента Авельянеды, а Буэнос-Айрес выступал на стороне Техедора.

Все это вылилось в вооруженное столкновение (но не революцию, потому что военные действия начало правительство) в июне-июле 1880 г. между нацией в целом и провинцией Буэнос-Айрес. Жертвами противостояния стали две тысячи погибших, в основном портеньос. Велось нечто вроде осады Буэнос-Айреса, пока правительство города не сдалось национальному правительству, которое ранее переехало в местечко Бельграно, изгнав из Конгресса всех депутатов, выступивших в поддержку Буэнос-Айреса, и поставив на их место других.

В конце концов Рока решил воспользоваться поражением и захватом Буэнос-Айреса, разоружением войск портеньос, и смело покончил с проблемой превращения Буэнос-Айреса в столицу. Он добился принятия закона, провозгласившего город Буэнос-Айрес столицей республики. То есть то, что изначально говорилось в Конституции 1853 г., а затем было изменено по настоянию Буэнос-Айреса, осуществилось в 1880 г., благодаря принятому закону. Подтвердил это также и особый закон провинции, передавший город Буэнос-Айрес всей нации.

Так был положен конец давнему противостоянию между Буэнос-Айресом и внутренними провинциями, возникшему в последние годы существования вице-королевства. Теперь город, сильно отли-

чавшийся от других провинций страны, перешел под полную юрисдикцию национальной исполнительной власти. В свою очередь провинция Буэнос-Айрес должна была выбрать себе новую провинциальную столицу, которой стал город Ла-Плата.

Важнейший год

Таким образом 1880 год стал очень важным по многим причинам. Во-первых, завершилось завоевание пустыни: индейцы были изгнаны со своих земель и 15 тысяч квадратных лиг¹ перешли на службу прогресса. В действительности эти земли получили крупные землевладельцы, использовавшие их по-разному. Во-вторых, произошли два важных события, значение которых в тот момент было понято не до конца: начался экспорт небольших партий пшеницы и стало возможным хранение мяса с помощью искусственного холода. В-третьих, Буэнос-Айрес превратился в столицу, что стало подтверждением создания национального государства, происшедшего в период президентства Роки. Наконец, была решена проблема передачи власти в стране.

До этого национальное государство фактически не существовало, оно было гостем города Буэнос-Айреса. Президент Авельянеда во время бурных дней, предшествовавших революции 1880 г., в ответ на жалобы депутатов от провинций, просивших у него гарантий, показывал им охранника, стоявшего на углу рядом с его домом и говорил: «Какие гарантии могу я вам дать, если у меня нет власти даже над этим охранником?»

Начиная с 1880 г. национальное государство приобрело влияние и силу, которыми до этого не обладало. Ранее оно решало проблемы с правительством провинции Буэнос-Айрес, зачастую оказывавшимся более сильным. Например, банк провинции Буэнос-Айрес был солиднее, чем Национальный банк, который хотя и не был в строгом значении слова банком национального правительства, тем не менее часто выступал от его имени. С 1880 г. национальное государство получило столицу и необходимые ресурсы для создания ряда структур общенационального значения: учебных заведений, федеральных судов, армейских гарнизонов, больниц, ипотечного банка, Национального банка. То есть оно занима-

¹ *Квадратная лига* — мера площади, равная в Аргентине 27 кв. км, или 2700 га.

лось тем, что Рока называл государственными обязанностями и полномочиями.

Таким образом 1880 год стал важнейшей вехой в аргентинской истории. Его персональным символом был генерал Рока, тридцатисемилетний уроженец Тукумана, чрезвычайно удачливый (он уже в тридцать один год стал генералом) государственный деятель, сумевший возглавить широкий спектр общественных сил и стать кандидатом национального единства.

В целом можно сказать, что в период с 1860 по 1880 г. обозначились контуры того, чем станет Аргентина в конце XIX в. Хотя все еще сохранялись многие элементы прошлого, как негативные, так и позитивные, международная обстановка, изменения в аргентинском обществе и воля некоторых политических лидеров сделали возможным создание новой страны, которая вскоре проявила свою яркую самобытность и четко определила свое место в мире. Я имею в виду Аргентину, какой она была в период между вступлением на пост президента Роки (1880) и принятием закона Саенса Пеньи (1912).

VII. Строительство современной Аргентины

Период между 1880 и 1912 гг. (в 1912 г. был принят закон Саенса Пеньи, ознаменовавший начало новой эпохи) обычно принято называть «консервативным порядком» или «консервативным режимом». Такое определение не совсем верно, потому что те, кто управлял политическими, экономическими, социальными и культурными процессами того времени, в действительности не были консерваторами, так как они не стремились законсервировать ситуацию в стране, а, наоборот, хотели все изменить. Термин «консерватизм» стал применяться по отношению к политическим силам, господствовавшим в те годы, из-за того, что после принятия закона Саенса Пеньи они начали называть себя «консерваторами», а затем на их основе возникли консервативные партии.

Прекрасные времена

На протяжении этих трех десятилетий мир пережил необычный этап, получивший название *Belle Époque*. В Европе царил мир. Последняя Франко-прусская война началась в 1870 г., а уже в 1880 г. Франция, по сути случайно избравшая республику вместо монархии, восстановила свою политическую и экономическую мощь и снова встала во главе Европы. В свою очередь Германская империя, возникшая в результате Франко-прусской войны, была сильным централизованным государством. Бисмарк уже не управлял ею, но его теории о необходимости укрепления империи продолжали применяться на практике. Военные прихоти императора

Вильгельма II превратили Германию в страну, наводившую страх на Европу.

Великобритания укрепилась и после Англо-бурской войны (1899—1902) еще более увеличила свои колониальные владения. Несомненно, она была самой сильной державой в мире и обладала огромным флотом, развитой торговлей, передовой промышленностью и политической стабильностью.

Что касается США, то они также начали демонстрировать свою мощь, что проявилось во время войны с Испанией в 1898 г. Боевые действия шли на Кубе, и испанский флот был полностью разгромлен американским, превосходство которого не вызывало сомнений.

С одной стороны, это означало, что США начали проводить империалистическую политику, проявлением которой стали фактическая оккупация Кубы, Филиппин и Пуэрто-Рико, вмешательство в дела других стран американского континента и ярко выраженные претензии на гегемонию в этом регионе. С другой стороны, в 1898 г. Испания впервые за много лет могла похвастаться стабильной политической системой и наличием политических партий, однако, потеря Кубы была воспринята как национальная катастрофа. Это привело к ряду последствий, особенно в сфере культуры, и появлению так называемого поколения 1898 г., выступившего с критикой событий Испано-американской войны (1898).

Но, за исключением Англо-бурской и Испано-американской войн, в то время царил мир, и вследствие этого стабильность была практически абсолютной, создавались крупные капиталы и европейская иммиграция в разные страны Америки сохранилась на прежнем уровне и даже выросла. В первые годы нового столетия везде царили оптимистические настроения.

Идея о всеобщем бесконечном прогрессе, исчезновение национализма, ослабление, как тогда казалось, религий, унификация политических и экономических режимов во всем мире (разные валюты уже могли обмениваться, и международный торговый режим был свободен от любых ограничений и вмешательств) давали повод для обоснованного оптимизма. Это отразилось в книгах, романах, театральных пьесах и фильмах того времени. Казалось, что мировая стабильность продлится вечно. Такое положение дел изменилось с началом Первой мировой войны в 1914 г., но в любом случае консервативный порядок в Аргентине был частью этой необычной эпохи.

Проект создания нации

В эти тридцать лет родилась современная Аргентина. Покажем это наглядно: если бы среднестатистический аргентинец, которому в 1880 г. было двадцать лет, посмотрел на Аргентину того времени, то он увидел бы довольно многообещающую страну, обладавшую некоторыми природными ресурсами, но не имевшую столицы и национального государства. Она не участвовала в системе мировой торговли, не имела собственной валюты, и треть ее территории была занята индейцами. То есть казалось, что когда-нибудь Аргентина 1880 г. может стать высокоразвитой страной, но для этого надо пройти через многие этапы.

Тридцать лет спустя этот же аргентинец (уже пятидесятилетний) увидел бы самую развитую страну Южной Америки, с выгодой для себя включенную в мировую систему производства, потребления и инвестирования, страну обладавшую самой протяженной сетью железных дорог в Латинской Америке и одной из самых протяженных в мире. Аргентина того времени имела систему образования, достойную восхищения, отличалась от других латиноамериканских стран наличием многочисленного среднего класса и впервые в своей истории наслаждалась политической стабильностью. То есть этот аргентинец, когда ему было двадцать лет, наблюдал еще незрелую страну, а в 1910 г., во время празднования столетия ее независимости, он мог уже гордиться новой Аргентиной, в которой существовала лишь одна негативная черта, речь о которой пойдет ниже.

Хронологически этот период начался в 1880 г. вступлением на пост президента Хулио Роки. Город Буэнос-Айрес законодательно был превращен в столицу республики. Национальное государство было организовано так, что, по словам самого президента, могло подавить любые нарушения общественного порядка и обладало властью, необходимой для примирения различных интересов, существовавших в стране.

Период с 1880 по 1912 г. можно довольно четко разделить на три этапа. Все началось в 1880 г. с приходом Роки. В это время правила Национальная автономистская партия (то есть партия бывших сторонников Альсины или, по крайней мере, одна из ее фракций) совместно с провинциальными политическими силами, поддержавшими Року и превратившимися в часть правящего режима.

Гегемония Автономистской партии продолжилась во время президентства свояка Роки, Мигеля Хуареса Сельмана (1886—1890). Он объявил, что глава исполнительной власти также возглавит Автономистскую партию, и тем самым усилил элитарный характер режима. Фактически в стране не было других сильных политических партий, хотя слово «партия» не совсем подходит для этих организаций, бывших чем-то вроде клубов друзей. В действительности страной управляли президент, депутаты и губернаторы провинций, и они же определяли господствующую идеологию.

В 1890 г. эта система пережила серьезный кризис в результате так называемой Революции парка¹. Возникла оппозиционная партия, Гражданский союз, который год спустя стал называться Гражданским радикальным союзом. После этих событий Хуарес Сельман исчез с политической арены, и вернулся Рока, попытавшийся стабилизировать им же созданный режим, который переживал серьезный кризис.

Рока понял, что продолжать править, опираясь только на одну политическую силу (а именно эта особенность характеризовала правление Хуареса Сельмана и самого Роки), было невозможно и в будущем власть должна использовать и другие силы, ничем принципиально не отличавшиеся от партии власти, а лишь выражавшие интересы других лиц. Поэтому в 1891 г. Рока пришел к соглашению со сторонниками Митре, вытесненными из эшелонов власти с 1880 г., после поражения в революции Техедора².

Итак, начиная с 1891 г. сторонники Митре поддерживали режим, который отнюдь не был им чужд, несмотря на ряд незначительных разногласий. Их соглашение с Рокой сумело пережить политические события 1891 г., когда радикализм начал активную предвыборную кампанию и выдвинул кандидатуру Бернардо де Иригойена. Соглашение сохранилось и после ужасного 1893 г., отмеченного целым рядом революций радикалов почти по всей стране. Соглашение устояло и не просто поддержало президента Карлоса Пеллегрини (1890—1892), но и помогло ему преодолеть

¹ Речь идет о вооруженном восстании в Буэнос-Айресе 26—29 июля 1890 г., штаб-квартира которого находилась в артиллерийском парке.

² Речь идет о вооруженном восстании 1880 г. во главе с Карлосом Техедором, направленном против федерализации Буэнос-Айреса.

экономический кризис в стране. Это соглашение привело на пост президента Луиса Саенса Пенью, ушедшего в отставку в 1895 г. и смещенного на посту вице-президентом Хосе Эваристо Урибуру. В 1898 г. Рока снова стал президентом и оставался на этом посту вплоть до 1904 г. В 1904 г. страну возглавил Мануэль Кинтана, скончавшийся два года спустя и оставивший пост вице-президенту Хосе Фигероа Алькорте. В 1910 г. Роке Саенс Пенья стал президентом. Он скончался спустя четыре года и был заменен вице-президентом Викторино де ла Пласой, который в 1916 г. передал бразды правления Иполито Иригойену — первому президенту, избранному всеобщим голосованием в соответствии с новым избирательным законом.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что во время господства консервативного режима можно выделить три этапа: первый этап, с 1880 по 1890 г., был отмечен гегемонией Национальной автономистской партии; второй этап начался в 1891 г. и характеризовался соглашением со сторонниками Митре, что позволило пережить такие трудные моменты, как революции 1893 и 1905 гг.; на третьем этапе, начиная с президентства Кинтаны, наблюдался постепенный политический закат Роки, завершившийся приходом новых сил, принявших в 1912 г. новый избирательный закон. Во время этих трех этапов получили развитие некоторые идеи, характеризовавшие консервативный режим; их мы рассмотрим ниже.

Идеология

В течение этих трех десятилетий господствовала идеология Хуана Баутисты Альберди, речь о которой шла в предыдущей главе. Она предусматривала создание гражданского общества со всеми гарантиями и правами для процветания, обогащения, получения образования и т.д., однако, без предоставления политических прав, поскольку не было уверенности в том, что граждане могли благоразумно пользоваться ими. Существовал пакт — постоянное соглашение между политическими группировками, которые хотя и несколько отличались друг от друга, но одинаково смотрели на эту проблему. Будь то сторонники Роки, Митре, Пеллегрини, Саенса Пеньи, Удаондо или модернисты, все они откладывали избирательную реформу, которая дала бы право голоса мас-

сам. Они проводили политику, состоявшую в открытии границ для иммигрантов, иностранных идей, товаров, капиталов и даже моды.

Такой была идеология людей, которых обычно называют «поколением 1880 года», хотя они представляли не все поколение в целом, а были группой, состоявшей из двухсот-трехсот человек. Как правило, они получали образование в одних и тех же колледжах и университетах, говорили на одном языке, разделяли одну идеологию и имели одни привычки, были знакомы между собой и даже дружили. Они могли яростно бороться за власть, но в целом эти люди одинаково смотрели на судьбу страны.

Лидеры режима (часто дружившие между собой), хотя и выступали друг против друга на публике, не сильно различались во взглядах на то, как надо управлять страной, желали для Аргентины одного и того же будущего и в целом одинаково смотрели на мир. Такие взгляды не были свойственны лишь политическим лидерам эпохи, их разделяло все аргентинское общество, и для этого не было необходимости вникать в различные проблемы или хорошо разбираться в том, что происходило. Общее настроение витало в воздухе; предшествующие события подготовили идеальные условия для развития страны и всего мира.

Итак, Аргентина сумела разумно интегрироваться в мировую систему производства и потребления благодаря рациональному сельскому хозяйству, в котором применялись современные технологии, позволявшие получать наибольшую прибыль. Это одно из самых интересных явлений того времени, и оно не раз подвергалось анализу. Не перестает удивлять коллективный порыв, случившийся без какого-либо планирования, без участия министерств, без схем, семинаров и тому подобных вещей. Этот порыв стал именно тем, что было необходимо делать в тот момент, — обрабатывать землю, главный ресурс Аргентины, для производства продукции, востребованной на внешнем рынке. Это позволило стране занять определенное место в системе мировой торговли и было достигнуто благодаря применению довольно дешевых и доступных технологий, чья польза была доказана экспериментально.

В частности, простейшим нововведением стала изгородь, использовавшаяся и ранее, но в 1880-х годах получившая особенно широкое распространение. Благодаря изгороди хозяин смог увидеть границы своей собственности; в колониальные времена и по-

зднее этого не было, часто просто считалось, что земля, скажем, от дерева до ручья принадлежала тому то, а четких границ не существовало. Изгородь, напротив, ясно обозначала границы собственности и, что еще более важно, отделила загоны для скота от остальных земель, то есть способствовала разделению земледелия и скотоводства. Теперь можно было не опасаться, что посевы будут вытоптаны за одну ночь. Благодаря этой новой системе стали более рационально обращаться со скотом: телят отделяли от матерей и оставляли их в загоне, а остальную часть стада отправляли на выпас.

Другим важнейшим нововведением стало использование ветряков для откачивания воды в любом месте. Теперь не надо было искать озеро, реку или ручей для водопоя животных, так как ветряки качали воду из-под земли, затем она выливалась в цистерну, из которой и пил домашний скот. Это привело к увеличению обрабатываемых земель в стране.

Кроме того, начали появляться и в этом легко убедиться, посмотрев газеты того времени, — первые сеялки и паровые уборочные комбайны, что, безусловно, облегчило ведение сельскохозяйственных работ и позволило заменить ручной труд земледельца, плуг и упряжку волов на машины, сделав сельское хозяйство более доходным.

Другой важнейшей технологией, которая не была аргентинским изобретением, но при этом полностью изменила нашу сельскую местность, стал искусственный холод. Это позволило осуществить мечты скотоводов Буэнос-Айреса, со времен вакерий ловавших головы над тем, как хранить мясо без потери его вкусовых качеств, поскольку засоленное мясо могли есть только рабы.

Начиная с 1879 г., когда первый корабль-рефрижератор смог успешно доставить в Европу мясо, начали появляться холодильные установки, а также стали проводить селекцию скота (от замороженной баранины со временем перешли к говядине, чтобы удовлетворить вкусы европейцев). Шли поиски более жирного и вкусного мяса, которое могло бы быстрее стать предметом экспорта. Начались эксперименты по выведению мясных пород скота стойлового содержания.

Облик аргентинской деревни изменился так же как и облик эстансий, превратившихся в центры экономической жизни. Старые креольские постройки были заменены домами и замками во

французском стиле. Сельскохозяйственное производство стало настолько прибыльным, что менее чем за тридцать лет Аргентина заняла первое место в мире по экспорту зерновых и второе место (после США) по экспорту замороженного мяса. Страна смогла интегрироваться в систему мировой торговли и сделала это быстро и успешно.

Долги

Для огораживания, строительства ветряков, селекции скота и посевных нужны были капиталы, и обычно землевладельцы пользовались займами для проведения таких работ. Это явилось одной из причин кризиса 1890 г., но в целом такая политика была разумной, так как ее цель заключалась в капитализации деревни. Владелец земель участка сдавали в аренду, обычно иммигрантам, платившим за это товарами или деньгами в зависимости от типа заключенного контракта. Они осуществили то, что американский исследователь Джеймс Скоби назвал «революцией в пампе», то есть превратили ранее необработываемые земли в богатейший источник масличных и зерновых культур.

Это стало одной из главных отличительных черт рассматриваемого периода. Благодаря экспорту сельскохозяйственных товаров (именно экспорт позволил решить экономические и финансовые проблемы во время кризиса 1890 г.) ранее периферийная страна нашла свое место в мире, и ее присутствие не ограничивалось только торговлей — часто аргентинские путешественники, богатые владельцы эстансий, жили в Париже или приезжали туда подлечиться, просто развлечься или умереть.

Вскоре об Аргентине начали говорить как о новом Эльдорадо. Такой образ разделяли почти все иностранные путешественники, которые в большинстве своем были в восторге от страны и ее удивительной трансформации. Это также способствовало оптимистическим настроениям, что совпадало с общемировыми тенденциями того времени, но в случае Аргентины оптимизм имел под собой материальную базу. Выросли новые города, такие, как Ла-Плата и многие другие, были построены железные дороги там, где раньше не было ничего. Города Мендоса и Тукуман благодаря протекционизму в сахарном и винодельческом производстве превратились в островки процветания.

Указанные факторы, а также поступательное и быстрое возникновение среднего класса отличали Аргентину тех лет от других стран Латинской Америки, в которых существовали очень богатый класс олигархов, обычно земельных собственников, и огромная масса народа, жившего фактически так же, как и в колониальные времена. В Аргентине, напротив, часть населения состояла из европейских иммигрантов, чьи дети пользовались благами системы обязательного образования, сформировавшейся почти одновременно с политикой умиротворения и поощрения иммиграции.

Иммиграция, образование и мир

Итак, можно сказать, что в государственной политике консервативного режима обозначилось три направления. Во-первых, иммиграция — в полном соответствии с мировоззрением Альберди, выступавшего, как мы уже сказали, за ее поощрение. Альберди желал приезда англосаксонских иммигрантов для изменения этнического состава нации и внедрения привычек трудиться, экономить и уважать власти. Хотя прибывшие иммигранты не были англосаксами (это вызвало протесты Сармьенто, который, увидев поляков, евреев и арабов, сказал: «Это не те иммигранты, которых мы ждали»), тем не менее они играли роль дешевой рабочей силы, а также увеличили население, бывшее все еще очень маленьким для таких огромных территорий.

В этом смысле иммиграционная политика консервативных правительств не являлась дискриминационной. Двери были открыты для иммигрантов из любых стран. Рока во время своего первого президентского срока даже назначил специального иммиграционного агента, чтобы тот попытался направить в Аргентину поток русских евреев, спасавшихся от погромов и уезжавших в основном в США. Именно в последние годы XIX в. начали появляться еврейские колонии в Буэнос-Айресе. Так что это была открытая политика, и, хотя иногда раздавались голоса, протестовавшие против того или иного типа иммиграции, который якобы был невыгоден Аргентине, ограничительные иммиграционные законы приняты не были.

Во-вторых, государство начало заниматься образованием. Бесспорно, в этой области консервативный режим воплощал идеи ско-

рее Сармьенто, а не Альберди. Необходимость обучать народ, на чем настаивал Сармьенто, постепенно была осознана и воплощена в политику с 1882 г., когда был создан Национальный совет по образованию, получивший необходимые средства и автономию. С этого момента стало расти число начальных школ, выпускники которых затем поступали в национальные колледжи, созданные еще при Митре, а также в Кордобский университет и Университет Буэнос-Айреса (в то время в Аргентине существовало только два этих университета).

В начальных школах применялась система обучения, достойная восхищения. Не стоит забывать, что в статье VI Конституции говорилось о необходимости развития начального образования как об одном из условий уважения государства к автономии провинций.

Поскольку некоторые провинции обеднели в этот период (экономический рост не был одинаковым во всех регионах) и не могли поддерживать начальное образование на достойном уровне, начиная с 1904 г., с принятием закона Лайнеса, государство было обязано помогать провинциям, не способным самостоятельно содержать начальные школы.

Очевидно, что усилия президентов того времени, направленные на развитие образования, делают им честь. Иммиграция и образование народа неизбежно означали, что через десять-двадцать лет новое поколение детей иммигрантов будет требовать места под политическим солнцем и захочет управлять страной. Лидеры консервативного режима понимали, что развитие образования рано или поздно приведет к их отстранению от власти, и тем не менее они предпочли принять закон, объявивший начальное образование обязательным (родители были обязаны отправлять детей в школу), бесплатным (оно не стоило семье ни одного песо) и светским (в нем не отдавалось предпочтения какой-либо религии; это гарантировало родителям, что в школе их детей не будут призывать исповедовать ту или иную религию).

Иммиграция и образование стали основами новой Аргентины. Так же, как и мир, то есть обдуманное стремление не ввязываться в конфликты с соседями.

То, что сегодня кажется общим местом, тогда было довольно важным решением, так как существовали актуальные пограничные проблемы. Хотя отношения с Бразилией были в целом неплохими, этого нельзя сказать об отношениях с Чили и Боливией. Тем

не менее поиск решения пограничных споров, в первую очередь с Чили, и недопущение гонки вооружений, которая могла стать разорительной, были одними из главных забот президентов того времени, не только Роки и Пеллегрини, но также и Митре.

После ряда кризисов и подписания нескольких договоров в 1902 г. Аргентина и Чили согласились на посредничество Великобритании, и благодаря знаменитым Майским соглашениям был установлен статус-кво, сохранявшийся в течение многих лет. Напряженные моменты существовали и в отношениях с Бразилией: политика Эстанислао Себальоса во время президентства Фигероа Алькорты могла завести очень далеко, однако благодаря действиям таких людей, как Рока, выступивших за поддержание мира, ситуация нормализовалась. Это было не просто принципом — считалось, что мир в длительной перспективе принесет выгоду, а война, даже победоносная, приведет к разорению государства.

Национальное государство

Помимо политики поощрения иммиграции, развития образования, поддержания мира и открытия границ, помимо предотвращения конфликтов с помощью пактов, помимо оптимистических настроений существовал еще один важный элемент этой системы — национальное государство. До 1880 г., как мы сказали, национального государства не было. Существовало только правительство, на правах гостя, расположившееся в городе Буэнос-Айресе и управлявшее национальной армией, возникшей во время войны с Парагваем. Но оно не обладало достаточной властью для предотвращения вооруженных восстаний, провоцируемых провинциальными правительствами или различными политическими силами, как это произошло в 1874 г.

В 1880 г. национальное государство не только получило столицу, но и укрепилось благодаря созданию Национального совета по образованию, Национального ипотечного банка, а также министерств, обладавших полномочиями на территории всей страны (например, были созданы министерство строительства и министерство образования). Большое значение имело создание Национальной армии, ставшей по настоящему мощной после принятия закона о всеобщей воинской обязанности. Во время выступлений 1890, 1893 и 1905 гг., в которых участвовало большое число воен-

ных (а также гражданских лиц), армия в целом осталась верной правительству.

Рискну утверждать, что консервативный режим был по сути либеральным. Он являлся либеральным по своей идеологии, так как выступал за свободу слова и печати и считал необходимым уважать общественные институты. В определенном смысле его идеология была либеральной, и в сфере экономики это проявилось в открытии границ для всего иностранного. Но лидеры режима четко понимали, что государство должно быть сильным, авторитарным и примирять различные интересы, существовавшие в обществе; у него были права и обязанности, которыми оно не могло пренебрегать.

Когда Хуарес Сельман в 1889 — 1890 гг. в условиях экономического кризиса выставил на продажу в Европе 24 тысячи квадратных лиг государственных земель (правда, они так и не были проданы), когда он сдал в аренду предприятие коммунального хозяйства в Буэнос-Айресе и продал часть железных дорог, принадлежавших государству, то Рока, подлинный создатель консервативного режима, с горечью говорил одному из своих друзей, что если бы государство действительно было плохим администратором, то нужно было бы продать казармы, почтовые отделения, телеграф, налоговые учреждения, таможни и все то, что является «правами и обязанностями государства». То есть эти люди, разделявшие основные положения либерализма, также понимали, что там, где шли процессы формирования общества, а именно это происходило в Аргентине того времени, было необходимо государство, способное исполнять свои обязанности. Но не для того, чтобы вмешиваться в частные инициативы, а чтобы очертить их рамки, а также способствовать развитию тех сфер экономики, в которых не были заинтересованы частные лица.

Оппозиция

По мере того как в страну прибывали иммигранты, создавалась определенная промышленная инфраструктура и появлялся пролетариат, получали распространение идеи социального освобождения, носителями которых были анархистские и социалистические лидеры. Подобные идеи глубоко проникли в сознание малообеспеченных слоев населения. Начиная с 1904 г. политическая

система, которая ранее во многих отношениях являлась прогрессивной, начала приобретать репрессивные черты, и был принят закон о местожительстве. Некоторые представители режима испугались беспорядков, способных привести к свержению сложившегося строя.

В действительности ситуация не была такой опасной. Произошли забастовки, волнения, но ни одно событие периода 1900 — 1910 гг. не могло оправдать принятия этой репрессивной меры, продемонстрировавшей страх создателей консервативного порядка. Рока, Пеллегрини, Митре-младший и Саенс Пенья-старший не отказались от оптимистического взгляда на судьбы страны и нравы народа, однако, последние эпигоны режима, такие как Марселино Угарте и другие политики, которые сегодня почти забыты, пришли в ужас от того, что могли сделать эти подстрекатели — анархисты и социалисты. Репрессивные законы и действия полиции означали кризис политики, успешно проводившейся ранее.

В любом случае, до 1910 или 1912 г. консервативный эксперимент имел успех. Страна, созданная по проекту Альберди и в 1880 г. еще только начинавшая свое развитие, в 1910 г. стала абсолютным лидером Латинской Америки, показав самый успешный на тот момент опыт переноса европейской цивилизации на новую почву.

Но одна неприглядная деталь, вызывавшая не только критику беспристрастных наблюдателей, но и постоянные протесты партии радикалов, нуждалась в реформе. Речь шла о политической проблеме, связанной, как уже было сказано, с существованием определенного пакта. Хотя у соглашения и была очевидная цель, состоявшая в предотвращении конфликтов и столкновений, такая политика превращала избирательную систему в фикцию и была глубоко аморальной. Дележ власти, характеризовавший режим на протяжении многих лет, безусловно, развратил общество, удерживал от участия в политических событиях лучших людей, превращал парламент в лживый театр и был уязвимым местом в системе, которая в других сферах функционировала успешно.

Именно тогда Роке Саенс Пенья, находившийся под давлением обстоятельств, о которых речь пойдет позднее, выступил инициатором принятия закона, носящего его имя и приведшего к огромным переменам в политической жизни страны. Закон Саенса Пенья заменил нечестную и насильственную избирательную сис-

тему прошлых лет новой, которая позволила гражданину свободно голосовать, а также установила, что партия, побеждавшая на выборах, должна была править совместно с партией, занимавшей второе место.

Очевидно, что этот закон был принят для выхода из критической ситуации. Митре и Альберди, создавшие республику, уже умерли, но их политические наследники имели полное право считать, что электорат пойдет за ними на этом новом этапе и подтвердит их легитимность, поскольку были достигнуты крупные успехи. За тридцать лет они превратили периферийную, бедную, раздробленную, неуправляемую страну в богатую республику, выгодно отличавшуюся от остальных стран Латинской Америки. И тем не менее электорат повернулся спиной к этим старым созидательным силам и оказал поддержку новому, неизвестному движению, не имевшему четкой программы. Его лидер также был мало известен, и движение в целом стало абсолютно новым явлением в аргентинской политике.

Эти тридцать лет, с 1880 по 1910 г., сыграли ключевую роль в формировании современной Аргентины. В определенной степени современные аргентинцы являются наследниками той эпохи. Величественные общественные здания во всех городах республики и огромные парки созданы в то время. Утверждение основных общественных институтов, являющихся основой жизни страны, — от начального образования и университетов до вооруженных сил, — дело того режима, который, хотя и был виновен во многих политических грехах, при этом обладал чутьем и интуицией, позволившими ему понять, какую роль должна была играть Аргентина в мире.

Цена прогресса

В тот период процветание во многом зависело от производства, существовавшего в так называемой влажной пампе, то есть от зерновых и масличных культур, но особенно от производства мяса. Вследствие этого привилегированным регионом оказалась зона, включавшая большую часть провинции Буэнос-Айрес, юг Санта-Фе, юг Кордобы и, пожалуй, часть Сан-Луиса. В столь же выгодном положении оказалось винодельческое и сахарное производство.

Но процветание и возникшая на его основе инфраструктура (в частности, сеть железных дорог, ведущих к порту Буэнос-Айреса) не коснулись некоторых регионов страны, чьи товары в то время не пользовались спросом. Например, горнорудное производство или ремесла северных и северо-западных провинций испытывали относительный регресс. Хотя провинции побережья пережили огромный подъем, были и другие районы, как, например, Катамарка, обладавшие во времена конфедерации большим влиянием, чем в период консервативного режима.

Переписи населения показывают демографический спад в этих регионах, что привело к уменьшению их представительства в парламенте, поскольку оно зависело от числа жителей каждой провинции. Со временем стало заметно, что северные и северо-западные провинции с каждым разом получают все меньше представителей в парламенте по сравнению с провинциями побережья. Это влекло за собой ряд важных последствий: когда, например, шло голосование о строительстве общественных учреждений, предпочтение получали провинции побережья, поскольку они создавали большую долю общественного богатства, а старые провинции, основавшие страну, оказывались обреченными на отсталость.

Социальное развитие тоже шло неравномерно. Немало людей разбогатело, появился класс снобов и транжир, в то время как другие социальные слои страдали от последствий модели развития, основанной на жесткой конкуренции, не предусматривавшей существования патерналистского государства и какой-либо социальной защиты. В этом обществе тот, кто умирал с голоду, не получал никакой помощи, а тот, кто оставался без работы, оказывался на улице без какой-либо компенсации.

Законов о социальной защите, принятых позже, не было. Однако имела место одна государственная гарантия, прекрасно работавшая в то время: речь идет о деньгах. Аргентинский песо имел одинаковую стоимость на протяжении многих лет, что давало возможность делать накопления. Один сэкономленный песо стоил ровно столько же сколько и пять, десять или двадцать лет спустя. Более удачливые люди могли экономить и купить на свои сбережения или в рассрочку землю, построить дом, то есть обеспечить себе старость.

Это был неравномерный, но удивительный прогресс, содержащий в себе возможности для дальнейшего развития, напри-

мер для перехода от элитарной системы к системе массовых партий. История строительства современной Аргентины — это история восхитительного прорыва, происшедшего не случайно, а благодаря действиям ряда блестящих лидеров, использовавших благоприятные условия, которые так больше никогда и не повторились.

VIII. Демократия радикалов

В ходе исторического развития общественная жизнь усложняется, и становится все труднее обобщать ее различные проявления, тесно связанные между собой в предыдущие эпохи. Они требуют более подробного анализа выходящего за рамки этой небольшой книги. Поэтому в дальнейшем основное внимание станет уделяться политике, но, безусловно, будут отмечены и главные экономические, социальные и культурные особенности каждого из периодов.

Период, о котором пойдет речь в этой главе, начался в 1912 г. с принятием закона Саенса Пеньи и закончился в 1930 г., когда демократия, для установления которой так много сделал этот закон, впервые потерпела провал. Начался новый этап, отмеченный активным участием армии в политической жизни страны. Тем не менее с 1912 по 1930 г. существовала преемственность власти и уважение к конституции, а борьба политических партий, состав которых менялся, велась в условиях плюрализма и мирного сосуществования. Помимо того что это был самый блестящий период в истории аргентинского парламента, то время было отмечено превосходством, или, если хотите, гегемонией, Гражданского радикального союза.

Гражданский радикальный союз

В предыдущих главах мы намеренно избегали подробного рассказа о Гражданском радикальном союзе (ГРС), однако это необходимо сделать сейчас, поскольку Союз возглавил движение, высту-

павшее за принятие закона о всеобщем обязательном голосовании с «неполным списком»¹. Все эти требования содержались в законе Саенса Пеньи. Движение радикалов не только было главным творцом этого закона, но и больше всего выиграло от его принятия уже на первых всеобщих выборах и особенно в 1916 г., когда Иполито Иригойен был избран президентом страны.

Движение радикалов по мере своего развития испытало значительную политическую и идеологическую эволюцию, что неудивительно, поскольку его история насчитывает уже более ста лет. В период, о котором идет речь, оно также претерпело ряд изменений по сравнению с первоначальным проектом. Гражданский союз был создан в сентябре 1889 г. В него вошли очень неоднородные элементы: сторонники Митре, бывшие автономисты и республиканцы, католики, разочарованные светскими законами Роки и Хуареса Сельмана, и обычные молодые люди, до этого не входившие в какие-либо политические организации. Союз призывал к борьбе с коррупцией, протестовал против фальсификации выборов и режима «уникато»² во главе с Хуаресом Сельманом. В июле 1890 г. Союз, поддержанный некоторыми военными, начал восстание, которое, хотя и было подавлено, привело к отставке Хуареса Сельмана. Президентом стал Карлос Пеллегрини, и сложилась новая политическая ситуация, в которой заметную роль стали играть участники восстания, такие, как Леандро Алем, Бернардо де Иригойен, Хуан Баутисто Хусто (один из основателей и лидер Социалистической партии) и Лисандро де ла Торре (один из основателей и лидер Прогрессивно-демократической партии). Таким образом, это восстание стало переломным моментом в политической истории Аргентины.

Это политическое объединение, Гражданский союз, в январе 1891 г. выдвинуло на пост президента кандидатуру Бартоломе Митре, а на пост вице-президента — Бернардо де Иригойена. Такое решение казалось идеальным. Бартоломе Митре был самым уважаемым человеком в стране, и Иригойен во многих отношениях не уступал ему. Кроме того, их совместное выдвижение символизировало союз двух крупнейших исторических течений в ар-

¹ «Неполный список» — представительство каждого избирательного округа делилось между партией, получившей большинство голосов и занявшей второе место в пропорции 2:1.

² Уникато — президентское самодержавие, неограниченная власть президента.

гентинской политике. Митре был убежденным либералом, противником Росаса. Иригойен в молодости служил режиму Росаса и также участвовал в движении автономистов.

Две ярые личности, объединившиеся для участия в выборах, представляли лучшие силы страны и могли свергнуть режим, созданный Рокой и достигший наивысшей точки развития при Хуаресе Сельмане.

Но Рока, занимавший тогда пост министра внутренних дел, решил поступить хитро, а может быть, патриотично: он задумал прийти к такому соглашению, которое позволило бы избежать предвыборной борьбы и столкновения между различными силами. Поэтому Рока предложил Митре стать кандидатом не только Гражданского союза, но и рокистов¹, на что Митре немедленно согласился. Наверняка он принял это решение заранее, так как, несмотря на то что он находился в Европе, когда произошло восстание 1890 г., многочисленные друзья сообщали ему новости о политическом решении, готовившемся Рокой.

Итак, Митре стал кандидатом от всех крупных политических сил в стране, а также согласился на замену Бернардо де Иригойена кандидатом рокистов. Это стало ушатом холодной воды для Союза, обвинившего Митре в персонализме, в котором он сам ранее обвинял рокистов и сторонников Хуареса Сельмана.

Революция

После жарких споров в Гражданском союзе произошел раскол на сторонников Митре (затем они несколько раз меняли названия и лидеров, но сохранили партийную организацию вплоть до событий 1910—1912 гг.) и радикалов во главе с Алемом. Радикалами их называли, поскольку Алем говорил в своих речах, что был «радикально» против соглашения между Митре и Рокой. Алем выступал за то, чтобы народ мог голосовать и избирать лучших.

В 1891 г. съезд новоиспеченного Гражданского радикального союза выдвинул кандидатом в президенты Бернардо де Иригойена, а затем Союз провел то, что можно считать первой избирательной кампанией в истории Аргентины. Алем проехал почти по всей республике (лишь иногда его сопровождал Иригойен, воз-

¹ Рокисты — сторонники Х. Роки.

раст которого не позволял подобных разъездов), и его турне вызвало большой энтузиазм во внутренних провинциях. С тех пор у партии появилась организационная структура не только в столице, но и на большей части территории страны.

Движение радикалов приобрело ряд черт, делавших его крайне необычным для Аргентины того времени. Во-первых, оно выступало за революцию, причем революция понималась не как средство, к которому можно прибегнуть, когда политические механизмы не позволяют достойно участвовать в выборах, а как некая постоянная цель, как способ резко изменить сложившуюся систему.

Действительно, движение радикалов начало революцию в 1893 г., когда сам Алем организовал восстание в Росарио и начались волнения в провинциях Буэнос-Айрес (здесь движение возглавил Иполито Иригойен — племянник Алема), Тукуман, Сан-Луис и Санта-Фе. 1893 год был очень тяжелым для правительства Луиса Саенса Пеньи, занявшего пост президента после того, как Митре, поняв неосуществимость своего замысла предстать в качестве кандидата национального единства, отказался от борьбы.

Иригойен продолжил призывать к революции, особенно после смерти Алема. Это проявилось в 1905 г. во время широкого революционного движения, в котором участвовали как гражданские, так и военные элементы. На первом этапе движение добилось успеха и сумело взять под контроль такие важные города, как Росарио, Баия-Бланка, Мендоса и Кордоба (но не столицу), однако спустя три дня оно было подавлено. Несмотря на поражение, Иригойен продолжал использовать революционную риторику, и активисты радикализма говорили о революции как о цели, которая обязательно должна быть достигнута. И на более поздних этапах, в 1907 и 1908 гг., речи лидеров радикалов заканчивались призывом к слушателям принять участие в близящейся радикальной революции, которая на этот раз должна победить.

Во-вторых, особенно после того, как движение возглавил Иригойен, радикализм избрал очень трудный и необычный для аргентинской политики путь: не идти на уступки. Это означало, что радикализм как движение не заключал никаких пактов или союзов с другими партиями; он отвергал практику, часто встречающуюся в политической жизни цивилизованных стран, когда две близкие по идеологии или целям партии в нужный момент объединяют свои силы для борьбы за власть.

Радикализм отвергал это, потому что считал себя не политической партией, а гражданским движением, которое вобрало в себя все лучшее из аргентинской истории и представляло честных граждан, боровшихся с порочным режимом. Из-за этих особенностей радикализм не желал быть частью политической системы Аргентины того времени и отвергал любые альянсы с другими движениями.

В-третьих, Иригойен избрал путь неучастия в выборах и решил не участвовать в играх режима, поскольку, по его мнению, — и это действительно было так, — не существовало необходимых условий для свободного волеизъявления граждан. Пока они не появились, движение радикалов отказывалось участвовать в выборах, бывших, с их точки зрения, простым фарсом позорного режима, который они разоблачали.

Эти три особенности: стремление совершить революцию, нежелание идти на уступки и заключать пакты, а также неучастие в выборах — придавали радикализму характер антисистемного движения. Гражданский радикальный союз не был партией, действовавший в рамках закона, а являлся движением, ставившим под сомнение структуры власти, и угрожал им постоянными призывами к революции, неучастием в выборах и отказом объединяться с другими силами.

Такая стратегия казалась самоубийством: как может достичь успеха партия, которая на первый взгляд не стремится к власти, не признает союзов с другими движениями, настаивает на необходимости революции, после того как стало ясно, что армия ее не поддерживает (хотя революция 1905 г. и привлекла поначалу на свою сторону многих молодых офицеров, в действительности большая часть армии ее не поддержала).

Иригойен должен был действовать очень жестко, чтобы удерживать партию на этих позициях. Подумайте, каким необычным было положение партии к 1910 г.: она была представлена на территории всей страны, имела открытые комитеты во всех районах крупных городов, издавала газеты и созывала съезды, но не участвовала в выборах. Членам партии такая ситуация представлялась очень странной и неблагоприятной с политической точки зрения. Иригойен несколько раз был вынужден строго применять свою власть для подавления некоторых партийных элементов, обычно из высших классов, жаждавших нормального участия в политической жизни республики.

Расплывчатость программы

К чему стремилось движение радикалов? Их программа была загадкой: вначале, под руководством Алема, она ограничивалась морализаторскими призывами к власти, честным выборам и сохранению федерализма. Но это всего лишь предпосылки для эффективной деятельности правительства. В обычных условиях ни одна партия не будет требовать высокой морали от государственного аппарата, потому что он таков какой есть; то же можно сказать о требовании свободных выборов. Так что конечные цели Алема были не слишком ясны, и это оправдывает слова Карлоса Пеллегрини о том, что радикализм был не партией, а эмоцией.

Такое положение сохранялось и при Иригойене, последовательно отказывавшемся принять четкую программу партии. Результатом стал разрыв в 1908 г. Иригойена с Педро Молиной, самым влиятельным лидером радикалов во внутренних провинциях, потребовавшим ясного заявления партии о поддержке протекционизма в провинциях, которые он представлял. Иригойен в знаменитой письменной полемике с Молиной заявлял, что миссия радикализма как гражданского крестового похода настолько важна, что такие мелочи, как протекционизм или свобода торговли, лишь оскорбляют ее величие. Несколько лет спустя, в 1916 г., когда съезд Гражданского радикального союза выдвинул кандидатуру Иригойена на пост президента страны, его сторонники отклонили предложение о принятии четкой предвыборной программы. Таким образом, партия ограничивалась призывами к исполнению положений конституции, что не было политической программой, потому что все партии, если они соблюдают закон, должны чтить конституцию.

Такая политическая сила, раз за разом призывавшая к революции, постоянно составлявшая заговоры, отказывавшаяся объединяться с другими партиями, не участвовавшая в выборах, является загадкой аргентинской политики XX в. Любопытно, что подобная линия поведения дала радикалам необычайную силу и самобытность, резко отличавшую их от других политических сил того времени — сторонников Роки, Пеллегрини, Митре, модернистов, деливших власть и менявших названия (необходимо помнить, что в то время не было законов о политических партиях и их названия очень часто менялись).

На фоне всей неопределенности других партий радикализм выделялся своей этикой, завоевавшей ему симпатии общества, особенно молодых людей.

Нельзя сказать, что радикалы представляли какой-то один общественный класс. В движении участвовали представители верхов, городские рабочие, пеоны¹ и владельцы эстансий. Это было очень любопытное движение с точки зрения социологии, поскольку оно выходит за рамки традиционных представлений о классах. Когда Рикардо Рохас в 1932 г. присоединился к Союзу, он сказал: «Я пришел к радикалам, и меня встретили внуки лидеров борьбы за независимость и дети иммигрантов».

Возможно, Иригойен отказывался формулировать четкую программу действий радикалов в случае прихода к власти именно потому, что в движение входили очень неоднородные силы. Обещание придерживаться положений конституции было умным шагом, позволившим не связывать себя обязательствами, исполнения которых могли затем потребовать те или иные слои аргентинского общества.

Первые выборы

После окончания гегемонии Роки страну возглавил Хосе Фигероа Алькорта (1906 — 1910), фактически не обладавший политической властью. Уже умерли Пеллегрини, Митре, Бернардо де Иригойен, и Роке Саенс Пенья, приехавший из Европы с намерением усовершенствовать аргентинскую демократию (эта концепция занимала умы аргентинских интеллектуалов и политиков), был назначен президентом (1910 — 1914). В целом Аргентина развивалась неплохо. За тридцать лет удалось внедрить европейскую цивилизацию в бедную, неуправляемую страну, треть территории которой населяли индейцы, в страну, которая в 1880 г. не имела собственной валюты и столицы. В 1910 г., напротив, она была самым совершенным продолжением европейской цивилизации на американском континенте, могла похвастать прекрасной системой образования, средним классом, отличавшем ее от остальных латиноамериканских стран, преемственностью власти и влиятельными правящими кругами.

¹ Пеоны — сельскохозяйственные рабочие.

Тем не менее в стране сохранялась несправедливая и лживая избирательная система. Саенс Пенья полагал, что появились условия для ее изменения. Он пригласил на встречу Иригойена и предложил ему включить в кабинет министров двух или трех представителей радикалов. Однако вождь Гражданского радикального союза отказался, заявив, что единственным требованием его партии является свобода выборов. Ответ Иригойена показывает его политическую гениальность, так как, если бы радикалы вошли в кабинет министров, они оказались бы в ловушке. А так они, напротив, остались в стороне от власти и сохранили самобытность, полученную благодаря политике отказа от компромиссов, неучастия в выборах и призывов к революции.

Саенс Пенья объявил о принятии новых избирательных списков, утвержденных военным министерством и федеральными судьями. Реформа гарантировала свободу волеизъявления граждан, которые должны были голосовать в закрытом от посторонних глаз месте; на избирательных участках предусматривалось присутствие представителей судебных органов. Реформа установила систему «неполного списка» для создания двухпартийной системы, в которой две партии, получившие наибольшее число голосов, должны быть представлены в парламенте. Партия, занявшая третье место, не получала ничего.

После этой реформы многие радикалы стали требовать участия Союза в выборах. Иригойен не соглашался, так как не верил обещаниям правительства, однако давление внутри партии было слишком велико, и в марте 1912 г. ГРС принял участие в первых выборах в провинции Санта-Фе. Было бы логично, если бы избиратели поддерживали политиков, осуществивших за какие-то тридцать лет глубокую трансформацию страны. Однако у электората были иные приоритеты, и более важными ему казались этические принципы Иригойена, который за пятнадцать-двадцать лет политической жизни не запятнал себя участием в дележе власти и все это время требовал принятия справедливого избирательного закона.

Радикализм одержал триумфальную победу в провинции Санта-Фе, а спустя неделю и в столице; второе место заняли социалисты. В последующие годы (когда после смерти Саенса Пеньи президентом стал Викторино де ла Пласа) радикалы получили большинство в парламенте и вместе с депутатами от социалистов критиковали предшествующую эпоху. В 1916 г. Иполито

Иригойен был избран президентом, и начался новый этап, отмеченный гегемонией радикалов.

Закон Саенса Пеньи не способствовал формированию двухпартийной системы, как это было задумано его инициаторами. Логичным было бы правление радикалов при наличии консервативной оппозиции, которая могла бы объединить силы, правившие до 1916 г., и использовать свой богатый опыт управления страной. Однако консерваторы предпочли издавать газеты, заседать в Сенате, заниматься финансами, дипломатической деятельностью и не смогли представить обществу демократическую альтернативу власти радикалов. В отдельных случаях Иригойен вмешивался в дела консервативных правительств в провинциях под предлогом того, что они были избраны незаконно. Такое развитие событий неизбежно привело к гегемонии радикалов.

Действия правительства

Иригойен был вынужден решать политические проблемы того времени, в частности определить отношение к Первой мировой войне: должна ли Аргентина сохранять нейтралитет или нужно разрывать отношения с противниками Антанты? Существовали и внутриполитические дилеммы: поддержать или подавить забастовки студентов; как относиться к забастовкам строительных рабочих и железнодорожников, и на чью сторону встать — рабочих или капиталистов?

Иригойен, возглавивший правительство в разгар Первой мировой войны, сохранил нейтралитет Аргентины, хотя иногда это было трудно. Импорт снижался, поскольку Великобритания, Германия и Франция принимали участие в войне. Фабрики закрывались из-за нехватки сырья, и это еще более усложняло ситуацию. Тогда ввиду невозможности импортировать некоторые товары было принято решение производить их внутри страны, что сулило перспективы создания национальной промышленности. Кроме того, выросли цены на сельскохозяйственные продукты (зерновые и мясо), в которых нуждались воевавшие страны.

Таким образом, правительство Иригойена сохранило нейтралитет и экономическую структуру страны, не тронуло земельную олигархию, прислушалось к жалобам студентов и осуществило без лишнего шума эгалитарную революцию. Многие дети иммиг-

рантов, получивших образование в колледжах и университетах благодаря закону о всеобщем образовании, стали занимать без всяких ограничений общественные должности, как выборные, так и административные. Закончилось время, когда на этих постах находились лишь представители избранных семей. Иригойен и радикализм того времени выступали за равноправие.

Политическая гегемония радикализма привела к ряду достижений в социальной, экономической и культурной сферах. В культуре все больше ощущалось обращение к национальным мотивам в сравнении с музыкой, поэзией и живописью предыдущей эпохи. Это проявилось, например, в работах архитектора Мартина Ноэля, ценившего красоту старых часовен на северо-западе страны и колониальную архитектуру в целом. Композиторы все чаще черпали вдохновение в фольклоре, а Рикардо Рохас написал «Историю аргентинской литературы». Хотя радикализм был интересным явлением, пытавшимся уйти от иностранных влияний, тем не менее он не изменил основ аргентинской жизни.

Гегемония радикалов

Успехи радикалов привели к умеренному процветанию страны, улучшению качества жизни рабочих, укреплению позиций представителей среднего класса, дети которых заняли важные должности и приобрели высокий социальный статус. Так что радикализм постепенно расширял свое политическое влияние, и было время, как, например, в 1922 г., когда власть радикалов являлась неоспоримой. В столице единственной силой, способной противостоять им, была Социалистическая партия; во внутренних провинциях с радикалами боролись мелкие местные партии и группы диссидентов.

Но когда одна партия единолично господствует в стране, по законам политики оппозиция появляется внутри этой партии. Если положение дел таково, что различные точки зрения, существующие в стране, не находят отражения в общенациональных представительных учреждениях, то борьба разворачивается внутри господствующей партии. Именно это произошло, когда в 1924 г. ГРС раскололся на антиперсоналистов и иригойенистов.

Антиперсоналисты выступали против единовластия Иригойена. Иригойенисты указывали, что внутренняя оппозиция была

скрытой формой консерватизма, правым уклоном и что они, сторонники Иригойена, последовательнее выражали народный, революционный и аргентинский характер радикализма. Это противостояние привело к появлению очень интересных работ интеллектуалов, входивших в Союз, которые в книгах, брошюрах, статьях, а затем во время предвыборной кампании 1928 г. придали цельность тому, что в период президентства Иригойена было лишь политическими решениями по отдельным вопросам.

Все то, что Иригойен сделал в социальной, экономической, образовательной и внешней политике, было включено этими молодыми интеллектуалами в партийную программу, сделавшую ГРС похожим на такие партии, как перуанская Американский народно-революционный альянс и мексиканская Революционно-институциональная партия, то есть народной, умеренно этатистской и антиимпериалистической левоцентристской партией.

В 1928 г., после окончания шестилетнего правления Альвеара, произошло столкновение между иригойенистами и антиперсоналистами, поддержанными консерваторами и Независимой социалистической партией, отделившейся от старых социалистов.

Выборы завершились чистой победой Иригойена, названной плебисцитом. Он набрал в два раза больше голосов, чем остальные партии вместе взятые. Эта на первый взгляд оглушительная победа в конечном итоге сыграла негативную роль во время президентства Иригойена, потому что она сделала радикализм слишком конформистским по отношению к происходившему.

Народная поддержка, которая, как полагали радикалы, будет вечной, всего за два года была потеряна. Это произошло не только из-за преклонного возраста Иригойена и допущенных ошибок, но и вследствие настойчивых антирадикальных и антидемократических действий ряда сил, не веривших в победу над ГРС на свободных выборах и избравших более короткий путь заговора. Стоит напомнить, что в 1920-е годы итальянский фашизм добился больших успехов как альтернатива капитализму и коммунизму; в Испании существовала диктатура Примо де Риверы, которая была относительно мягкой, не слишком кровавой, но при этом она навела порядок; в Германии первые шаги делал нацизм...

Не слишком блестящие соратники Иригойена превратили политику в спектакль и надеялись на то, что массы будут поддерживать их вечно. В такой ситуации многочисленные силы требовали установления правительства, основанного на строгой иерархии,

независимого от масс и выборов и способного лучше представлять общественные интересы, чем радикалы. Это приводит нас к кануну революции 1930 г., ключевому моменту в аргентинской истории. Данное событие положило начало вмешательству армии в политику и сомнению относительно демократии, которая хоть и не была идеальной, но основывалась на традициях плюрализма и толерантности; после революции 1930 г. эти ценности стали постепенно исчезать.

Здесь стоит задуматься. С первой главы мы затрагивали темы, так или иначе связанные с современной Аргентиной. Когда мы говорили об основании Буэнос-Айреса, мы также отметили враждебность по отношению к нему и трудности во взаимоотношениях с городами внутренних провинций, вызванные выгодным расположением Буэнос-Айреса. Когда мы анализировали создание вице-королевства, то видели, что конфликты между ним и внутренними провинциями все еще существовали. А когда речь шла о Майской революции, мы отметили милитаризацию общества.

Австрийский социолог Отто Баур говорил, что страны — это застывшие истории. Аргентинские историки, как правило, не занимаются историей лишь для того, чтобы узнать, что происходило в прошлом, а хотят лучше понять современную Аргентину, найти ответы не только на те вопросы, которые мы, индивидуумы, задаем себе на определенных этапах жизни, но и на вопросы, поставленные обществом: откуда мы появились, в каком направлении движемся, кто мы, чему служим, почему с нами происходит то, что происходит, почему мы отличаемся от других, в чем заключается наша идентичность, что мы можем сделать в будущем, какими талантами мы обладаем.

История, хотя и не отвечает на все вопросы (а если и отвечает, то не всегда правильно), помогает понять настоящее, и в этом ее ценность. В конце концов, у историка нет магического шара, который позволил бы ему предсказать будущее, но он рассматривает общественные феномены в долгосрочной перспективе и поэтому может вовремя предупредить общество.

С этой точки зрения память о демократии, существовавшей в стране с момента принятия закона Саенса Пеньи и до 1930 г., а также о ее внезапной смерти, наводит на размышления о хрупкости аргентинской политической системы и о нетерпимости, которая много раз хоронила надежды на ее улучшение.

IX. Революция 1930 года

Революция 1930 г. стала важным событием в новейшей истории Аргентины. Она ознаменовала конец одной эпохи и начало другой. Впервые в конституционной истории Аргентины в результате военного (или, по крайней мере, военно-гражданского) переворота было свергнуто законное правительство. С моей точки зрения, это положило конец многообещающим перспективам развития страны и привело к катастрофическим последствиям. Я осознаю, что меня можно обвинить в политических пристрастиях, однако историк не обязан отрекаться от тех ценностей, на которых основаны его взгляды на страну и на мир в целом.

Плебисцит

Моя оценка революции 6 сентября 1930 г. как катастрофы для институтов страны основывается на моральных ценностях. Но в любом случае, хотя эта революция и была катастрофой, она имела свои причины, которые следует проанализировать. Для этого необходимо обратиться к событиям 1928 г., к выборам, вошедшим в историю под названием «плебисцита», на которых Иполито Иригойен был избран президентом во второй раз.

Во время этих выборов четко обозначились два политических течения: одно из них полностью поддерживало Иригойена, другое яростно отрицало его наследие. Иригойен оставался бесспорным лидером Гражданского радикального союза, несмотря на то что за несколько лет до этого движение радикалов оказалось расколо-

тым. В одну из фракций — фракцию, так называемых «антиперсоналистов» — входили те, кто критиковал якобы вождистские замашки Иригойена. В наши дни мы бы назвали эту фракцию прагматистской.

На выборах 1928 г. эта фракция была открыто поддержана всеми консервативными партиями страны, увидевшими в тандеме Леонардо Мело — Висенте Гальо возможность избежать повторного прихода к власти Иригойена. Несмотря на это последний добился оглушительной победы: за него было подано 840 тысяч голосов против 460 тысяч, полученных оппозицией.

Парадоксально, но такая громкая победа Иригойена заставила оппозицию забыть о выборах и искать другие пути к власти. В свою очередь сторонники Иригойена после этого триумфа слишком расслабились, что несло в себе большую опасность. Они полагали, что плебисцит показал общенациональную поддержку Иригойена, и это оправдывало любые ошибки и упущения в будущем, поскольку результаты выборов были настолько очевидны, что потеря поддержки народа казалась невероятной. Для консервативных сил результаты выборов стали большим разочарованием, и они считали, что страна идет в никуда; это стало одной из причин революции 1930 г.

Кроме того, в 1930 г. Аргентина уже ощущала удары мирового кризиса, начавшегося в ноябре 1929 г. в Нью-Йорке в результате знаменитого обвала биржи и банкротства банков в США и Европе. Многие правительства приняли меры по ограничению свободы международной торговли (контроль над валютными потоками, высокие таможенные пошлины), для спасения своих экономик от краха. Не будем забывать, что Аргентина в то время экспортировала лишь сельскохозяйственную продукцию, промышленность еще только зарождалась, что делало экономику страны зависимой от международной конъюнктуры. Например, в 1929 г. экспорт Аргентины по сравнению с предыдущими годами существенно сократился.

Наконец, 1930 год стал знаковым в мировой истории, особенно в европейской, из-за действий политических режимов, противостоявших традиционному демократическому либерализму, который господствовал в Европе и наиболее цивилизованных странах мира с XIX в. и до Первой мировой войны. Фашизм, например, навел порядок в Италии с 1923 г. и стремился превратить ее в мировую державу. Харизма Муссолини привлекала многих людей

во всем мире, даже в тех странах, которые в будущем станут врагами Дуче (например, в Англии ему симпатизировал Уинстон Черчилль). В Испании одной из форм фашизма являлась диктатура Примо де Риверы.

С другой стороны, в Советском Союзе укреплялся режим большевиков, победивших в революции 1917 г. Начиная с 1925 г. под железным руководством Сталина эта огромная страна пыталась осуществить индустриализацию (и, по-видимому, успешно; по крайней мере, об этом твердили сторонники СССР во всем мире). Одновременно с кризисом в США, поставившим под угрозу мировую капиталистическую систему, в Латинской Америке произошло несколько военных переворотов, свергнувших в целом демократические гражданские правительства.

Особый момент

В это время в аргентинской политике не происходило ничего необычного. Казалось, что основные черты политики, свойственные первому правительству Иригойена перестали быть такими очевидными: мирная революция сверху, более справедливое распределение национального богатства, меры по усилению государства с целью примирения различных общественных интересов, попытки строительства более справедливого общества, защита национальных интересов в экономике. Сам Иригойен, уже пожилой человек, казался государственным деятелем, несколько потерявшим былой блеск. Власть, конечно, функционировала, но ей стала свойственна медлительность, некий застой.

В любом случае одной из загадок эпохи является то, почему высшие аргентинские классы возненавидели Иригойена до такой степени, что забыли традиции уважения к законам, существовавшие в старом консерватизме, и начали революцию, хотя сам Иригойен не затронул основ экономического благосостояния тех, кого в наши дни мы бы назвали олигархами, и даже проявлял уважение к их стилю жизни. Тем не менее их ненависть к Иригойену была очевидной, что отражалось на страницах газет и журналов того времени. Его обвиняли во всем. Хотя упреки Иригойену во многом отражали классовые предрассудки и были такими неопределенными, что встает вопрос, почему консерваторы пошли

на столь радикальный шаг, как революция, если обвинения в адрес президента по сути были незначительными.

Есть очень интересная книга Мартина Альдао, хорошо передающая настроения того времени. Альдао происходил из знатной семьи города Санта-Фе и прожил в Париже тридцать или сорок лет. Он был прекрасно известен среди многочисленной диаспоры аргентинцев в Париже, и ему пришла в голову идея записывать в дневник все, что с ним происходило, в том числе и разговоры с наиболее влиятельными представителями аргентинской колонии во Франции.

В его книгу включен дневник, который вел приблизительно с 1928 по 1932 г., то есть и в период, предшествовавший революции 6 сентября, и последовавших затем событий. Разговоры Альдао с такими персонажами, как Марсело де Альвеар, Фернандо Сагьер, и другими влиятельными аргентинцами (некоторые из них жили в Париже, другие бывали там проездом) показывают, что слухи и сплетни, доходившие до Франции, были малосодержательными, но они свидетельствовали о целом ряде обвинений в адрес Иригойена. Говорилось, что президент пребывает в маразме, парализует деятельность правительства, потому что не подписывает документы, что он окружен небольшой группой слепых последователей и назначает на важные посты непонятно кого и т.д.

Любопытно, что с конца 1929 г. Альдао говорит о возможном насильственном смещении Иригойена как о чем то вполне естественном. Более того, появляются конкретные имена: возможное восстание, пишет Альдао, будет возглавлено генералом Хусто или генералом Урибуру. Это дает представление о политической безответственности консервативных сил, но надо также признать, что радикалы не приняли мер для противодействия тому, что уже с июня или июля 1930 г. стало почти неизбежным. Триумф на знаменитом плебисците 1928 г. закрыл дорогу для любой самокритики. Например, во время выборов депутатов в 1930 г. интересы некоторых деятелей ГРС привели к тому, что кандидатами от радикалов стали те, кто уже занимал депутатские скамьи, то есть все они переизбирались. Это никак не вязалось с тем, что сам радикализм пропагандировал несколько лет назад, и с фигурой Иригойена.

Насилие

В ноябре 1929 г. впервые за несколько десятилетий произошло зловещее событие: убийство политического лидера Карлоса Вашингтона Ленсинаса в Мендосе. Ленсинас был диссидентом внутри движения радикалов и занимал очень прогрессивные позиции в экономическом и социальном вопросах. Ленсинас в Мендосе как и губернатор Сан-Хуана Федерико Кантони были карикатурой на радикализм, их отличал большой популизм и пропаганда справедливого разделения благ. Поведение этих деятелей было во многом похоже на будущий перонизм: постоянные нападки на капитал и частную собственность, поддержка рабочих, прогрессивное законодательство, как, например, закон, принятый в Сан-Хуане и позволивший женщинам проголосовать на местных выборах в 1928 г. В то же время они не стеснялись прибегать к насилию и запугиванию оппозиции. Карлос Вашингтон Ленсинас был молодым человеком, сыном первого губернатора Мендосы от ГРС, известного как гаучо Ленсинас (из-за этого Карлоса Вашингтона звали «маленьким гаучо»). После яростных кампаний против Иригойена он приехал в Мендосу и был убит местным жителем — очень бедным иригойенистом. Этому событию сразу придали политическое значение, и в стране закипели страсти. Иригойена напрямую обвинили в организации убийства Ленсинаса, что было абсолютной глупостью.

В действительности такая ситуация в регионе Куйо была вызвана внутренними факторами, приведшими к вмешательству федеральных властей в дела провинций Сан-Хуан и Мендоса еще до того, как Иригойен вступил в должность президента. Но это встретило сопротивление как сторонников Ленсинаса, так и сторонников Кантони. Что касается преступления, то оно, несмотря на свой локальный характер, получило общенациональный резонанс.

Месяц спустя произошло другое кровавое событие: покушение на самого Иригойена. Покушавшийся, о котором до сих пор известно очень немного (говорят, что он был не совсем здоров психически и якобы когда-то симпатизировал анархизму), несколько раз выстрелил по автомобилю, в котором находился Иригойен, но был тут же убит охраной. Теперь появился еще один повод критиковать самого Иригойена, поскольку раньше он передвигался без охраны, а теперь использовал вооруженную поли-

цию, готовую убивать. Эти события создали гнетущую обстановку страха, что хотя и не распространялось на всю страну в целом, но было довольно ловко использовано газетами и оппозиционными организациями перед выборами депутатов в марте 1930 г.

Странные выборы

Эти выборы завершились вничью. Радикалы, получившие 800 тысяч голосов в 1928 г., на этот раз получили 600 тысяч, а оппозиция, наоборот, заработала на 200 тысяч голосов больше (на прошлых выборах за нее проголосовали 400 тысяч человек). Но беспрецедентным в истории аргентинских выборов фактом стало поражение радикалов в столице, причем они проиграли фракции партии меньшинства — Независимой социалистической партии, отделившейся от традиционной Социалистической партии. Независимая социалистическая партия немного более критически настроена к Иригойену, в будущем заключила союз с консерваторами и стала частью режима, получившего название «Конкордансия».

Поражение Гражданского радикального союза в столице от такой молодой партии стало предупреждением. С этого момента началась подготовка военного заговора, о котором говорили еще несколько лет назад, когда победа Иригойена вызвала беспокойство в определенных кругах. Тогда они пытались склонить на свою сторону генерала Хусто (он был министром вооруженных сил в правительстве Альвеара), но последний считал, что после недавнего триумфа Иригойена на выборах любая революция потерпит провал. Однако в 1930 г. ситуация изменилась, и началась подготовка военного заговора во главе с генералом Хосе Феликсом Урибуру, уроженцем Сальты и депутатом-консерватором в 1913 г.

Урибуру симпатизировал Германии, и его окружали молодые люди, не имевшие политического веса, но обладавшие некоторым влиянием в интеллектуальных кругах и группировавшиеся вокруг газеты «Новая республика». Они принесли в страну идеологию итальянского фашизма и добавили к ней аргентинский национализм. Эта идеология отрицала демократию как форму государственного устройства, ведущую к общему благу, не признавала выборы, поскольку считала, что большинство не всегда право, и выступала против политических партий и за конституционную реформу корпоративистского типа.

Заговор

Урибуру был искренним человеком с добрыми намерениями, но не очень умным. Он позволил этой группе молодых людей (почти все они ранее были консерваторами, и многие из них являлись яркими мыслителями, как, например, Эрнесто Паласио или братья Ирасуста) приблизиться к себе и превратился в одного из возможных главарей заговора. Урибуру находился на военной службе до 1928 г. и сохранял определенный престиж в армии. Он начал переговоры с разными людьми для осуществления революции, которая, по его мнению, должна была стать началом нового этапа институционального развития страны, внести изменения в конституцию, отменить закон Саенса Пеньи и заменить Конгресс чем-то вроде собрания корпораций.

Вскоре генерал Агустин П. Хусто, бывший министром вооруженных сил при Альвеаре, также начал плести заговор с целью предотвратить намерения Урибуру реформировать конституцию. Хусто окружали традиционные политики, в основном консерваторы, «антиперсоналисты» (то есть радикалы — противники Иригойена) и независимые социалисты. Он считал, что нужно сместить Иригойена, уже не способного эффективно управлять государством, а затем провести новые выборы, которые позволили бы законно прийти к власти силам, разгромленным в 1928 г. Стоит отметить, что заговор против Иригойена готовился одновременно двумя полностью противоположными группировками, хотя в тот момент различия между ними еще не были очевидными.

Тем временем произошли выступления и манифестации оппозиционных партий как в Конгрессе, так и на улицах, совпавшие с подготовкой заговора. Начиная с июля 1930 г. напряжение постепенно нарастало. Оппозиция в Конгрессе объединилась, организовала серию шумных актов в театрах и на площадях и все больше критиковала правящий режим. Она контролировала многие средства массовой информации, что позволяло ей постоянно обрабатывать общественное мнение и придавать широкую огласку обвинениям против Иригойена; это особенно проявилось в августе 1930 г.

Когда происходят революции или когда создаются благоприятные для их начала условия, правительства обычно совершают какие-то действия, которые вызывают негативную реакцию, и на-

чинается противостояние правительства и оппозиции, заканчивающееся революцией. Но любопытно, что в данном случае правительство не предприняло ничего, кроме некоторых рутинных административных действий (например, был назначен председатель Верховного суда и принят ряд маловажных законов). В 1955 г. ряд действий правительства Перона вызвал протесты, приведшие к революции 16 сентября. Однако в 1930 г. не было ничего подобного.

Правительство радикалов казалось неподвижным манекеном; на него сыпался град сильнейших ударов, а оно не реагировало. Единственным ответом стали довольно крупные манифестации в защиту правительства в конце августа 1930 г., организованные довольно загадочной группой под названием «Радикальный клан». В нее входили маргинальные элементы комитетов, прошедшие по центральным улицам Буэнос-Айреса с лозунгами «Да здравствует Иригойен!» и «Смерть оппозиционерам!». Однако это не вызвало сколько-нибудь широкого отклика, кроме небольшой перестрелки, в которой обошлось без жертв.

Пропаганда заговора шла в газетах и становилась все более самонадеянной: делались прогнозы о том, когда начнется революция. Некоторые газеты, особенно «Критика» и «Расон», в августе и начале сентября печатали ужасные вещи о президенте. Если сравнить это с современными избирательными кампаниями и с нынешними заявлениями оппозиции, то можно увидеть, насколько улучшились политические нравы в Аргентине, так как сказанное в 1930 г. было дикостью. Газеты вмешивались в личную жизнь Иригойена и опускались до непристойностей, однако правительство не реагировало на это. В начале сентября подал в отставку министр вооруженных сил, не сумевший сдержать развитие заговора; его отставка также была вызвана интригами внутри правительства.

Четвертого сентября прошла манифестация. Как и ожидалось, не обошлось без жертв: в перестрелке погиб человек, как тогда решили — студент (хотя после выяснилось, что он был банкиром). Студенты Буэнос-Айреса начали забастовку и заявили о начале войны с правительством. 6 сентября генерал Урибуру сумел собрать кадетов военного училища и выдвинулся во главе очень маленькой, уязвимой с военной точки зрения, колонны к Буэнос-Айресу.

Однако обстановка была такой, что правительство не было способно организовать сопротивление. Иригойен, будучи серьезно болен, передал правление вице-президенту Энрике Мартине-

су, рассчитывая снять напряжение, но давление на Иригойена было слишком сильным. В конце концов Урибуру, после перестрелки на площади Конгресса, прибыл в резиденцию правительства, заставил вице-президента подать в отставку и возглавил правительство. Таковы факты.

Выборы и запреты

То, что произошло потом, стало преамбулой событий 1930-х годов. Урибуру попытался осуществить свои корпоративистские замыслы, однако не получил поддержки общественного мнения. Против них выступил Хусто, попытавшийся создать что-то вроде конфедерации политических сил, которая поддержала бы его, но не преуспел. В конце концов Урибуру оказался вынужден объединиться с консервативными силами, так как они были единственными, кто его поддерживал. По совету министра внутренних дел он провел выборы в провинции Буэнос-Айрес, намереваясь затем провести их в других провинциях и завершить процесс президентскими выборами.

Но 5 апреля 1931 г. радикализм неожиданно победил в провинции Буэнос-Айрес, и ситуация для Урибуру начала усложняться. Как только стало ясно, что радикализм продолжал пользоваться поддержкой большинства, несмотря на кампанию по дискредитации, вопреки тому что Иригойен сидел в тюрьме и многие лидеры движения находились в изгнании или за решеткой, власть была вынуждена искать другой путь. Она пошла на проведение нечестных выборов (это было свойственно всему периоду 1930-х годов), запретив участвовать в выборах в сентябре 1931 г. тандему ГРС Марсело де Альвеар — Адольфо Гуэмес.

Перед лицом этого запрета радикализм решил не участвовать в выборах. Силами, поддерживавшими временное правительство, стали старые консерваторы (они впервые после принятия закона Саенса Пеньи сумели объединиться в единую общенациональную партию, получившую название Национальной демократической партии), антиперсоналисты и независимые социалисты в столице. Консерваторы выступили за связку Хусто — Рока, а антиперсоналисты за тандем Хусто — Матьенсо. Силы, которые не были ни консерваторами, ни радикалами (то есть традиционные социалисты, прогрессивные демократы и ряд мелких провин-

циальных партий), объединились в Гражданский альянс, выдвинувший кандидатуры Лисандро де ла Торре (прогрессивный демократ) и Николаса Репетто (социалист).

Естественно, что на выборах в большинстве провинций консервативные партии добились победы над Гражданским альянсом, получившим большинство голосов лишь в столице и Санта-Фе, где Прогрессивная демократическая партия обладала большим влиянием. В декабре 1931 г. был созван Национальный конгресс, одоббивший результаты выборов, несмотря на протесты радикалов. Двадцатого февраля 1932 г. Урибуру передал власть Агустину П. Хусто, который стал президентом страны.

Последствия

Подведем итоги: в сентябре 1930 г. впервые в конституционной истории Аргентины военный переворот сверг правительство, которое, как бы его ни оценивали, было конституционным. С этого момента возникла система, основанная на нечестных выборах, нарушениях конституции и законов страны, что позволило режиму навязывать своих кандидатов от альянса «Согласие» вплоть до 1943 г.

Подоплекой того, что на первый взгляд кажется типичным латиноамериканским переворотом, было желание господствующих классов Аргентины прийти к власти и сделать так, чтобы мировой кризис не нанес им ущерба. Находясь у власти, эти классы вели дела таким образом, что кризис, переживаемый Аргентиной, не затронул их интересов, а его влияние почувствовало население в целом.

Другим последствием революции 6 сентября стала перегруппировка радикалов, которые забыли бывшие разногласия между антиперсоналистами и иригойенистами и объединились под руководством Альвеара. Иригойен провел некоторое время в тюрьме «Мартин Гарсиа», но был выпущен на свободу временным правительством и вернулся в Буэнос-Айрес. Тем не менее он не вернулся к руководству партией, а лишь благословил своего любимого ученика — Марсело Торкуато де Альвеара.

Многое изменилось в стране после 1930 г., и в основном в худшую сторону. В 1946 г. влиятельный лидер консерваторов, уроженец Кордобы, Хосе Агирре Камара обращаясь к национальному

комитету своей партии сказал: «В 1930 г. мы совершили серьезную ошибку из-за нетерпения, жажды власти, неопытности и других причин. Мы открыли путь для военных переворотов, забыли великие традиции консерватизма, и мы ответственны и виновны за то, что случилось в стране». Еще через несколько лет Хуан Перон, бывший в то время президентом, сказал: «Я был очень молод, когда увидел свержение Иригойена. Он пал под валом клеветы и оскорблений, против которых правительство оказалось бессильно. Со мной такого не случится...» То есть два человека, участвовавших в революции 1930 г., Агирре Камара и Перон, который в тот момент был капитаном и входил в Генеральный штаб Урибуру, по сути, сожалели о сделанном.

После 1930 г. годовщины революции 6 сентября поначалу пышно отмечались, затем о ней предпочитали молчать и, в конце концов, забыли совершенно. В наши дни никто не вспоминает эту дату с благодарностью: считается, что она обозначает роковое событие в аргентинской истории, открывшее путь для дальнейших нарушений конституции и знаменует начало десятилетия, которое я не называю позорным¹, но тем не менее считаю, что в 1930-е годы в стране господствовали традиционные классы, не думавшие о народе и защищавшие эгоистические классовые интересы. Это означало возврат в прошлое.

¹ В аргентинской историографии период 1930 — 1943 гг. получил название «позорное десятилетие».

Х. 1930-е годы

Обычно когда в историографии идет речь о 1930-х годах, то имеется в виду период, начавшийся в феврале 1932 г. (в этом месяце Агустин П. Хусто занял пост президента) и закончившийся в июне 1943 г. свержением консервативного правительства Рамона С. Кастильо.

В истории, как и в жизни, события часто происходят одновременно, и, рассказывая о них, нужно понимать, что политические, экономические и культурные процессы идут параллельно, однако для лучшего понимания бывает необходимо разделить их. Поэтому представляется важным в общих чертах рассказать о том, что происходило в мире в те годы. Я полагаю, что современная история не знала другого, столь же мрачного периода, как 1930-е годы.

Страшный мир

В 1933 г. Гитлер пришел к власти в Германии, и в последующие годы его расистская, националистическая, милитаристская политика привела к оккупации Рейнской области, присоединению Австрии и захвату сначала той части Чехословакии, где проживало немецкое население, а затем и всей территории страны. В сентябре 1939 г. Гитлер атаковал Польшу, что привело к началу Второй мировой войны.

Тем временем в СССР шли процессы, вызывавшие в большинстве случаев симпатии прогрессивных сил Запада, в том числе и Аргентины. Однако за этим фасадом скрывались негативные

моменты, которые понемногу становились достоянием общест-венности. Идея о бесклассовом обществе, в котором деньги не бу-дут иметь никакого значения, не будет привилегий и народ станет работать для улучшения своей жизни, вызвала энтузиазм в ми-ре. Однако наряду с этим в СССР шли широкомасштабные ре-прессии, были физически уничтожены миллионы крестьян, вы-ступивших против аграрной политики правительства, проведены ужасные политические процессы, на которых представители ста-рой большевистской гвардии признали себя виновными в мни-мых преступлениях — измене Родине и подготовке заговоров с целью убийства Сталина. Однако все это стало известно позже. В 1930-е годы казалось, что Советский Союз проводит блестящий эксперимент по поиску альтернативы капиталистической систе-ме, переживавшей, как тогда полагали, банкротство.

В США было 20 миллионов безработных, и нечто похожее от-мечалось в Англии и во Франции, что приводило к возмущениям и беспорядкам, которые хотя и не были направлены на слом капи-талистической системы, тем не менее серьезно озаботили запад-ных политиков. Например, Соединенные Штаты изменили свою традиционную либеральную политику и провозгласили Новый курс, в рамках которого государство начало проведение крупных строительных работ, позволивших смягчить безработицу. Новый курс Ф. Рузвельта (хотя со временем стало ясно, что его роль в преодолении кризиса была преувеличена) вернул американско-му народу уверенность в своих силах.

Итак, в 1930-е годы дела в мире шли не слишком хорошо. Тота-литарные системы находилась на подъеме, демократия критико-валась повсюду, и вооруженные кровавые столкновения стали общим местом (например, Япония вторглась в Китай). Другим важ-ным событием, потрясшим аргентинское общество, стала граж-данская война в Испании, начавшаяся в июле 1936 г. и продливша-яся до марта 1939 г. Она стала прелюдией Второй мировой войны.

Гражданская война в Испании потрясла аргентинское общест-во по многим причинам. Во-первых, в стране существовала много-численная испанская колония. Возможно, сегодня в Аргентине у кого-то еще остались прадедушки-испанцы, но в то время у мно-гих аргентинцев были испанцами отцы и деды, и все они заняли ту или иную позицию по отношению к происходившему на Иберий-ском полуострове. Во-вторых, существовали гораздо более тес-ные, чем сегодня, торговые и экономические связи между двумя

странами: в Аргентине ели испанские сардины, пили испанский сидр, мылись испанским мылом и многие крупнейшие фирмы были испанскими, как, например, та, что построила в Буэнос-Айресе линию метро «Майская площадь» — «Пасифико», или Испано-аргентинская энергетическая компания, штаб-квартира которой находилась в Барселоне.

Аргентинское общество внимательно следило за войной в Испании еще и потому, что ценности, вокруг которых шла борьба (фашизм против еще несовершенной Испанской республики), имели много общего с Аргентиной. Гражданская война в Испании и Вторая мировая война потрясли и разбудили Аргентину, до того жившую в изоляции, как остров, которого не касалось происходившее в мире, и показали важность международных событий для страны.

Хусто

В Аргентине 1930-е годы начались с приходом к власти Агустина П. Хусто, победившего на выборах, в которых Гражданский радикальный союз не принял участия из-за причин, описанных выше. В результате этих нечестных выборов к власти пришла коалиция «Конкордансия» (Согласие). В нее входили традиционная консервативная партия, антиперсоналисты и маленькая партия независимых социалистов, победившая в Буэнос-Айресе на выборах 1930 г. и выдвинувшая ряд крупных деятелей, среди которых, безусловно, выделялся Антонио ди Томассо.

Новый президент, Хусто, не обладал харизмой, но был ловким политиком и умел добиваться поддержки. Он считался радикалом-антиперсоналистом, был профессиональным военным, министром вооруженных сил в правительстве Альвеара, но, кроме того, он был гражданским инженером и сделал на этом акцент во время предвыборной кампании, как бы показывая, что он не просто военный, а еще и человек, обладающий гражданской профессией.

Где бы он ни появлялся, его освистывали. Он стал, по-видимому, единственным президентом Аргентины, позволившим себе показать неприличный жест толпе: это случилось на ипподроме Палермо, куда Хусто приехал понаблюдать за розыгрышем важного трофея на скачках.

Несмотря на это, Хусто сумел кое-что сделать. Его правительство серьезно занималось общественным строительством, и ему мы обязаны первой сетью автострад в Аргентине. Дороги Буэнос-Айрес — Мар-дель-Плата, Буэнос-Айрес — Рио-Куарто — Мендоса, Буэнос-Айрес — Росарио — Кордоба были построены во время правления Хусто. Также был принят закон о дорожном управлении, согласно которому 5% доходов, получаемых государством от продажи нефти, шли на строительство дорог с твердым покрытием.

Хотя Хусто и считался радикалом-антиперсоналистом, на деле он был консерватором. Он верил в политику, принесшую процветание стране в предыдущие десятилетия. Это означало тесный союз с Великобританией, заботу о британских инвестициях в Аргентине и торговые связи между Аргентиной и английским рынком. Но когда надо было создавать дорожную сеть в стране, Хусто распорядился строить автомобильные дороги параллельно железным дорогам и тем самым способствовал усилению конкуренции местного автомобильного транспорта (он хоть и не являлся более быстрым и безопасным, но был дешевле железнодорожного) с британскими железными дорогами.

Первые годы правления Хусто были облегчены неучастием радикалов в выборах. ГРС, столкнувшись с запретами на выборах 1931 г., решил воздержаться от участия в выборах, а отдельные лидеры радикалов несколько раз пытались начать революцию, но их попытки закончились неудачей. Это была безвыходная позиция: неучастие в выборах оставляло радикалов вне игры, в то время как другие политические партии приняли правила, установленные правительством. Тогда пространство, оставленное Союзом, заняли социалисты, получившие более пятидесяти мест в Конгрессе; в будущем они так и не смогли повторить этот результат.

Нечестные выборы

В 1935 г. радикалы решили отказаться от политики неучастия в выборах, и с этого времени начались широкомасштабные фальсификации итогов голосования. Это стало главным позором десятилетия. Подтасовка результатов голосования если и не была организована правительством, то, по крайней мере, поддерживалась

им, что придавало незаконный характер всем политическим событиям того времени.

Часто оппозиционно настроенных граждан запугивали, препятствуя их голосованию (или просто говорили: «Ты уже проголосовал, уходи»), и угрожали, иногда даже оружием, наблюдателям, заставляя их покидать избирательные участки, что позволяло сторонникам власти делать все что угодно со списками избирателей и наполнять избирательные урны любыми бюллетенями. Иногда избирателям позволяли свободно голосовать, но затем меняли урны на другие, с нужными голосами. Такая практика «вошла в моду» в конце 1930-х годов.

Было много способов фальсификации выборов, часто практиковались открытая агрессия и перестрелки. В борьбе, начатой радикализмом за очищение выборов (иногда в ходе борьбы применялось оружие), было много жертв. В 1935 г. Амадео Сабатини победил на губернаторских выборах в Кордобе ценой восьми или девяти убитых в результате перестрелки с головорезами консерваторов. То же самое произошло в Мендосе, где сторонники власти убили главу радикалов доктора Мартонса. В провинции Санта-Фе погиб генерал Риссо Патрон.

В провинции Буэнос-Айрес, где имели место наиболее вопиющие фальсификации, произошли поистине трагические случаи. Хуан Масиель, глава городка Трес-Арройос, узнав, что в местечке Коронель-Доррего отмечались фальсификации, в день выборов Ортиса (его соперником от радикалов был Альвеар) решил в одиночку помешать этому, но был расстрелян на площади города. Это была тяжелая, мучительная борьба, о которой до сих не было рассказано в подробностях. Но, к сожалению, фальсификация выборов стала общим местом и иногда также практиковалась и радикалами.

В конце 1930-х — начале 1940-х годов были попытки фальсификации выборов внутри ГРС. Это было эпидемией, заражавшей все вокруг, поскольку нечестные выборы были единственным способом для альянса «Конкордансия» удерживать власть и не допустить победы радикалов, которые по-прежнему имели больше сторонников, чем правящие партии.

Проблема фальсификации выборов относится к политической философии: до какой степени правительство может оказывать давление для удержания власти? Главной обязанностью человека является защита собственной шкуры, говорил Мартин Фьерро.

И также можно сказать, что главной обязанностью политика, когда он находится у власти, является сохранение власти, но можно ли использовать любые методы для этого? Консерваторы и их союзники антиперсоналисты не видели этой проблемы и прибегали к обману, когда им было необходимо. Единственным местом, где проходили честные выборы, была столица.

Фальсификация выборов — это главная политическая особенность 1930-х годов, что оправдывает название, которое дал этому времени один националистически настроенный журналист, — «позорное десятилетие». Такая оценка не может применяться ко всем действиям правительства в 1930-е годы, однако полностью подходит к политической жизни страны, в которой позором была не только фальсификация результатов голосования, но и охвативший аргентинское общество глубокий скептицизм по отношению к демократии.

Картина тоталитарных режимов в Европе и местной демократии, основанной на фальсификации, обмане, лжи и лицемерии (так как всегда представители власти отрицали очевидные факты), способствовала упадку демократии, и никто не стал ее защищать в 1943 г., когда было свергнуто хорошее или плохое, но конституционное правительство Рамона Кастильо.

Ортис

С приближением конца президентского срока Хусто правящие круги решили обновить альянс консерваторов и антиперсоналистов (партия независимых социалистов уже исчезла с политической арены), выдвинув кандидатом на президентских выборах 1937 г. от альянса «Конкордансия» доктора Роберто Ортиса. Со своей стороны радикализм, уже отказавшийся от политики неучастия в выборах, выдвинул кандидатуру Марсело де Альвеара, чье славное правление в предыдущее десятилетие все еще сохранялось в коллективной памяти аргентинцев, и его выдвижение никого не удивило. Снова имели место фальсификации, и был избран Ортис, но он понял, что нельзя бесконечно управлять страной такими методами.

Ортис был честным демократом, начинавшим политическую деятельность в рядах ГРС. Позже он присоединился к антиперсоналистам и стал министром в правительстве Хусто. Ортис пони-

мал, что постоянный обман на выборах вредит стране, и попытался прекратить эту практику. Он сделал это решительно и смело, порвав со своими покровителями, которые привели его к власти. Однако его подвела удача и здоровье. Ортис болел диабетом, и хотя он героически пытался контролировать болезнь, это не удавалось ему до конца. В то время не было таких лекарств и знаний, как сегодня, и в июле 1940 г. одно из самых тяжелых последствий диабета, ретинопатия (повреждение сетчатки глаза), практически ослепила его.

После этого он ушел в отпуск и оставался президентом лишь формально. Власть перешла к вице-президенту, консерватору Кастильо, считавшему, как и Хусто, что было безумием позволить радикалам победить на выборах. Поэтому он продолжил политику нечестных выборов. Крупнейший скандал произошел в декабре 1941 г., когда в результате гигантских подтасовок, о которых написали все газеты того времени, губернатором провинции Буэнос-Айрес был избран Родольфо Морено. Однако это событие оказалось в тени нападения Японии на Пёрл-Харбор и вступления США в войну. Шутники сказали, что Родольфо Морено, бывший ранее послом Аргентины в Японии, договорился с японцами, чтобы в день губернаторских выборов они напали на Пёрл-Харбор. С этого момента Кастильо вел дела так, что в будущем мог превратиться в самого консервативного президента в истории страны.

Кризис

Экономический кризис, потрясший страну в 1930-е годы, достиг пика в 1932 г., когда к власти пришел Хусто. Кризис стал настоящим потрясением для мировой экономики и привел к ее реорганизации и широкому использованию таможенного протекционизма, что создало трудности для мировой торговли. Каждая страна стремилась защитить свою собственную экономику принятием законов, не существовавших ранее, в эпоху почти ничем не ограниченной свободы торговли между странами. Кризис привел к сильному падению цен на аргентинские экспортные товары: мясо, шерсть, пшеницу, масличные культуры и танин. В результате снижения доходов правительство не могло продолжать развивать инфраструктуру; снизилась эффективность государственного аппарата.

Консервативное правительство объявило, что для борьбы с кризисом необходимо защищать основные источники богатств. Оно считало, что перед лицом кризиса не стоит слишком беспокоиться о страданиях народа, а надо попытаться восстановить экономику страны на основе вышеупомянутых «источников богатств». Но так случилось, что эти источники были собственностью людей, заседавших в правительстве (крупных собственников скота, владельцев огромных эстансий, то есть тех, кто был связан с международной торговлей мясом). Защита «источников богатств» стала одной из главных составляющих политики выхода из кризиса.

Другой составляющей стало активное вмешательство государства в экономику с помощью созданного Центрального банка, задачей которого было регулирование финансов и валютного обмена. Центральный банк возник на основе ряда государственных и частных банков и должен был управлять всей банковской системой. Стал осуществляться контроль над кредитной политикой и обменом валют. Это означало вмешательство государства в финансовые дела, до этого фактически не контролировавшиеся. Но человек, возглавивший Центральный банк, Рауль Пребиш, действовал благоразумно, уважительно и в целом умеренно, что явилось одним из факторов, позволивших относительно быстро преодолеть кризис. Правительство, целью которого было спасение основных источников богатств, не стало провоцировать инфляцию и обесценивать национальную валюту. Было трудно заработать даже песо, но тот, кто получал его, был уверен, что этот песо будет иметь ту же ценность и пять, и десять лет спустя, и это также способствовало преодолению кризиса.

Наконец, кризис был преодолен благодаря регулирующим хунтам. Таким образом, вмешательство государства в экономику в 1930-е годы было всеобъемлющим, хотя у власти находились консерваторы, которые теоретически должны были разделять идеи старого либерализма. Тем не менее они энергично вмешивались в то, что касалось производства аргентинских экспортных товаров (особенно в этом преуспел министр финансов Федерико Пинедо), так как считали, что только регулирование позволит сохранить выгодные для производителей цены. Именно тогда в Мендосе выливали вино, были сокращены посевы — считалось, что это должно было помочь сельскохозяйственным производителям. Были созданы регулирующие хунты по производству мяса,

кукурузы, пшеницы, хлопка, вина и т.д. Нечто похожее происходило и в других странах. В Бразилии мешки с кофе выбрасывали в море, чтобы перепроизводство не вызвало падения цен на мировом рынке.

Это был тяжелый кризис, особенно для народных масс. Существовала безработица, профсоюзы железнодорожников были вынуждены согласиться с предложением английских фирм понизить зарплаты рабочим, государственные служащие долгое время не получали зарплату. Учителя из Сантьяго-дель-Эстеро и Корриентеса стали хрестоматийным примером: они не получали зарплату в течение двух-трех лет. Такое положение дел отразилось и в народных песнях: «Там, где раньше были манго, старик Гомес, теперь их больше нет...» Эта песня отражала ситуацию представителей среднего класса и даже людей с достатком выше среднего. В то время знатные семьи продавали свои особняки; некоторые из них были куплены иностранными посольствами и аргентинским государством для общественных учреждений, что, по крайней мере, позволило спасти красивые здания в Буэнос-Айресе.

Но в любом случае, несмотря на огромные страдания рабочего класса и безработицу, кризис (который, как принято говорить, сам ведет к выходу из него) привел в конечном счете к некоторым положительным моментам.

Падение цен на сельскохозяйственную продукцию вызвало большую безработицу в сельской местности, и многие отправились на заработки в крупные города. Этот фактор, а также трудности при закупке некоторых товаров за границей стали причиной появления сотен и тысяч маленьких предприятий, цехов, ткацких мастерских, химических и фармацевтических лабораторий, из которых благодаря дешевой рабочей силе, пришедшей из деревень, постепенно возникла еще очень несовершенная национальная промышленность. Цены на ее продукцию были высокими, однако она заложила основы для легкой промышленности, расцвет которой в Аргентине пришелся на 1940-е годы.

В то же время этот феномен сопровождался постепенным заселением окрестностей крупных городов: Буэнос-Айреса, Ла-Платы, Росарио, где люди, пришедшие из деревень, находили более стабильные заработки, лучшие жилищные условия, более высокое качество жизни, иные социальные отношения. Так возникал новый общественный класс, не имевший ничего общего, например, с рабочими, входившими в профсоюзы и разделявшими социали-

стические или коммунистические взгляды. Это были другие рабочие, и они не имели политических симпатий.

К 1935 г. кризис начал стихать. Именно тогда начались крупные забастовки — признак благополучных времен. Когда настают тяжелые времена, рабочие не решаются бастовать; напротив, когда дела идут на лад, отношения между хозяевами и рабочими начинают входить в нормальное русло. Забастовка строительных рабочих в Буэнос-Айресе в 1935 г. продолжалась около шести месяцев и закончилась, как обычно заканчиваются забастовки, принятием более или менее адекватного соглашения.

Договор

Кризис, преодоленный с таким трудом, имел очень важные последствия. Вновь утвердились представления, согласно которым Аргентине выгодно поддерживать и развивать традиционные связи с Великобританией. Это нашло отражение в Договоре Рока — Ренсимен, подписанном в 1933 г. Кризис негативно сказался на производстве замороженного мяса — самого изощренного продукта аргентинского скотоводства — и на крупных эстансiero. Делегацию, посланную Аргентиной в Великобританию, возглавил вице-президент Хулио Рока, подписавший после трудных переговоров соглашение, получившее название «Договор Рока — Ренсимен».

Договор очень труден для понимания, и были написаны целые тома как о его пользе, так и о вреде. Сильно упрощая содержание этого документа, скажу, что в договоре Великобритания гарантировала дальнейшие закупки замороженного мяса у Аргентины по ценам 1920-х годов. На самом деле британцы обязывались покупать по несколько более низким ценам, но при этом гарантировали непрерывность закупок.

Взамен Аргентина обещала «благосклонное отношение» к британским инвестициям, что на практике означало установление такого курса обмена валют, который позволял английским фирмам отправлять прибыль в головные офисы на выгодных условиях. Кроме того, делались попытки так реорганизовать аргентинский наземный транспорт, чтобы он не мог успешно конкурировать с железными дорогами и трамваями, принадлежавшими англичанам.

Однако наибольшее общественное внимание к Договору Рока — Ренсимен привлекла фраза аргентинского вице-президента, в которой он крайне неудачно выразил на самом деле очень разумную позицию аргентинского правительства по вопросу аргентино-британских отношений. Рока сказал, что ввиду важности британских интересов в Аргентине последняя может считаться доминионом Великобритании. Естественно, это стало сенсацией в Буэнос-Айресе и подверглось острой критике. Однако на самом деле Рока хотел сказать, что Великобритания перед лицом мирового кризиса, следуя примеру других стран, в 1932 г. заключила Оттавские соглашения, согласно которым она отдавала предпочтение своим доминионам: закупала канадское мясо, а не мясо других стран, австралийскую шерсть, индийские ткани и т.д.

Это означало, что Великобритания хотела сохранить свою империю и что эта империя продолжала существовать не только из-за верности доминионов и колоний английской короне, но и благодаря торговым связям. Британский рынок, обладавший высокой покупательской способностью, продолжал поглощать товары доминионов. Великобритания имела наибольшие инвестиции именно в Аргентине, которая по этой причине рассчитывала на такое же благосклонное отношение к себе, как и британские доминионы.

Так или иначе, кризис был преодолен, и можно сказать, что к 1935—1936 гг. Аргентина вновь обрела динамику развития 1920-х годов. К этому следует добавить приток иностранных инвестиций, бежавших из Европы из-за неопределенной политической ситуации и опасности развязывания войны. Милитаристская политика Гитлера, притязания Муссолини, загадочная позиция СССР, слабость Франции и Англии — все это говорило о приближении войны. Прибывшие в Аргентину капиталы — некоторые из них принадлежали евреям — способствовали экономическому развитию страны.

Общество

В 1930-е годы в аргентинском обществе шли интересные процессы: это было время литературного журнала «Сур», основанного Викторией Окампо в 1931 г. Он стал окном во внешний мир и позволил стране преодолеть культурное затворничество. В этот пери-

од Борхес начал публиковать «Всемирную историю бесчестия» и другие рассказы в газете «Критика» (затем они были изданы отдельными книгами). Это было время, когда Эдуардо Мальэа также опубликовал некоторые из своих великих романов, например «Бухту тишины». Поэт Леопольдо Лугонес покончил с собой в день инаугурации Роберто Ортиса. Также окончила жизнь самоубийством поэтесса Альфонсина Сторни. Еще раньше, в 1935 г., погиб Карлос Гардель¹, но тогда его не так боготворили, как в наши дни. Появились талантливые оркестры, игравшие танго. В целом культура развивалась, существовали свобода слова, плюрализм и терпимость по отношению к любым идеям, даже самым радикальным.

Исключением стал закон, принятый во время правления Хусто, запретивший Коммунистическую партию. Его инициатором стал консервативный сенатор от провинции Буэнос-Айрес Марсело Санчес Сорондо. Этот закон не имел большого значения. У Коммунистической партии был большой опыт борьбы в подполье, и, кроме того, она была очень немногочисленной. В действительности закон не привел к серьезному отходу от традиций уважения к свободе слова.

Естественно, что нечестные выборы влияли не только на политику, но и на другие стороны аргентинской жизни. Некоторые события 1930-х годов подрывали доверие к демократии. Речь идет о ряде афер, которые в наши дни кажутся нам смешными, но тогда они потрясли общество и дали аргументы противникам демократии, утверждавшим, что она не способна предотвратить подобные вещи.

Афера Испано-аргентинской энергетической компании стала первым случаем, когда транснациональная корпорация подкупила некоторых законодателей для достижения своих коммерческих целей. Эта компания снабжала электричеством город Буэнос-Айрес, ее контракт истекал через десять лет, и руководство компании подкупило огромное число людей, не только членов городского совета, но и журналистов, крупных политиков и чиновников с целью добиться продления контракта фактически до конца XX в.

Альвеар был замешан в этом; он не брал взятки, но посоветовал членам городского совета от партии радикалов проголосовать

¹ *Гардель Карлос* (1890 – 1935) — певец и киноактер, знаменитый исполнитель песен-танго.

в пользу энергетической компании. Это вылилось в крупный скандал, однако доказательств подкупа не было найдено. Позже, после революции 1943 г., дело подробно расследовали. Итоги расследования были опубликованы, однако Перон приказал уничтожить эти отчеты. Сохранилось лишь несколько публикаций, которые свидетельствуют о тонкой оперативной работе, направленной из Брюсселя (там находилась штаб-квартира энергетической компании), и об участии в этом расследовании многих влиятельных аргентинских деятелей.

Другая афера, совершенная в 1940 г. (в этом году Ортис ушел в отпуск из-за болезни), была связана с землями городка Паломар. Сегодня она также вызывает у нас лишь улыбку. Земли хотело купить министерство вооруженных сил для строительства военного училища. Несколько ловкачей, среди них были и депутаты, купили эти земли у старушек, затем продали их государству, а прибыль положили себе в карман. Любопытно, что в акте о покупке было записано, что старушки продали земли дельцам, которые, в свою очередь, продали их государству. Причем все было записано в одном и том же нотариальном акте. Большей наглости нельзя было придумать! Провели расследование. Факты были настолько очевидны, что виновные нашлись. Пока шло дело, депутат от радикалов, получивший в результате аферы 10 тысяч песо (на самом деле их получил не он лично, а некая загадочная женщина), застрелился. Тогда еще людям было стыдно за бесчестные поступки...

Хорошее десятилетие?

В целом 1930-е годы были хорошим десятилетием, если бы не фальсификации выборов, запятнавшие все остальное. Это было хорошее десятилетие, особенно после преодоления кризиса, во время которого люди были настроены пессимистично, так как никогда раньше (за исключением 1890 г.) Аргентина не переживала ничего подобного. Но 1890 год был давно забыт, и, когда грянул кризис, в аргентинском обществе поначалу царил оптимизм, убежденность в том, что «Бог — это аргентинец» и что несколько хороших урожаев решат все проблемы, так как Аргентине суждено процветание.

Однако случилось иначе, и кризис сильно ударил по этим убеждениям. Когда выяснилось, что он постепенно сходит на нет,

в стране вновь появились радужные настроения, и люди продолжили жить, как раньше, — очень консервативно, противясь переменам и сохраняя классовые предрассудки. Но остались и лучшие черты прошлого: социальная мобильность, позволявшая иммигрантам и любому удачливому и талантливому человеку подняться наверх. В жизненном укладе того времени было место и труду и досугу, потому что у каждого человека была лишь одна работа (никому не приходило в голову работать на двух работах). Поэтому можно было пообедать дома, немного поспать, после чего вернуться на работу. Так что это десятилетие вызывает ностальгию. Жаль, что одно темное пятно омрачило этот период и сделало уязвимой демократию, которая, несмотря на недостатки, была многообещающей.

В те годы существовало мало влиятельных партий: ГРС, сохранявший наибольшее число сторонников, возглавлялся Марсело де Альвеаром, который был действительно выдающейся и всеми уважаемой личностью; консерваторы, объединившиеся лишь в 1931 г., имели в своих рядах влиятельных лиц и хороших руководителей; Социалистическая партия обладала значительным влиянием лишь в столице, но среди ее членов были такие крупные деятели, как Альфредо Паласиос, Энрике Дикман, Николас Репетто, Марио Браво; и наконец, действовала немногочисленная Прогрессивная демократическая партия, сумевшая победить на губернаторских выборах в Санта-Фе (после ее победы, эту провинцию в 1932 — 1933 гг. возглавлял Лусиано Молинас, однако президент Хусто вмешался в дела Санта-Фе и сместил Молинаса, что стало одним из самых одиозных событий эпохи).

Наличие нескольких политических партий позволяло надеяться на улучшение ситуации с гражданскими правами и, возможно, на большее участие в управлении неконсервативных сил (то есть тех, у кого не было обязательств перед господствующими классами), которые могли бы удовлетворить требования масс. Однако этого не случилось: нечестные выборы и слепота высших классов помешали этому. Последствия стали очевидны в 1943 г., когда в Аргентине закончилось «Десятилетие 1930-х годов».

XI. Революция 1943 года

Это было неожиданным событием, обрушившимся на страну как гром среди бела дня. Однажды утром жители Буэнос-Айреса проснулись и узнали, что войска из Кампо-де-Майо¹ подошли к резиденции правительства, президент Кастильо бежал в город Колоניה и консервативное правительство свергнуто. Тем не менее революция была неизбежна. Здесь можно усмотреть противоречие, но это не так. Революция 1943 г., хотя и была вызвана вполне банальным и даже абсурдным событием, на самом деле имела глубокие корни, вызревавшие в Аргентине в течение многих лет. Но то, что очевидно сегодня, но в те годы увидеть было трудно.

Тоталитарные режимы

Чтобы понять логику события того времени, нужно учитывать повсеместный расцвет тоталитарных режимов, с 1933 г. укреплявших свои политические и военные позиции, и фактически управлявших Европой. Если посмотреть на события того времени с позиций современных знаний, то к середине 1943 г. перелом в войне стал фактом, и конечный триумф союзников — неизбежным исходом, но современникам это было не так очевидно. В конце 1942 г. тоталитарные режимы потерпели первое серьезное поражение. В битве за Сталинград немцы потеряли более 600 тысяч солдат, заменить которых было трудно. Они не смогли пробиться

¹ Казармы столичного гарнизона.

к Суэцкому каналу. Хотя в Тихом океане Япония поначалу сумела добиться ряда побед над США, ее поражение было неотвратимым, так как она не обладала сырьем и была вынуждена вести боевые действия на слишком широком фронте.

Однако в любом случае мнимые успехи тоталитарных режимов воодушевляли тех, кто считал, что поражение Англии и США выгодно Аргентине, исторически зависимой от Англии. По их мнению, победа тоталитарных режимов позволила бы Аргентине занять ключевые позиции в Южной Америке. Уже говорилось, что фальсификации выборов (ставшие еще более явными после смерти Ортиса и прихода к власти консерватора Кастильо) привели к деградации демократии в стране.

Защита демократии казалась бессмысленной тем, кто видел, что выборы были обманом. Громкие лицемерные фразы правителей, стремившихся оправдать неприглядные факты (они всегда утверждали, что нарушения на выборах были незначительными), не играли на руку искренним сторонникам демократии в стране. Также не слишком стремились защищать демократию те силы, группы и партии, которые были составной частью демократической системы. Они оказались загнаны в угол победами тоталитаризма, а также деятельностью таких мнимых защитников демократии, каким был, например, Хусто. Обстоятельства сделали Хусто лидером партий, поддерживавших в войне США и Англию, хотя именно он первым начал практику нечестных выборов и выиграл в 1931 г. из-за того, что кандидатам от ГРС запретили участвовать в выборах.

Незаметные изменения

Кроме того, в стране незаметно произошли важные социальные изменения. Как отмечалось выше, кризис 1930 г. привел к тому, что многие сельскохозяйственные рабочие обосновались в окрестностях крупных городов, искали лучших заработков на фабриках и в мастерских, стремились повысить уровень жизни. Эта рабочая сила стала основой для примитивной индустриализации, условия для которой создал кризис, затруднивший импорт некоторых товаров.

С 1939 г. это явление получило дальнейшее развитие, поскольку многие товары стало невозможно привозить из Европы, и тог-

да плохо или хорошо, но их начали производить в Аргентине. Новые рабочие получили квалификацию, высокие зарплаты и полную занятость, что редко случалось в Аргентине. Придя в города, новые рабочие, прежде знавшими лишь сельскохозяйственный труд, привнесли определенные изменения в общественное сознание, которое стало иным, по сравнению с серединой 1930-х годов.

Кроме того, в стране существовала националистическая идеология, и, хотя ее не разделяла ни одна политическая партия, она была очень популярна в военных кругах и высших классах Аргентины. Этот довольно расплывчатый национализм, в определенной степени отражал необходимость защиты национального производства, стремление уменьшить зависимость от Великобритании и желание чувствовать себя хозяевами в собственной стране. Национализм пользовался популярностью среди интеллигенции; доводы в его пользу подкреплялись интенсивной пропагандой франкистской Испании — матери всех латиноамериканских стран, исторически связанной с Аргентиной. Сторонникам национализма была свойственна идея о некоем испанском начале, противопоставившем США и Англии.

Националистическая идеология имела большое влияние, главным образом в вооруженных силах, обласканных президентом Кастильо. Армия и флот добились создания собственных промышленных предприятий и занимались уже не только военной деятельностью. Главную роль на этих предприятиях играли Москони и Савио. Аргентинские военные внимательно следили за происходящим в Европе, с презрением смотрели на обман и лицемерие, царившие в аргентинской политике, и вынашивали идею об очищении общества и искоренении политиканства. Они предлагали ценности иерархии, которые должны были помочь Аргентине занять достойное место в мире. По их мнению, демократическая система с ее обманом, насилием и политической коррупцией не могла помочь в достижении этой цели.

Таким образом, у событий середины 1943 г. было много причин. Однако начало революции положило тривиальное событие. В 1942 г. умер лидер Гражданского радикального союза Марсело Т. де Альвеар, и радикалы не могли найти ему достойной замены. А в январе 1943 г. умер Хусто и политические силы, поддерживавшие его, оказались в растерянности. Радикалы хотели создать единый фронт с социалистами и прогрессивными демократами,

чтобы показать правительству Рамона Кастильо невозможность обманывать все политические силы разом.

Кастильо всегда оправдывал фальсификации выборов необходимостью недопущения к власти ГРС, ужасно, с его точки зрения, управлявшего страной ранее. Такое оправдание перестало бы иметь смысл в случае создания союза радикалов, прогрессивных демократов (они были очень уважаемы даже после смерти Лисандро де ла Торре) и социалистов. Кроме того, такой альянс мог рассчитывать на поддержку Коммунистической партии, продолжавшей активные действия, несмотря на свое нелегальное положение. Названные партии проводили собрания для выработки общей программы на выборах, которые должны были состояться в сентябре 1943 г.

В феврале 1943 г. президент Кастильо — очень упрямый человек, навязал кандидатуру Робустиано Патрона Косты для участия в президентских выборах, и, хотя это вызвало недовольство внутри партии консерваторов, особенно в провинции Буэнос-Айрес, кандидатура Патрона Косты была одобрена. Он был промышленником из Сальты и выступал против продолжения политики нейтралитета в войне и за союз с антифашистской коалицией, что было странно слышать от человека, выдвинутого Кастильо.

Итак, предвыборная ситуация была более или менее ясна: с одной стороны — демократический фронт, еще не имевший кандидата, но состоявший из традиционно влиятельных партий; с другой стороны — вновь объединившиеся консерваторы и антиперсоналисты, выдвинувшие кандидатуру Патрона Косты.

Такова была ситуация, когда у части радикалов возникла блестящая идея предложить министру вооруженных сил генералу Педро Пабло Рамиресу стать кандидатом от Демократического фронта. Они полагали, что кандидатура военного министра сделает невозможной фальсификацию выборов, и таким образом радикалы победят и сформируют правительство. Радикалы провели переговоры с генералом Рамиресом, которому понравилось это предложение. Об этом узнал президент и попросил публичных объяснений. Генерал Рамирес выпустил довольно двусмысленное коммюнике, и Кастильо настаивал на его опровержении. Тогда военные из Кампо-де-Майо подняли восстание и 4 июня 1943 г. свергли президента.

Группа объединенных офицеров

Внутри армии действовала организация, созданная в марте 1943 г. Она называлась Группой объединенных офицеров. В нее входили националистически настроенные военные, среди которых особым престижем пользовался молодой полковник Хуан Перон, недавно вернувшийся со стажировки из Европы. Именно Группа объединенных офицеров осуществила военный переворот, не имевший четкой программы и лидера. Военное руководство переворотом осуществил генерал Роусон. Он должен был занять пост президента, однако его собственные соратники не допустили этого, потому что не были согласны с кандидатурами министров, предложенных Роусоном.

Так что начало революции 1943 г. было гротескным: ее вызвало незначительное событие, она не имела конкретной программы, а ее военный лидер так и не возглавил страну. В конце концов на первую роль вышел бывший министр вооруженных сил Рамирес, что заставляет думать о его измене президенту. Эту версию подтверждают его противоречивые действия в начале революции. Кроме того, очевидно, что армия, или, вернее, гарнизон Кампо-де-Майо, начал революцию без определенного плана. В то время военные и общество в целом четко понимали, чего они не хотели для страны, но при этом не знали, что надо делать.

Так возникло правительство де-факто, с самого начала вызвавшее подозрение у стран антифашистской коалиции, особенно США. Именно из-за отсутствия программы военные, осуществившие революцию, позволили некоторым организациям националистического толка занять важные позиции в политике, поскольку у этих организаций план действий был и они могли проводить определенную политику в правительстве. Однако их деятельность вызвала отторжение со стороны демократических сил, интеллигенции, университетских кругов. Одними из первых мер нового правительства де-факто стали попытки назвять преподавание католической религии в школах, декрет о роспуске политических партий, репрессии в отношении представителей интеллигенции, требовавших исполнения страной международных обязательств.

Очень скоро новое правительство вызвало неприязнь у тех, кто поначалу с воодушевлением воспринял свержение непопу-

лярного Кастильо, который к тому же из-за постоянных фальсификаций выборов не мог считаться легитимным президентом. Кроме того, несмотря на свой очевидный патриотизм, он все больше склонялся к прагматичному национализму, очень похожему на национализм правительства, возникшего в результате революции 1943 г.

В конце 1943 г. исход Второй мировой войны стал ясен. Тем не менее военные из гарнизона Кампо-де-Майо превратили сохранение нейтралитета Аргентины в принципиальный вопрос и полагали, что такая позиция защищает суверенитет страны. В январе 1944 г. произошел трагикомический случай. Один аргентинский консул был задержан антифашистами во время поездки в Европу, и выяснилось, что он должен был закупить оружие в Германии для аргентинской армии. Тогда Госдепартамент США выдвинул аргентинскому правительству де-факто что-то вроде ультиматума, и Рамирес был вынужден разорвать отношения с Германией и Японией.

Это вызвало сильную реакцию внутри страны: армия сместила президента де-факто Рамиреса, и на его место пришел министр вооруженных сил генерал Фаррелль, который был не слишком одаренным человеком, но более сговорчивым политиком. С этого момента правительство де-факто, как могло, пыталось выкрутиться из трудной международной ситуации. Панамериканская политика США вызвала изоляцию Аргентины. Все страны американского континента отзывали послов из Буэнос-Айреса в знак протеста против нейтралитета Аргентины в войне (к этому моменту все страны Латинской Америки уже воевали на стороне антифашистского блока).

Однако это не оказало прямого влияния на экономику страны и уровень жизни аргентинцев. Экономическая ситуация характеризовалась процветанием и общим подъемом. Это было связано, во-первых, с импортзамещением, а во-вторых, с тем, что экспортные товары Аргентины пользовались большим спросом на европейских рынках. У политики изоляции Аргентины, проводимой США, был влиятельный противник — не кто иной, как премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. Он несколько раз просил Рузвельта не перегибать палку, так как Великобритания нуждалась в аргентинском мясе. Кроме того, Великобритания не могла поддерживать такую принципиальную позицию США, потому что сама терпела нейтралитет Ирландии в войне.

Как бы то ни было, но изоляция сохранялась, что это не влияло на экономику страны. Напротив, это был один из самых благополучных периодов для аргентинской экономики с точки зрения уровня жизни населения, полной занятости и экспорта товаров, безумные цены на которые превратили Аргентину в кредитора Великобритании. Конечно, существовал дефицит на некоторые товары (например, на женские чулки, косметику, автомобильные шины, топливо), что говорило об уязвимости аргентинской экономики, но эти товары были заменяемы (например, поезда использовали вместо угля кукурузные початки), и страна не оказалась парализованной. Напротив, возникло множество мелких предприятий, рабочие которых затем составили электорат Перона. Именно Перон в этой запутанной и противоречивой политической ситуации начал легитимизировать временное правительство (в него входили как националисты первой волны, так и элементы, сходные с движением радикалов), сделав упор на политику социальной справедливости.

В марте 1945 г., когда военные действия в Европе уже подходили к концу, аргентинское правительство было вынуждено объявить войну Германии и Японии, поскольку это являлось обязательным условием для будущего вступления в ООН. Март 1945 г., вероятно, был временем наименьшей популярности военного правительства. Войну объявили двум уже побежденным странам. А в самой Аргентине установили контроль над университетами, до того являвшимися оплотом оппозиции. Но вскоре в Буэнос-Айрес прибыл человек, начавший координировать все антиправительственные действия, — посол Соединенных Штатов г-н Спруил Браден.

Ранее Браден работал дипломатом в нескольких латиноамериканских странах, в том числе и в Аргентине, где он поддерживал связи с высшими классами Буэнос-Айреса. Он был одержим одной идеей, вскоре поддержанной Госдепартаментом. С его точки зрения, США начали великую борьбу против тоталитарных режимов во всем мире и выиграли ее, по крайней мере в Европе (в Азии эта борьба должна была завершиться в августе). По его мнению, оставлять такие нацистско-фашистские очаги, как Испания и Аргентина, было абсурдно; их правительства нужно было свергнуть руками оппозиции.

Таким образом, Браден прибыл в Аргентину для создания оппозиционного фронта, который заставил бы военное правитель-

ство провести свободные выборы и передать власть традиционным демократическим силам. В 1945 г. Браден фактически провел предвыборную кампанию: он проехал по разным регионам страны, произнес много речей, напечатанных затем в главных газетах, и объединил всех, кто выступил против военного правительства. В августе правительство отменило осадное положение, а в сентябре Браден организовал «Поход за конституцию и свободу». В нем приняло участие множество людей, прошедших по улицам Буэнос-Айреса с требованиями отставки правительства де-факто, переживавшего не лучшие времена.

Перон

В военном правительстве особенно выделялся Перон на посту министра труда. Он занял этот пост в ноябре 1943 г., то есть через несколько месяцев после начала революции, и начал тесно взаимодействовать с традиционными профсоюзами. В то время Всеобщая конфедерация труда была расколота на две группировки. Перон поддержал одну из них и оттеснил другую; преследовал социалистических и коммунистических лидеров и благоволил, остальным; создал новые синдикаты и ввел в действие новые уставы для различных профсоюзов; распорядился повысить зарплаты; выступил с важными законодательными инициативами, проведенными в жизнь позднее (например, закон о «справедливом труде», закон об оплачиваемом отпуске, закон о «тринадцатой зарплате» и другие меры). Но главным, что сделал Перон на посту министра труда, было создание профсоюзов в тех отраслях, где они прежде отсутствовали.

Многие из тех, кто приехал в город из деревни, не понимали, что такое профсоюз. Это отличало их от рабочих коммунистической, социалистической и анархистской ориентации. Например, рабочие сахарной промышленности в Тукумане или те, кто работал в городах, где не было профсоюзных традиций, или там, где социалисты и коммунисты не смогли объединить всех рабочих в профсоюз, — эти рабочие не знали, что такое профсоюз и зачем он нужен. Встав во главе министерства труда, Перон написал для них уставы, организовал ассамблеи, предоставил им помещения, облегчил их признание, добившись таким образом создания движения, которое отплатило ему верностью. Перон сделал несколь-

ко очень умных шагов: например, он вмешался в дела профсоюзов железнодорожников, отправив туда Доминго Мерканте (он был сыном железнодорожного рабочего), сумевшего переманить эти в основном социалистические профсоюзы на сторону Перона.

В 1945 г. под напором оппозиции правительство стало искать контактов с радикалами, чтобы выработать план, который позволил бы военным, участвовавшим в революции 1943 г., не попасть под суд. Точкой соприкосновения была именно социальная политика Перона — единственное, что могло оправдать деятельность правительства за эти два года. Однако переговоры ни к чему не привели. Радикалов в то время возглавляли альвеаристы, а принципиальные наследники Иригойена не хотели договариваться с Пероном.

Несмотря на это, в правительстве де-факто было три или четыре министра от ГРС. Они заняли посты в августе 1945 г. В том же месяце было отменено осадное положение, возобновили деятельность политические партии и прошел «Поход за конституцию и свободу» — очень важное событие, за которым последовала попытка военного переворота в Кордобе, закончившаяся неудачно.

17 октября

В конце концов правительство вновь ввело осадное положение, произошли массовые аресты лидеров оппозиции, и 8 октября 1945 г. в очень напряженной обстановке случилось решающее событие. Гарнизон Кампо-де-Майо потребовал от президента Фаррелля отставки Перона. Хотя этот гарнизон осуществил революцию 1943 г. и был военной опорой Перона, теперь он оказался под давлением общественного мнения, оппозиции, посольства США и университетской интеллигенции. Страна устала поддерживать Перона, и он подал в отставку без борьбы. Несколько дней царил хаос, однако оппозиция не смогла заполнить вакуум власти. С другой стороны, сторонники Перона вели подпольную работу с целью организовать выступление Всеобщей конфедерации труда и некоторых профсоюзов.

Генерал Авалос (он возглавлял гарнизон Кампо-де-Майо и был инициатором движения против Перона) предложил Сабатини, гу-

бернатору Кордобы и лидеру левых в ГРС, направить своих людей в правительство и создать условия для проведения выборов, на которых победу одержал бы сам Сабатини. В движении радикалов нашлись люди, выступившие против подобных переговоров и требовавшие передачи власти в руки Верховного суда. Но это было неприемлемо для армии, так как означало признание ее полного поражения. Тем не менее только такое развитие событий могло объединить столь разные силы, как консерваторы, коммунисты, радикалы, социалисты и т.д.

Семнадцатого октября действительно оказалось очень важной датой. В этот день тысячи рабочих собрались на Майской площади и потребовали выпустить Перона на свободу. В тот момент он находился в заключении на острове Мартин-Гарсия, а затем был переведен в военный госпиталь. Требования митингующих, поддержанные армией (по крайней мере, она осталась пассивной, и этого было достаточно), привели к новой политической конфигурации, просуществовавшей десять лет: профсоюзное движение поддерживало правительство, которое, в свою очередь, опиралось на армию. Кроме того, в аргентинской политике начали играть значительную роль массы, не связанные с традиционными политическими партиями. Они были верны Перону, так как он предоставил им социальные гарантии. Семнадцатое октября стало концом старой политики, и это должно было отразиться на выборах.

Перон покинул ряды армии и начал создавать широкий политический фронт, основой которого стала недавно созданная Лабористская партия (в нее вошли левоцентристские профсоюзные лидеры). Ее программа была очень похожа на программу английской Лейбористской партии, победившей незадолго до этого на первых послевоенных выборах и оттеснившей консерваторов во главе с Черчиллем. Кроме того, Перон приблизил к себе радикалов-иригойенистов, знавших толк в политике. С их помощью была создана «Хунта обновления ГРС». Также возникли гражданские центры «Полковник Перон», объединившие тех, кто ранее выступал на стороне консерваторов, а теперь симпатизировал новому лидеру.

Таким образом, Перон создал широкое движение на основе этих трех групп (лабористы, обновленные радикалы и независимые гражданские центры); он также располагал не очень заметной, но важной поддержкой националистических кругов, мечтав-

ших о вожде, способном установить прямое общение с массами. Перону симпатизировала и церковь, видевшая в нем ревностного католика, почитавшего Луханскую Деву¹, которой он подарил свою шпагу.

Антиперонистское движение возглавлялось радикалами, чьи кандидаты, Тамборини и Моска, являлись почтенными представителями традиционной политики. Они были поддержаны Социалистической партией, Прогрессивной демократической партией, а также, хотя и неявно, их поддержали консерваторы. Такой фронт не сложился в 1943 г., однако теперь он был намерен помешать президентским амбициям Перона.

Избирательная кампания и выборы

Избирательная кампания была напряженной. В декабре 1945 г. правительство приняло закон о «тринадцатой зарплате», вызвавший недовольство предпринимателей и отторжение Демократического союза. Это, наряду с Голубой книгой, изданной в Вашингтоне в феврале 1945 г., способствовало трудной победе Перона на выборах 24 февраля 1946 г. Победа Перона связывалась с надеждой на создание новой Аргентины; такие настроения были очень распространены в то время.

Страна, не пострадавшая во время Второй мировой войны, не выступившая на стороне США, сохранившая достоинство и суверенитет, страна, чьи товары были необходимы голодающей Европе, страна, давшая приют иммигрантам, бежавшим от военных ужасов и нищеты, желала того, что старые партии уже не могли ей дать. Демократический союз воплощал (об этом говорил даже внешний вид его лидеров) старую, традиционную Аргентину со всем плохим и хорошим, что в ней было.

Политика Перона была шагом в неизведанное, но неясным оставалось, ведет ли он страну вперед или толкает ее в пропасть. Перон не обладал политической программой, если не считать его социальных инициатив, и был человеком, вызывавшим подозрения из-за симпатий к тоталитарным режимам. Но его речи были

¹ Центром почитания Девы Марии в Аргентине (также как в Уругвае и Парагвае) является город Лухан (провинция Буэнос-Айрес), где находится величественный неоготический собор Богоматери.

свежи и оригинальны, он выступал на публике без пиджака, в одной рубашке, блистал в обществе с женой, которая была актрисой, работавшей на радио и ее знала вся страна. Перон принес идеи, витавшие в то время в воздухе: идею о том, что государство должно активно вмешиваться в экономику и помогать бедным, идеи социальной справедливости, суверенитета. Он цитировал, среди прочих, папу Льва XIII, Ленина, Иригойена и был переменчив, как любой молодой человек (на тот момент ему едва исполнилось пятьдесят лет).

С другой стороны, старая Аргентина была запятнана нечестными выборами, и, хотя в ней были люди, которые боролись с этим явлением, ровно как и с фашизмом, их тоже коснулась коррупция, свойственная тому времени.

Перон ассоциировался со счастливым временем, переживаемым народом, — полной занятостью, высокими зарплатами, отсутствием инфляции и рядом социальных и культурных благ, доступ к которым народ получил в это время.

Люди поддерживали новое. Победа Перона была трудной: он набрал 52%, а Демократический союз 47 или 48%, но система, созданная законом Саенса Пеньи, позволила его движению победить в тринадцати из четырнадцати провинций (единственное оппозиционное правительство было избрано в провинции Корриентес), завоевать две трети мест в Палате депутатов и почти весь Сенат.

Можно сказать, что, когда 4 июня 1946 г. Перон вступил на пост президента, почти абсурдная революция 1943 г. оказалась оправданной. Действительно, это было единственное правительство де-факто в Аргентине, сумевшее победить на выборах; все остальные терпели поражение.

XII. Апогей режима Перона

Хотя в Аргентине и за границей было опубликовано огромное количество книг, статей и монографий, объясняющих, с большим или меньшим успехом, феномен перонизма, с моей точки зрения, ни одна из существующих работ не дает верного определения этого столь интересного и очень аргентинского явления. Некоторые говорят о нем как о популистском режиме, свойственном странам Третьего мира, другие считают, что это был скрытый фашизм, а третьи полагают, что перонизм являлся типичным латиноамериканским режимом, в котором армия осуществляла гегемонию посредством единой партии. Но эти определения нужны политологам, а для нас они не имеют значения, поскольку мы займемся конкретными фактами, которые помогут понять такой оригинальный политический эксперимент в истории Аргентины, каким был перонизм. Так что в этой главе нет места теории.

Стоит напомнить, что Хуан Доминго Перон вступил на пост президента Аргентины 4 июня 1946 г. Он должен был исполнять президентские полномочия до 4 июня 1952 г., но именно в этот день Перон во второй раз возглавил страну, поскольку в 1949 г. была проведена реформа конституции, разрешившая переизбрание президента. Однако Перон был свергнут в сентябре 1955 г. и не сумел завершить второй шестилетний срок.

Эти два президентства Перона были похожи, но между ними существовали и некоторые различия. В этой главе речь пойдет в основном о первом правлении Перона, и, так как очень трудно дать обобщающую оценку этому периоду, необходимо рассмотреть проблему с разных точек зрения. Давайте начнем с экономи-

ки (возможно, это самый интересный аспект перонизма), потом перейдем к политике, затем проанализируем оппозицию Перону и международную обстановку в период с 1946 по 1952 г. Также стоит отметить, что деятельность Эвы Перон придала особые черты этому времени.

Экономика

Экономическая система перонизма была националистической, этатистской и склонной к автаркии. Национализм проявился в попытках национализации ряда предприятий, до этого находившихся в руках иностранцев. «Репатриация» внешнего долга также была проявлением национализма. В то время Аргентина имела маленький внешний долг. Перон, придя к власти, решил возвернуть долг на родину. Государство купило долговые облигации, находившиеся за границей, по которым выплачивались небольшие проценты. Таким образом, внешний долг стал внутренним. Многие критиковали эту меру, так как считали, что проценты, выплачиваемые иностранным кредиторам, были очень невелики, а сумма, потраченная на покупку облигаций, напротив, являлась весьма существенной.

Стоит напомнить, что во время Второй мировой войны Аргентина накопила значительные денежные резервы в Великобритании, впервые в своей истории, став не должником, а кредитором. Так что страна находилась в привилегированном положении. К тому же Аргентина продолжала экспортировать сырье (главным образом, зерновые и масличные) в страны, начинавшие после войны восстанавливать экономику и производственную структуру. Таким образом, Перон и его экономическая политика были в некотором роде наиболее ярким проявлением успехов Аргентины, описанных в предыдущей главе. Страна ощущала себя триумфатором: война ее не затронула, аргентинская продукция оставалась востребованной на европейских рынках. Аргентина ощущала себя одной из главных мировых держав, которой льстили в те годы даже США, несмотря на все их разногласия с аргентинскими правительствами, приходившими к власти после революции 1943 г.

Политику Перона периода первого президентского срока можно назвать этатистской, поскольку государство играло очень важную роль в экономической жизни страны. До этого оно занимало

в целом второстепенные позиции в этой сфере (даже в 1930-е годы, когда консервативные правительства вмешивались в экономику). Ранее государство не управляло сферой услуг и инфраструктурой, за исключением железных дорог, небольшая часть которых принадлежала Аргентине.

Начиная с 1946 г. государство стало ответственным за весь железнодорожный транспорт (в 1948 г. большая часть железных дорог была куплена у англичан, а еще раньше французы продали аргентинскому государству свою небольшую часть железнодорожной сети), за поставки газа на всей территории страны (газовая компания также была куплена у англичан) и за снабжение электроэнергией (государство купило электростанции, находившиеся во внутренних провинциях). В Буэнос-Айресе, напротив, снабжение электроэнергией осталось в руках Испано-аргентинской компании — транснационального холдинга, замешанного в скандале, который произошел в 1930-е годы. Перон по неясным причинам не тронул эту компанию. Хотя, возможно, причины можно найти, так как доказано, что Испано-американская кампания помогла Перону деньгами во время избирательной кампании. Взамен он позволил этой фирме продолжать снабжать электроэнергией столицу, несмотря на то что она не занималась обновлением оборудования (позднее это вызвало серьезные проблемы).

Также государство отвечало за речной транспорт (была куплена компания «Додеро»), воздушный транспорт, причем как за внутренние, так и за международные перевозки (было создано четыре компании, затем объединившиеся в «Аргентинские авиалинии»), за внешнюю торговлю (то есть за все, что касалось экспорта масличных, зерновых, мяса и другой продукции сельского хозяйства). Государство осуществляло закупки у фермеров по установленным ценам, продавало товар за границей по более высоким ценам и получало прибыль. Оно заменило в этом деле такие фирмы, как «Бунхе», «Борн» и «Дрейфус», занимавшиеся этим бизнесом многие годы. С помощью Аргентинского института развития торговли, осуществлявшего подобные операции, государство закупало за границей материалы, иногда промышленные товары, в которых, как считалось, нуждалась страна. Однако импортные операции не всегда были успешными, часто закупались бесполезные материалы, оседавшие потом на таможенных складах.

Присутствие государства в указанных сферах дополнялось его постоянным вмешательством в кредитную, экономическую и денежную политику, проводившуюся через национализированный Центральный банк. В правление Центрального банка, созданного, как уже было сказано, в 1930-е годы, когда у власти находились консерваторы, входили представители как частных, так и государственных банков. Одна из мер, которой Перон требовал от правительства еще до вступления на пост президента, была национализация Центрального банка. Она произошла следующим образом: частным банкам были возвращены их деньги и в правлении остались лишь представители государственных банков.

В сфере монетарной политики была проведена одна очень изобретательная операция: государство гарантировало банковские вклады и одновременно конфисковало все деньги, находившиеся в обращении в стране. Естественно, все это было на бумаге, но в обмен на эту гарантию Центральный банк приобрел право давать указания всем остальным банкам, как государственным, так и частным, по кредитной политике. То есть с этого момента кредитная и денежная политика страны перешла в руки Центрального банка, в свою очередь зависевшего от правительства.

Другой сферой экономической деятельности государства, правда не имевшей ничего общего с инфраструктурой, стало управление немецкими фирмами, конфискованными после вступления Аргентины в войну в марте 1945 г. Государство стало хозяином целого ряда компаний, производивших широкий спектр товаров, от таблеток до косметики.

Таким образом, государство приобрело огромное влияние на экономическую жизнь страны. Число госслужащих значительно увеличилось, некоторые экономические трудности привели к ужесточению контроля. Начались кампании за снижение и регулирование цен, за субсидирование некоторых видов деятельности (например, помощь получили булочные и мясохолодкомбинаты) и за наказание «бесчестных» предпринимателей, завышавших цены. Таким образом, очевидно, что государство активно вмешивалось в экономику, и поэтому не будет преувеличением сказать, что экономическая политика Перона была этатистской.

Что касается склонности к автаркии, характерной для перонистской экономики, то эта политика основывалась на убеждении, что Аргентина самодостаточна и обладает таким разнообраз-

ным производством, что вполне может обеспечивать себя всем необходимым. Это привело к установлению высоких таможенных пошлин во имя поддержки национальной промышленности. Такие меры, а также политика Аргентинского института развития торговли, закупавшего аграрную продукцию для продажи за рубежом, означали огромную перекачку средств из деревни в промышленный сектор.

У всего это есть одно объяснение: благоприятная конъюнктура, сложившаяся для Аргентины после Второй мировой войны. Однако рано или поздно эта ситуация должна была измениться. Когда мировая экономика начала восстанавливаться, а это произошло очень быстро, когда стали осуществляться Бреттон-Вудские соглашения¹, предусматривавшие либерализацию мировой торговли и выступавшие против ограничительных мер некоторых государств, Аргентина (она уже не являлась кредитором, поскольку потратила валютные резервы на покупку железнодорожной сети, «репатриацию» внешнего долга, оплату основного капитала иностранных фирм, действовавших в стране и купленных государством) столкнулась с трудностями в проведении перонистской линии. Такая политика — этатисткая, националистическая, склонная к автаркии и активному вмешательству в экономику — действительно не могла продолжаться долго. Хотя, если бы возникли два необходимых условия, на которые в свое время сделал ставку Перон, такая политика могла бы иметь успех. Одно из этих условий было очень конкретным, а другое более неопределенным. Однако ставка на них оказалась ошибочной.

Смена курса

Первым условием было начало Третьей мировой войны. Перон был убежден, что в любой момент США и СССР начнут войну без применения атомного оружия и это принесет выгоду Аргентине, так же как Первая и Вторая мировые войны, во время которых цены на аргентинские товары выросли, на них был большой спрос и страна добилась экономической автономии. Хотя Третья мировая война

¹ Соглашения о создании Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, принятые на валютно-финансовой конференции Объединенных наций, проходившей в г. Бреттон-Вудс (США) 1–24 июля 1944 г.

так и не началась, у Перона были основания полагать, что это произойдет. В 1950 г. вспыхнул военный конфликт в Корее, в котором принимали активное участие СССР и США. Данное противостояние могло распространиться на другие территории и выйти из-под контроля. Однако этого не случилось, в течение трех лет война шла только на территории Кореи, и мировая война, которую пророчил Перон в статьях, опубликованных в газете «Демократия» (он писал под псевдонимом Декарт), так и не началась.

Другим условием успеха перонизма было появление экономически сильной национальной буржуазии, способной создать новые рабочие места и промышленность, которая не нуждалась бы в таких больших государственных субсидиях и плотной опеке. Перон полагал, что буржуазия в союзе с государством позволит осуществить экономический прорыв и вернуть процветание стране. Но на деле такой буржуазии не было, аргентинская буржуазия проявляла осторожность, часто даже слабость, она не имела достаточных гарантий, чтобы вкладывать капиталы в новые отрасли, и продолжала заниматься традиционным для Аргентины производством.

Таким образом, благоприятная ситуация, существовавшая в 1946 г., когда Перон восклицал, что было невозможно развернуться в здании Центрального банка из-за огромного количества золота, хранившегося там, к 1951 — 1952 гг. стала тревожной. Если в 1946 г. аргентинский песо обеспечивался на 130% золотовалютными запасами страны, то в 1952 г. такое обеспечение составило только 15%. Аргентинские деньги и золотовалютные запасы, накопленные во время войны, испарились. Появилась острая необходимость сменить курс, что и попытался сделать Перон после победы на выборах в 1951 г.

Нужно добавить, что смелая, во многом рискованная экономическая политика Перона направлялась очень оригинальной личностью — Мигелем Мирандой. Он был промышленником, занимался производством жести и был автором как гениальных идей, способствовавших развитию страны, так и авантюрных экспромтов, платить за которые пришлось всем аргентинцам.

На посту главы Центрального банка Миранда управлял всей экономикой, несмотря на существование министерства финансов и министерства торговли. Такой режим управления длился до января 1949 г., когда Миранда был вынужден подать в отставку. С этого момента Перон начал постепенно менять экономическую политику, главная роль в разработке которой отныне принад-

лежала не одной яркой личности, а группам технических специалистов. Среди них на первом этапе выделялись Альфредо Гомес Моралес и Антонио Кафьеро, бывший тогда еще очень молодым человеком.

Политика Перона, кажущаяся нам сегодня слегка безумной, объяснялась не только тем, что Аргентина окрепла во время Второй мировой войны, но и тем, что имела своим источником идеи, господствовавшие в мировых державах в послевоенный период. Это были идеи о сильном государстве, обязанном вмешиваться в экономику и социальные отношения с целью более справедливого распределения благ, идеи о необходимости национализации инфраструктуры, банков и крупной промышленности. Именно такие меры провели лейбористы в Англии после 1945 г., то же самое произошло во Франции, где правительство де Голля национализировало некоторые крупные предприятия, в том числе и автостроительные концерны. То есть этатистская практика была свойственна тому времени.

В Аргентине не только Перон, но и часть радикалов, объединившихся в так называемое «Движение непримиримых» (это движение пришло к руководству ГРС в 1948 г.), разделяли эту идеологию. Декларация Авельянеда, написанная в 1945 г., была дополнена в 1946 г., а в 1948 г. превратилась в программу ГРС, и в ней также предлагалось провести ряд националистических этатистских мер, не сильно отличавшихся от того, что делал Перон. Однако такие меры, возможно и необходимые стране, неизбежно должны были быстро исчерпать себя. Перон понял это лишь тогда, когда оказалось, что изменение проводимой политики может стоить ему слишком дорого.

К 1951 — 1952 гг. экономическая политика правительства фактически исчерпала себя. Хотя в положении народа не произошло видимых изменений, люди в целом жили более счастливой и полной жизнью, денег у их стало больше; например, реальная зарплата строительного рабочего в 1950 г. была на 20% больше, чем в 1943 г. Значительно повысилась покупательная способность народа, и он тратил эти деньги в основном на одежду и продукты питания. Аргентинцы жили и питались лучше, чем раньше, они больше развлекались.

Однако дальнейшее проведение такой политики скоро вызвало снижение уровня жизни, потому что с каждым разом становилось все труднее развивать экономику, нуждавшуюся в валюте,

главным образом в долларах, для дальнейшего роста. Например, было нужно топливо, а Государственная нефтяная компания не увеличивала его производства, равно как и частные компании, и, как следствие, импорт топлива, необходимого для функционирования экономики, требовал от страны 300 миллионов долларов, и этих денег у Аргентины не было. Очень дорого стоило сырье для развития национальной промышленности, которую защищало и субсидировало государство. Кроме того, надо было платить за патенты и за перевод прибылей иностранных компаний, действовавших в Аргентине.

Решить эти проблемы в рамках политики, проводимой Пероном, было трудно. Кроме всего прочего сильные засухи 1951 — 1952 гг., подорвали экспорт зерновых; производители сельскохозяйственных товаров не желали активно работать из-за высоких налогов. Цены на аргентинские товары в Европе в то время были высокими и на них существовал спрос, а государство скупало сельскохозяйственную продукцию у производителей по низким ценам, продавало ее за границей, наживаясь на этом. С другой стороны, отсутствие средств у аргентинских аграриев не позволяло провести механизацию деревни, что способствовало застою сельского хозяйства. Поэтому в 1951 — 1952 гг. посевные площади в Аргентине катастрофически сократились. Последствия такой политики начали ощущаться только после переизбрания Перона на второй срок.

Политическое развитие

Перонизм был оригинален и в политике. В нем явно присутствовали авторитаризм, популизм и склонность к однопартийной системе. Существовало официальное политическое движение, состоявшее из Мужской перонистской партии, Женской перонистской партии (она возникла в 1949 г., когда женщинам предоставили право голоса) и Всеобщей конфедерации труда.

С самого начала своей политической карьеры Перон стремился организовать политические силы, которые позволили бы ему осуществлять власть. Еще до прихода на пост президента, в 1946 г., он решил распустить организации, поддерживавшие его на выборах в феврале, и создать на их основе единую партию. Поначалу у нее не было названия, затем она стала называться

Единой национальной революционной партией, а затем — Перонистской партией.

Таким образом, Перонистская партия стала политическим органом режима. В нее входили не только сторонники Перона, но и государственные служащие (для некоторых из них членство в партии было обязательным). Перонистская партия пользовалась очевидным покровительством властей, что проявлялось в различных формах. Наиболее явным свидетельством этого стало участие Перонистской партии в управлении государством наряду со Всеобщей конфедерацией труда, объявившей после съезда 1950 г. о вхождении в Национальное Хустисиалистское движение¹.

Положение Перонистской партии нужно рассматривать в рамках авторитаризма правительства Перона, с самого начала очень враждебно относившегося к оппозиции. В предыдущей главе говорилось, что аргентинская избирательная система того времени позволила перонизму, несмотря на небольшой перевес на выборах 1946 г., добиться господства в Сенате, получить две трети мест в Палате депутатов и победить на всех губернаторских выборах (за исключением провинции Корриентес, в дела которой центральное правительство вмешалось уже в 1947 г.). То есть на первый взгляд в стране существовало единогласие.

И как будто этого было мало, Перон купил все частные радиостанции страны, организовал целую сеть официальных газет и журналов и проводил политику постоянного давления на оппозиционные партии, которые имели незначительное число мест в законодательных органах и были неспособны оказывать сопротивление политике, проводимой президентом. Тем не менее то, как обращались с оппозицией, заставляет думать, что режим подзревал ее в постоянной заговорщической деятельности.

Идея «единого движения» сыграла очень негативную роль в политической истории Аргентины, так как она априори утверждала, что такое движение осуществляло волю народа, всей нации, самой истории, и поэтому его противники являлись по сути изменниками родины. Так что обращение с оппозицией было край-

¹ *Хустисиализм* (Justicialismo от *исп.* Justicia — справедливость) — доктрина справедливого государства, выдвинутая Пероном. Хустисиалистская партия (позднее Перонистская) была основана в 1947 г. Хустисиализм и перонизм часто используются как синонимы.

не жестким. Депутатам от радикалов часто не давали выступать, некоторых из них изгнали из парламента, других посадили в тюрьму, как, например, Рикардо Бальбина. Некоторые были вынуждены покинуть страну.

Политические партии вели активную жизнь, но подвергались давлению, преследованиям и многочисленным рискам. Избирательные кампании складывались для них непросто, так как у них не было доступа ни к одной радиостанции и фактически существовали лишь две независимые газеты общенационального значения — «Насьон» и «Пренса». Последнюю заставили замолчать в 1951 г., когда под предлогом, связанным с профсоюзным движением, «Пренса» была закрыта, правительство экспроприировало ее и передало в руки Всеобщей конфедерации труда. Пропагандой и печатными изданиями занималось государственное учреждение, добившееся совершенства в искусстве замалчивания новостей и мнений, которые могли быть неприятны правительству.

В то время оппозиция воспринималась как темное пятно на светлом лице страны, как нечто, что должно было оставаться за пределами политической жизни, поскольку она не разделяла идеалов большинства. Толерантность и плюрализм не существовали при перонистском режиме. Напротив, преобладали враждебные действия по отношению к инакомыслящим, поощряемые самим Пероном, жесткие речи которого в отношении оппозиции, зачастую были абсурдны по форме. Он угрожал повесить оппозиционеров и однажды заявил, что сам подаст стальную петлю, чтобы задушить тех, кто мешал правительству, пользовавшемуся поддержкой большинства народа. Безусловно, это делало аргентинскую политику того времени очень примитивной, жестокой, страшной и способствовало тому, что оппозиция не была лояльна правительству. Плелось множество заговоров, в большинстве своем совершенно безумных и без всяких шансов на успех — оппозиция тоже не была настроена на честную игру.

Кто виноват в этом? Я считаю, что в таких случаях больше виновата власть, которая должна обладать большим спокойствием и толерантностью, чем оппозиция. Перон не был образцом в этом отношении. И здесь нужно сказать о человеке, сыгравшем большую роль в обеспечении послушания и фанатизма масс, преднамеренно разжигавшегося властью. Речь идет об Эве Перон.

Эвита

В этой маленькой главе невозможно показать масштаб такой личности, как Эва Перон. Она достойна гораздо более подробного анализа. Такой анализ уже был проведен, поскольку Эвита пробуждала интерес аргентинских и зарубежных исследователей. В любом случае стоит отметить, что в правительстве Перона она выполняла сразу несколько функций.

Во-первых, она поддерживала связь правительства с рабочим движением, с профсоюзами. Во-вторых, Эвита возглавляла Женскую перонистскую партию; она была прирожденным лидером этого нового многочисленного электората, начавшего играть важную роль в политической жизни страны. И в-третьих, своими страстными, полными фанатизма речами Эвита вводила сторонников перонизма в некий религиозный экстаз, который по определению не мог длиться долго. Однако Эвита смогла поддерживать эти настроения целых шесть лет, пока здоровье не подвело ее.

Таким образом, эти три функции (она к тому же управляла благотворительным фондом, носившим ее имя и являвшимся чем-то вроде министерства социального развития) делали Эву Перон очень интересным персонажем. Безусловно, эта малообразованная женщина обладала тонкой интуицией, знала, как вести себя в той или иной ситуации, умела вербовать сторонников и в последние годы жизни сильно выросла как политик (это отразилось даже в ее внешности).

Лично я очень уважаю Эвиту и считаю ее очень искренней женщиной. Но мне не хотелось бы, чтобы это явление повторилось в Аргентине, потому что оно означало регресс в политической жизни страны. Эва Перон привнесла фанатизм, требование безусловного подчинения Перону, и что не пошло на пользу демократии, хотя для такого движения, как перонизм, подобные явления были неизбежны. Как известно, Эвита умерла вскоре после повторной инаугурации Перона.

Конституция 1949 года

Другим важным элементом перонистской системы является Конституция 1949 г. Стремление создать доминирующую политичес-

кую силу стало очевидным, когда Перон впервые вступил на пост президента. В этом уже проявился его авторитаризм, хотя в инаугурационной речи Перон сказал, что будет президентом всех аргентинцев, и пообещал толерантно относиться к инакомыслящим. Главной заботой Перона было создание такой системы, которая позволила бы ему добиться намеченных целей и продержаться у власти как можно дольше. Для достижения этой цели он попытался уничтожить все конституционные препятствия.

Первым проявлением этого стал процесс над членами Верховного суда. В 1948 г. все они, за исключением одного, сами предстали перед судом и были сняты с должностей под предлогом неподобающего поведения. В действительности им не предъявили конкретных обвинений, которые говорили бы о плохом исполнении обязанностей. Обвинения носили политический характер, и целью процесса стало формирование нового послушного состава Верховного суда.

Это вопиющий эпизод. В политической истории Аргентины такое случилось в первый раз и, будем надеяться, в последний. Процесс был несправедливым и принес вред судебной системе, но Перон и его окружение хотели избавиться от препятствий, способных помешать принятию новых законов. В действительности эти законы не были такими уж революционными и вполне могли быть одобрены Верховным судом. Хотя среди его членов были сторонники консервативных режимов, они не раз демонстрировали сговорчивость и утверждали новые законы.

Начиная с этого момента ускоренными темпами шла подготовка к переизбранию Перона. Конституция 1853 г. запрещала президенту находиться на посту два срока подряд, и поэтому возникла идея реформировать Основной закон. Любопытно, что Перон в 1948 г., в выступлении перед законодательным собранием, изложил яркие аргументы против возможного переизбрания президента. Это были очень здравые аргументы, часто использовавшиеся в политике. Переизбрание, сказал Перон, могло привести к постоянному произволу, к увековечению власти одного человека.

Тем не менее несколько месяцев спустя Перон поддержал идею реформы конституции. Голосование в Палате депутатов прошло с нарушениями, за реформу не было подано количество голосов, необходимого для изменения конституции, а также не указывалось, какие статьи Основного закона намеревались реформировать. В любом случае механизм был запущен, были про-

ведены выборы, на которых, как обычно, победу одержала Перонистская партия, был создан Конституционный конгресс, заседавший в январе — апреле 1949 г.

Несмотря на некоторые незначительные изменения, основа Конституции 1853 г. осталась нетронутой. Единственным исключением стало то, что и было целью реформы, — разрешение президенту переизбираться неограниченное число раз. Это стало ясно, когда во время ключевого заседания Конституционного конгресса глава радикалов, Мойсес Лебенсон, выступил с критикой докладчика перонистов и тот признался, что единственной целью реформы было переизбрание Перона.

Таким образом, Конституция 1949 г. привела к новой конфигурации власти и дала возможность Перону переизбраться в 1952 г. еще на шесть лет. Его гегемония должна была продлиться двенадцать лет, а может, и дольше.

Но Конституция 1949 г. также содержала ряд положений, на которые Перон не обратил внимания, что позднее принесло ему неприятности. Например, 40-я статья предусматривала проведение очень жесткой политики в сфере коммунальных услуг и в том, что касалось прав собственности на полезные ископаемые, водопады и источники гидроэнергии. Данное положение связало руки Перону и не позволило внести изменения в экономическую политику.

Как было сказано выше, Миранда подал в отставку в январе 1949 г., что совпало с началом заседаний Конституционного конгресса. Это предвещало изменение экономической политики. И именно тогда небольшая группа националистически настроенных перонистов, принимавших участие в заседании, сумела навязать 40-ю статью, поставившую Перона в очень жесткие рамки, что приобрело большое значение позднее, в 1955 г.

Международная ситуация

Перонизм с его политическими и экономическими особенностями развивался на фоне обострения «холодной войны». США нуждались в союзниках и могли найти их в Аргентине. В 1949 г. Перон предложил так называемый Третий путь: он заявил, что Аргентина не выступает на стороне США или СССР, а придерживается особой позиции. Третий путь стал предтечей Движения неприсо-

единения (из которого, кстати, Аргентина недавно вышла, причем у власти в тот момент находились перонисты).

Лозунг Третьего пути был скорее риторикой, чем действительной политикой и не проводился в жизнь. На всех крупных международных ассамблеях, в ООН делегации Аргентины почти всегда голосовали так же, как и США. Однако Аргентина не вступила в Международный валютный фонд, в ЮНЕСКО, в Продовольственную и сельскохозяйственную организацию ООН (ФАО). То есть сохранялась определенная изоляция страны, что было связано с идеей об экономической автаркии, пропагандируемой правительством Перона.

Однако, несмотря на то что Третий путь был чистой риторикой, он способствовал усилению националистических настроений в аргентинском народе, которому внушалось, что страна могла быть независимой от международных событий. В целом Третий путь был очень похож на позицию нейтралитета, занятую Иригойеном во время Первой мировой войны и Кастильо, а затем военными правительствами во время Второй мировой войны.

Политика Третьего пути во многом была связана с идеей Перона о неизбежном начале Третьей мировой войны. Тем не менее он был достаточно хитрым, чтобы дополнить идеологию Третьего пути конкретными мерами, особенно в отношениях с США, с которыми к 1953 г. были достигнуты соглашения почти по всем вопросам.

Теперь необходимо рассказать об оппозиции, существовавшей во время первого президентского срока Перона.

Оппозиция

В первую очередь, Перону противостояли традиционные политические партии, неудачно выступившие на выборах 1946 г. После этих выборов единственной партией, способной противостоять перонистам в законодательных органах, был Гражданский радикальный союз. В их монолитную фракцию ГРС, состоявшую из сорока четырех депутатов, входили такие люди, как Артуро Фрондиси, Рикардо Бальбин и др., сыгравшие значительную роль в аргентинской политике. Фракция радикалов в некоторых случаях успешно противостояла перонизму и отстаивала позиции, достойные уважения. В иных случаях, в результате давления и угроз, она оказывалась не на высоте и лишь боролась за выживание.

Но на основе этой фракции, продолжавшей скорее традиции Иригойена, а не Альвеара, постепенно возрождалось движение радикалов. В 1948 г., как уже было сказано, к руководству ГРС пришло «Движение непримиримых», принявшее программу партии, которая была столь же этатистской, как и программа Перона, так же выступала за нейтралитет Аргентины и была еще более антиолигархической, антиимпериалистической и революционной, чем программа Перонистской партии. Такое было время... Впрочем, радикалы не имели шансов прийти к власти и поэтому могли безнаказанно провозглашать еще более революционные лозунги.

Консерваторы перестали играть важную роль и фактически лишились поддержки населения. Социалисты, впервые после принятия закона Саенса Пеньи, не смогли провести в законодательные органы ни одного депутата. Коммунисты оставались в подполье. Однако все это не означает, что оппозицию Перону составляли одни политические партии.

Существовала и неорганизованная оппозиция, например, та, которая не принимала Перона в силу классовых предрассудков. Высшие классы аргентинского общества раздражала пропаганда равенства и налет вульгарности, присущие перонизму. То, что простые люди могли приходить в места отдыха, ранее доступные лишь элите, не нравилось многим. Клубы с давними традициями, такие, как «Жокей-клуб» или «Клуб 20 февраля» в Сальте, становились местом заседаний оппозиционеров и подвергались гонениям со стороны властей. «Жокей-клуб» был подожжен, а «Клуб 20 февраля» экспроприирован, как и некоторые другие подобные учреждения.

В ряде крупных частных фирмах также существовала оппозиция перонистскому режиму, хотя она и не проявлялась открыто. Однако наибольшее недовольство чувствовалось в деревне, что объяснялось экономической политикой Перона. Но в любом случае оппозиция была разрозненной и очень напоминала оппозицию цезарям в Древнем Риме, описанную Гастоном Буассье¹. На самом деле это были лишь отдельные голоса, не слишком громко протестовавшие против происходившего, они лишь обращали внимание на факты, достойные порицания.

¹ Имеется в виду книга: Буассье Г. Оппозиция при цезарях // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. СПб., 1993.

Оппозиция во властных учреждениях была представлена радикалами, сталкивавшимися с большими проблемами при вербовке сторонников. Им было трудно сохранить свою организацию на территории всей страны, однако несмотря на это, они держались мужественно и сумели в 1951 г. получить 32% голосов (их кандидатами были Бальбин и Фрондиси). Перон на тех выборах получил больше 62%, но если принять в расчет неблагоприятные условия для оппозиции, то достигнутый ею результат можно считать подвигом.

Была оппозиция и в армии. Чувствовалась неприязнь военных по отношению к Перону, несмотря на то что он сам был генералом и в период экономического процветания провел модернизацию вооруженных сил, особенно авиации, к которой он испытывал особые чувства. Тем не менее у военных было много причин обижаться на Перона, продвигавшего по службе верных себе офицеров и оставлял на задворках остальных.

Естественно, настроение в армии не было единственной причиной революции Менендеса в 1951 г. Но тем не менее это стало подоплекой военного переворота, не имевшего шансов на успех. Он произошел в сентябре 1951 г., за два месяца до президентских выборов, и не вызвал резонанса в стране. Просто случилось так, что некоторые офицеры, в том числе отставные (среди них Лануссе, имевший в то время чин капитана), смогли поднять на восстание часть гарнизона Кампо-де-Майо, а затем разбежались, когда поняли, что шансов на успех у них нет. В любом случае это событие показало, что в армии были недовольные, и, как и следовало ожидать, министр вооруженных сил начал очищать войска от антиперонистов.

На первом этапе своего существования перонизм привлекал новизной. Перон был еще молод и использовал лозунги, понятные народу; международная обстановка и положение внутри страны позволяли ему проводить социальную политику, повысившую уровень жизни народа. Но его экономический курс не мог сохраняться неизменным. И это стало заметно в 1952 г., после смерти Эвиты. Когда Перон стал президентом во второй раз, появились такие тревожные признаки, как инфляция, нехватка валютных средств, и стала очевидной необходимость полностью изменить экономическую политику правительства.

XIII. Падение режима Перона

Второй президентский срок Перона начался 4 июня 1952 г. и должен был закончиться ровно через шесть лет. Однако он был свергнут в сентябре 1955 г. Причины падения Перона — одна из главных загадок этого периода.

Организованное общество

Власти у президента было достаточно. В момент, когда система начала рушиться, в Аргентине существовало то, что сам Перон называл «организованным обществом». Каждый элемент системы — Всеобщая конфедерация труда, Всеобщая экономическая конфедерация, Всеобщая университетская конфедерация, вооруженные силы, полиция, система образования, спорт и, конечно, сеть газет, журналов и радиостанций, осуществлявших мощнейшую пропаганду, — все эти элементы исполняли свою особую функцию.

Кроме того, перонистский режим обладал поддержкой масс. Эта поддержка проявилась на выборах в 1951 г., когда Перон получил более 60% голосов, а также в апреле 1954 г. на выборах вице-президента, на которых кандидат Перона набрал 62% голосов, а главный кандидат оппозиции, представитель ГРС Крисолого Ларральде, лишь 32%.

Таким образом, Перон опирался на организации, связанные с режимом, и на массы, чья поддержка проявлялась не только на выборах, но и во время многотысячных манифестаций, проводимых правительством. Они проходили 1 мая, 17 октября, а также

31 августа, объявленного Днем отречения (это был праздник в честь Эвы Перон, скончавшейся через полтора месяца после повторной инаугурации мужа).

Почему же пал Перон? Потому ли, что его экономическая политика окончательно зашла в тупик? Однако это не так: на момент свержения Перона в экономический курс уже были внесены изменения и оказались отброшены наиболее рискованные эксперименты, свойственные первому президентскому сроку Перона. Выше говорилось, что на первом этапе экономической политике перонизма были свойственны расточительство и неоправданный оптимизм, а также ряд интересных экспериментов, которые не могли продолжаться долго.

К 1950 г. такая экономическая политика потерпела фиаско, и стало очевидно, что нельзя продолжать этатистскую, изоляционистскую, националистическую линию, приводившую к нехватке валюты и невозможности импортировать товары, необходимые стране. Эта политика вызвала 30-процентную инфляцию в 1951 г. (невиданное явление в истории страны), что заставило правительство изменить курс.

Ректификация

В 1951 г., после триумфальной победы Перона на выборах в ноябре, был разработан ряд мер, которые начали проводиться в жизнь в феврале 1952 г. и получили название «План жесткой экономии». Этот план указывал на необходимость контролировать расходы и помогать сельскому хозяйству, находившемуся в глубоком кризисе из-за политики Аргентинского института развития торговли, который был монополистом по закупкам и продаже за рубежом отечественных сельскохозяйственных товаров.

Перон резко поменял политику и установил довольно привлекательные для сельскохозяйственных производителей цены. Кроме того, он принял меры по контролю за ценами, заработной платой и коллективными договорами (в 1952 г. они были заморожены на два года), что привело к заметному снижению инфляции: в 1952 г. инфляция составила 4, а в 1953 г. — 3%. Так что экономическая политика не была причиной падения Перона.

Кроме того, начиная с 1952 г. в экономике проводился целый ряд мер, показывавших, что Перон оставил позади период иска-

ний и обратился к тому, что можно назвать классической экономикой. *Во-первых*, уже в январе 1949 г. был отправлен в отставку Мигель Миранда — автор экономической политики перонизма на первом этапе (как было сказано выше, иногда он ошибался, а иногда выступал с гениальными инициативами). Ему на смену пришли экономисты с менее ярким воображением, являвшиеся сторонниками классических экономических теорий. Именно тогда были приняты законы, означавшие шаг назад в развитии перонизма. Один из них — закон об иностранных инвестициях.

До этого перонизм не показывал заинтересованности в иностранных инвестициях. Напротив, он смотрел на них с некоторым пренебрежением и исходил из существования сильной аргентинской буржуазии, способной развивать новые отрасли и создавать рабочие места. Однако этого не произошло, и в 1951 г. был принят закон об иностранных инвестициях. Можно сказать, что это был хороший, довольно умеренный закон. Он признавал право иностранных компаний вывозить прибыль из страны, давал иностранным фирмам определенные гарантии и ставил их в равное положение с аргентинскими компаниями. Это было признанием необходимости привлекать новые капиталы для создания рабочих мест, нехватка которых уже начинала ощущаться.

Во-вторых, событие, происшедшее в апреле 1955 г. (на первый взгляд не имевшее отношения к власти), также показало, что экономическая политика Перона сильно изменилась. Речь идет о Съезде производителей. В этом съезде, прошедшем во дворце, где обычно заседал Национальный конгресс, приняли участие Всеобщая конфедерация труда и Всеобщая экономическая конфедерация. Правительство, якобы не имевшее отношения к съезду, на деле было инициатором диалога между этими двумя организациями, представлявшими рабочих и предпринимателей.

Во время диалога возникла идея о необходимости повышения продуктивности производства, даже если ради этого необходимо принести в жертву завоевания рабочего класса. Каждый раз, когда речь идет о повышении продуктивности производства, профсоюзы везде и всегда начинают нервничать. Во время этого съезда произошло то же самое. Было сопротивление со стороны некоторых профсоюзных организаций, формально входивших в перонистское движение, но их члены не слишком зависели от Перонистской партии. Тем не менее Съезд производителей рекомендовал отказаться от некоторых практик, таких, как, например,

высокие компенсации в случае увольнения (в первые годы правления Перона это сопровождалось многочисленными злоупотреблениями, так же как и при выплате сверхурочных).

И наконец, еще одним доказательством глубоких изменений в экономической политике Перона, происшедших в с 1954 по 1955 г., стали переговоры о заключении контракта с американской нефтяной компанией «Калифорния». Правительство предложило этой фирме почти всю территорию провинции Санта-Крус для поиска и добычи нефти. Одной из самых серьезных проблем, вызванных ранней экономической политикой Перона, была именно нехватка топлива, импорт которого обошелся стране в 300 миллионов долларов. Однако без этого национальная промышленность не могла функционировать. Нести такие расходы становилось все труднее.

Таким образом, намерение Перона заключить контракт с компанией «Калифорния» шло вразрез с националистической политикой, проводимой ранее, и показывало, что экономическая политика раннего перонизма в отдельных аспектах была провальной. Отрицание иностранных инвестиций как раз и было одной из ошибок Перона. Контракт с «Калифорнией» дорого обошелся президенту, поскольку все националистические силы, прежде поддерживавшие его, теперь выступили против, а оппозиция заявила о непоследовательности действий правительства, которое сначала выступало за предоставление монополии Аргентинской нефтяной компании, а затем отдало половину территории страны американской фирме.

Отказ от Третьего пути

Изменения коснулись не только экономики. Также были пересмотрены отношения с США. В 1946 г. еще ощущались последствия столкновения между Пероном и бывшим послом США в Аргентине Брайденом, но затем отношения начали налаживаться. События в Гватемале в 1953 г. показали, насколько Перон был готов идти на уступки США во внешней политике.

В Гватемале, небольшой центральноамериканской стране, с 1950 г. у власти находилось правительство социалистической ориентации. Естественно, Вашингтон обвинил это правительство в коммунизме. На самом деле правительство Гватемалы реши-

тельно проводило социальные и аграрные реформы, экспроприировало собственность «Юнайтед фрут» — американской компании, занимавшейся производством и продажей фруктов. Эта компания имела интересы и в других странах Центральной Америки. После экспроприации на гватемальское правительство посыпались обвинения.

Соединенные Штаты добились созыва конференции министров иностранных дел стран американского континента в Каракасе. На конференции США стремились доказать, что правительство Гватемалы было коммунистическим, и добиться его осуждения всеми странами континента. Это стало репетицией того, что позднее произойдет с Кубой. Во время голосования аргентинская делегация воздержалась. Если бы такая ситуация возникла ранее, на первом этапе перонизма, действия Аргентины были бы иными. Более того, когда гватемальская оппозиция с помощью США сумела свергнуть режим Хакобо Арбенса, большинство деятелей его правительства были вынуждены скрываться, и некоторые из них нашли убежище в аргентинском посольстве. Затем они на самолете прибыли в Буэнос-Айрес, и перонистское правительство посадило их в тюрьму. Сторонники Арбенса, независимо от того, были они коммунистами или нет, верили в необходимость более справедливого распределения богатств. Перон же, в свою очередь, был предтечей такой политики в Латинской Америке и в определенной степени примером для тех, кто выступал за более справедливое распределение богатств. И этот же самый Перон посадил сторонников Арбенса в тюрьму более чем на год.

Так что изменения были важными во всех смыслах. Но они произошли не только потому, что Перон хотел этого. Обстоятельства заставляли его действовать таким образом. Изменения происходили в 1952 г. и особенно в 1953 г., когда Перон попытался сделать наиболее впечатляющий шаг в своей политике — открыть для Аргентины доступ к латиноамериканским рынкам. Он приехал в Чили, где намеревался подписать с правительством генерала Ибаньеса договор, направленный на создание тесного экономического союза между двумя странами. Однако Чили не пошла на это, и подписанный договор оказался гораздо скромнее. Тем не менее популярность Перона в Чили была очевидна, много раз ему рукоплескали толпы народа.

Ужесточение политики Перона

Вернувшись в Аргентину в апреле 1953 г., Перон столкнулся с неприятным сюрпризом. Неожиданный конфликт, связанный с поставками мяса в Буэнос-Айрес, указывал на существование привилегий у некоторых фирм, что негативно сказывалось на потребителях. Перон поручил расследование генералу Леону Бенгоа, честному и энергичному человеку, обнаружившему, что в спекуляциях был замешан Хуан Дуарте — личный секретарь Перона и брат умершей Эвы Перон.

Неизвестно, имели ли обвинения под собой почву, но фактом остается то, что отвечая на них Перон выступил с очень жесткой речью, в которой заявил, что «он окружен ворами и их пособниками». В этой речи Перон пообещал продолжить расследование, даже если оно приведет к обвинению его собственного отца. Спустя несколько дней последовала скандальная отставка Хуана Дуарте, а еще через три дня он покончил с собой. Это стало одним из немногих событий, которые власть не сумела скрыть, и, конечно, оно стало огромным потрясением. То, что личный секретарь и шурин президента пустил себе пулю в лоб, оставив прощальное письмо (очень наивное, надо сказать), полное тоски и личных разочарований, сильно повредило имиджу правящих кругов.

После этого события Всеобщая конфедерация труда организовала митинг в поддержку президента на Майской площади. На митинге выступил Перон и во время его речи произошло несколько взрывов около входа в метро, рядом с улицей Иполито Иригойена. Погибли несколько человек, были ранены. Под воздействием необдуманных слов Перона, сказанных сразу после взрывов, группы лиц (неизвестно, были ли они организованы или возникли спонтанно) подожгли штаб-квартиры Социалистической партии, ГРС, Консервативной партии, «Жокей-клуб», «Petit Café» и другие места собраний оппозиционеров. Одновременно прошли полицейские облавы, многих оппозиционеров задержали и заключили в тюрьму.

Напряжение в стране продолжило возрастать. Такое положение дел сохранялось в течение нескольких месяцев, пока не были задержаны виновные в организации взрывов (по крайней мере, власти настаивали на их виновности). Ими оказались молодые люди из богатых семей. Они подготовили взрывы бомб (стараясь при

этом, чтобы никто не пострадал) с целью показать существование оппозиции перонизму, так как в тот момент ни одна партия не могла противостоять режиму.

Эти события достойны сожаления, однако в них присутствовала определенная логика. И напротив, нелогичным кажется то, что спустя несколько месяцев после взрыва бомб, поджогов штаб-квартир и арестов оппозиционеров Перон выступил с мирной инициативой и начал переговоры с оппозицией. Постепенно начали выходить на свободу некоторые оппозиционные деятели, а в декабре 1953 г. был принят закон об амнистии. Закон не был последовательным: амнистировались лишь те, кого власть считала достойными освобождения. Тем не менее благодаря данному закону на свободу вышли десятки политических деятелей. Однако в тюрьме остались многие другие, как, например, Сиприано Рейес, находившийся в заключении с 1948 г., лидеры восстания генерала Менендеса в сентябре 1951 г., а также заговорщики, задержанные во время подготовки мятежа, который должен был возглавить полковник Хосе Франсиско Суарес. В любом случае имело значение признание, что не все оппозиционеры были изменниками родины, бунтовщиками и террористами и с некоторыми из них можно вести переговоры.

Так закончился 1953 год — принятием закона об амнистии, который, впрочем, не стоит переоценивать, но все-таки нужно отметить, что он принес определенный мир и толерантность в политическую жизнь страны. В апреле 1954 г. прошли выборы, победу на которых одержала Перонистская партия, набравшая 62% голосов. Но уже в следующем месяце начались забастовки, что всячески замалчивалось властью. Современному историку очень трудно установить, что за забастовки прошли в мае 1954 г. и насколько мощными они были, поскольку в крупных газетах того времени нет ни одной заметки об этих событиях. О стачках упоминают лишь некоторые провинциальные газеты и листовки оппозиционных организаций. Некоторые из этих забастовок были очень мощными, например забастовка металлургов, совершивших поход на столицу. Она была подавлена полицией, и, по крайней мере, один человек погиб.

В любом случае в середине 1954 г. ситуация для Перона была благоприятной. В экономике наблюдались позитивные явления: инфляция была гораздо ниже, чем в 1951 — 1952 гг., цены и зарплаты оставались стабильными. Уже говорилось о некоторых инвес-

тициях, которые могли прийти в Аргентину (они действительно пришли, и благодаря им открылся автомобильный завод в Кордобе и несколько металлургических заводов в окрестностях Буэнос-Айреса), и о возможном начале работ иностранных нефтяных компаний на юге Аргентины.

В политике также не наблюдалось заметных проблем. Оппозиция была разгромлена, присутствие ГРС в Конгрессе являлось минимальным — 12 депутатов против 200 перонистов (такое превосходство обеспечивал хитрый избирательный закон — например, на выборах в 1954 г. в Буэнос-Айресе за перонистов проголосовало 650 тысяч избирателей, но они получили тринадцать мандатов, а радикалы, набравшие 500 тысяч голосов, получили лишь одно место в Конгрессе).

Таким образом, ситуация для Перона выглядела очень спокойной. Казалось, у страны не имелось серьезных проблем, Перонистская партия изменила экономическую политику, были отодвинуты на задний план некоторые из наиболее революционных сторонников Перона, и можно с оптимизмом смотреть в будущее. Перон и был оптимистом, он уже забыл о ставке на Третью мировую войну и развивал дружеские отношения с США, которые могли принести ему значительные выгоды.

Конфликт с церковью

Неожиданно в конце 1954 г. (в ноябре, если быть точным) Перон совершил нечто абсолютно необъяснимое с точки зрения логики, и менее чем через год его свергли. Я имею в виду речь, которую Перон произнес в присутствии губернаторов провинций, лидеров Перонистской партии, профсоюзов и женских организаций. В этом выступлении он заявил, что аргентинская католическая церковь является одним из главных очагов оппозиции и поэтому с ней нужно вести борьбу.

Трудно сказать, почему Перон пошел на это. Лично я объясняю это чувством всемогущества, которое испытывал Перон. У него было все. Как уже говорилось, Перон контролировал рабочее движение, организации предпринимателей, армию, систему образования. Но в обществе должна была присутствовать сила, не столь преданная его политике. И такой силой являлась церковь. Она по своей природе не могла поддерживать ту или иную политику,

несмотря на то что многие церковные деятели были благодарны Перону за принятие закона об обязательном религиозном образовании в школах, а также за другие меры, направленные на поддержку католицизма. Но речь Перона (она была к тому же довольно грубой по форме, и в ней он назвал священников и епископов «оппозиционерами») не могла не вызвать негативной реакции со стороны католической церкви. Впрочем, эта реакция была сдержанной: церковь попыталась отстраниться от режима, но при этом не разрывая с ним отношений.

Внезапно последовали события, удержать развитие которых Перон оказался не в силах. Некоторые из его сторонников, особенно те, кто не обладал большим влиянием, ранее разделяли левые убеждения, и это столкновение с церковью, антиклерикальные речи Перона напомнили им молодые годы. Газеты, входившие в пропагандистский аппарат режима, начали публикацию жестких антирелигиозных статей. Появились соответствующие колонки в газетах (некоторые из них были сатирическими). Одну из них, под названием «Взбужденные епископы», вел Хорхе Абелардо Рамос, и в ней публиковались самые разнообразные слухи о поведении священников и епископов. И эта пропаганда велась изо дня в день с целью обработки общественного мнения.

Церковь начала реагировать. 8 декабря, в день празднования Непорочного зачатия, вместо мирной религиозной процессии под образами Девы, в которой обычно принимали участие монахини и почтенные граждане, состоялась настоящая политическая манифестация. Церковь начала объединять до этого разрозненную оппозицию.

Правительство еще более усилило атаки на церковь, и в конце декабря 1954 г. Конгресс принял закон, отменивший обязательное религиозное образование в школе. Другой закон разрешил открывать публичные дома, еще один закон отменял государственные субсидии частным образовательным учреждениям (большинство из них были религиозными), и, наконец, были разрешены разводы. Иными словами, Перон заставил Конгресс принять те законы, которые могли вызвать наибольшее недовольство церкви. Он сделал это, несмотря на сопротивление некоторых депутатов, в том числе и перонистов. Некоторые из них, очень немногие, отказались от полномочий депутатов. Многие члены Конгресса, искренние католики, подчинились приказу Перона, но сделали это с болью в сердце.

Конфликт продолжился. Хотя, как это часто бывает в Аргентине, сначала он затих, но уже в апреле 1955 г. разразился с новой силой. В июне, после принятия ряда новых антиклерикальных законов, в день праздника Тела и Крови Христовых состоялась процессия. Огромная толпа, несмотря на запреты полиции, прошла от Майской площади к площади Конгресса. И там Перон, всегда в подобных ситуациях игравший роль арбитра, совершил еще одну ошибку, кажущуюся невероятной. До этого он открыто не стоял во главе борьбы с церковью, хотя было очевидно, что он поддерживал антиклерикальные меры. Иногда казалось, что Перон был готов пойти на примирение, однако затем принимались меры, вновь обострявшие конфликт. И конечно, церковные круги, особенно светские католики, с каждым разом все больше объединялись во имя защиты религии. Эта цель не была политической, что придавало большую силу сторонникам церкви.

Огромной ошибкой Перона стало обвинение участников процессии в сожжении аргентинского флага. Сразу стало известно, что они были невиновны и что флаг сожгли в местном комиссариате. Это заставило военных (в основном из состава авиации и флота) ускорить проведение государственного переворота.

Дальнейшее хорошо известно: бомбардировка Майской площади 16 июня 1955 г. самолетами ВМС и гибель нескольких сотен человек. На самом деле организаторы бомбардировки хотели убить Перона, который в тот момент находился в здании министерства вооруженных сил. В ту ночь на Буэнос-Айрес и города провинции обрушились все возможные несчастья. Были подожжены и разграблены церкви, и Перон не сумел помешать этому. Эти события затмили отчаянную бомбардировку на Майской площади, приведшую к сотням погибших. Сожжение церквей произошло в момент, когда правительство имело полную информацию о ситуации в стране. Поэтому если поджигатели и не были посланы правительством, то, по крайней мере, они воспользовались попустительством полиции, пожарных, репрессивных органов.

Перон начал действовать так же, как в 1953 г., когда после крайне жестких мер против оппозиции он предложил амнистию. В момент, когда страна ожидала от правительства репрессий в отношении лиц, совершивших покушение на президента и убивших столько людей во время бомбардировки Майской площади, Перон выступил с мирной инициативой. Он предложил оппозиционным партиям стать полноправными членами политической систе-

мы и заявил, что отказывается от звания лидера революции (так он выразился) и впредь будет лишь президентом страны. В качестве конкретной меры он впервые разрешил оппозиционерам выступить по радио. Первым, кто воспользовался этим, стал Фрондиси, и это произошло 31 июля 1955 г.

Великому мыслителю XIX в., Алексису де Токвилю, принадлежит фраза, применимая к данной ситуации: самый сложный момент для плохих правительств — это когда они начинают реформировать сами себя. Не то чтобы режим Перона был всегда и во всем плохим, но в политике ему были свойственны вседозволенность, преследование оппозиции, нежелание понять, что оппозиционер — это соперник, а не враг. Когда режим начал меняться, когда ушли в отставку его наиболее одиозные деятели, когда лидерам оппозиции дали возможность обратиться к стране — в этот момент система зашаталась.

Оппозиционеры восприняли предложение о примирении без энтузиазма. Они согласились выступить на радио, потому что это было им выгодно, но они не верили в искренность власти. Тем не менее Перон поменял свою команду. Он избавился, например, от министра внутренних дел Анхеля Борленги, от главы пропагандистского аппарата Рауля Апольда, от начальника полиции, то есть от охранительных элементов системы. Политика примирения продолжалась в течение двух месяцев, а 31 августа все радиостанции страны передали, что Перон подал в отставку с поста президента.

Видимо, именно 31 августа он решил покончить с политикой примирения. Перед толпой народа, собравшейся на Майской площади, Перон выступил с абсолютно неадекватной речью, ставшей еще одной из его необъяснимых ошибок. Я разговаривал с некоторыми видными деятелями перонизма, и Оскар Альбриеу, бывший в 1955 г. министром внутренних дел, сказал мне, что он разговаривал с Пероном в полдень 31 августа и тот был абсолютно спокоен. Однако после обеда его поведение полностью изменилось. Перон выступил с речью, в которой пригрозил смертью своим врагам и сказал, что за каждого убитого перониста заплатят жизнью пять оппозиционеров. Эта знаменитая речь (она еще жива в памяти аргентинцев) заставила небольшую группу заговорщиков поднять восстание, так как они считали, что другого выхода не было: или ждать смерти, или начать восстание и свергнуть режим.

Шестнадцатого сентября в Кордобе поднял мятеж генерал Эдуардо Лонарди, и об этом нужно рассказать подробнее, потому что это очень интересно. Лонарди находился в отставке, не командовал военными частями, но был убежден, что достаточно создать антиперонистский очаг, продержаться несколько дней, и ситуация в стране кардинально изменится. За исключением флота, решительно настроенного против Перона, в вооруженных силах существовало равенство сил. В сухопутных частях почти все поддерживали правительство, и в авиации также многие выступали за Перона. Тем не менее оказалось достаточно создать антиправительственный очаг в Кордобе (это дало надежду противникам Перона по всей стране), как режим начал разваливаться.

Важно отметить, что никто не вышел защищать правительство Перона, которое и не пыталось организовывать свою защиту. Ходили слухи, что правительство хотело дать оружие рабочим, но министр вооруженных сил генерал Умберто Соса Молинас выступил против этого. Согласно другим заявлениям, сделанным в изгнании, правительство не стало сопротивляться, чтобы не нанести непоправимый вред стране.

Обращает на себя внимание решительность, с которой действовали восставшие (они называли свое движение «Освободительной революцией»), неопределенность сил, пришедших на смену Перону, и действия самого Перона. Сначала он занял пост министра вооруженных сил и попытался вести операции против восставших, затем закрылся в президентском дворце и, наконец, обнародовал очень двусмысленное, противоречивое заявление об отставке. Генералитет долго изучал это заявление, пока группа молодых офицеров не убедила генералов считать этот документ прошением об отставке.

При анализе событий нужно иметь в виду множество факторов, о которых я не буду говорить подробно. Во-первых, потому, что они нелицеприятны, а во-вторых — из-за недостатка доказательств. Речь идет о поведении Перона на посту президента в последние годы. Складывается впечатление, что смерть Эвиты сломала что-то в его душе. Перон мог быть презируем оппозиционерами, но все-таки в стране его уважали. Он вел скромную жизнь, много работал, наслаждался властью, но о его личной жизни ничего не было известно. После смерти Эвиты он стал проявлять интерес к школьницам, а позднее вступил в любовную связь с четырнадцатилетней девушкой (Перону тогда было почти шестьдесят

лет), которую поселил в президентском дворце. Перон появлялся с ней на публике, например, во время кинофестиваля в Мар-дель-Плате в апреле 1954 г. и на боксерских поединках. Кроме того, у него появилась привычка совершать поездки по городу на мотоцикле.

Я считаю, что именно такое поведение охладило любовь масс к Перону. Я не говорю, что люди перестали любить его, но они уже не уважали Перона и поэтому не выступили в защиту социальных завоеваний и перонистской системы, хотя она и улучшила качество жизни народа. Аргентинский рабочий класс в конце правления Перона жил гораздо лучше, чем за десять лет до этого. Зарплаты и покупательная способность заметно выросли, действия профсоюзов в социальной сфере шли на пользу обществу. Пенсионная система, в конце 1954 г. распространявшаяся лишь на несколько профсоюзов, охватила более широкие слои населения. Верно, что Перон финансировал Второй пятилетний план за счет пенсионного фонда, но это не было критично и могло продолжаться еще несколько лет. Бесспорно, люди жили лучше при Пероне и тем не менее, когда возникла опасность свержения правительства, народ не выступил в защиту того, кто создал ему лучшую жизнь. 20 сентября генералитет принял отставку Перона, и вскоре он нашел убежище в посольстве Парагвая. Так закончился очередной этап в развитии перонизма.

И последнее замечание: когда Перон находился в эмиграции в Парагвае, вероятно, он был самым дискредитированным человеком в Аргентине, даже среди своих сторонников, обвинявших Перона в том, что он, действующий генерал, не стал защищать режим. Стала достоянием общественности личная жизнь Перона, открылись многие нелецеприятные дела режима, и, несмотря на это, восемнадцать лет спустя Перон вернулся к власти. Это доказывает, что в политике ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

XIV. «Освободительная революция»

Термин «Освободительная революция», обычно используемый историками и политологами, часто вызывает неоднозначную реакцию, в зависимости от симпатий или антипатий к перонистскому режиму. Однако несмотря на это, нужно разделять революционное движение 1955 г. (оно провозгласило себя «Освободительной революцией») и правительство, известное как правительство «Освободительной революции».

Это последняя глава, посвященная собственно истории, поскольку в двух заключительных главах мы обобщим сказанное выше. Но стоит отметить, что в силу неоднозначности событий, описанных в настоящей главе, она полна субъективных суждений. Я старался быть как можно более добросовестным, но требовать от историка, пишущего о новейшем времени, полной объективности не стоит, потому что это требование невыполнимо.

Постараемся рассмотреть факты беспристрастно и отбросим личные симпатии и эмоции. Я говорю это, потому что я сам был среди тех, кто воспринял революцию 1955 г. как освобождение, как конец кошмара. Но впоследствии я постарался забыть о личных пристрастиях и понять сторонников Перона. Я попытался отбросить предубеждения и посмотреть на эти процессы с позиций наших дней, как на далекий исторический факт, не повлиявший на мою собственную жизнь.

Сентябрь 1955 года

Одной из загадок новейшей истории Аргентины является то, как Лонарди, имевший так мало сторонников, сумел добиться столь быстрой победы. И соответственно возникает другой вопрос: почему Перон, обладавший огромной властью, пал так стремительно? Я считаю, что ответ надо искать в духовной сфере, хотя, возможно, кому-то это и покажется странным. С моей точки зрения, Перон психологически проиграл в сентябре 1955 г., а его противники, в свою очередь, были готовы победить любой ценой.

Лонарди располагал поддержкой всего флота, однако это никогда не было определяющим фактором во время вооруженных восстаний. Лонарди считал (дальнейшие события подтвердили его правоту), что достаточно создать антиперонистский очаг в стратегическом регионе страны и режим Перона рухнет. Перон, за несколько недель до начала конфликта предложивший оппозиции войну и мир одновременно, увидел, что военные части, направленные в Кордобу для подавления конфликта, действуют неохотно, а самолеты лишь кружат над зоной конфликта и не предпринимают решительных действий. Кроме того, Перон перестал доверять своим генералам. Он решил не вооружать профсоюзы (хотя много раз говорил о такой возможности еще до начала конфликта), хранил молчание и, казалось, не управлял операциями по подавлению восстания.

Сын Лонарди в своей книге «Бог справедлив» рассказывает, что установка отца перед началом восстания была «действовать как можно более жестоко». Восставшие считали, обоснованно или нет, что на кону стоят их жизни. Безумные слова Перона, произнесенные 1 сентября, оправдывали их действия. Напротив, власти в лице главы Всеобщей конфедерации труда просили сохранять спокойствие.

Все это, с моей точки зрения, явилось следствием длительной гегемонии Перона. Он допустил ряд ошибок, что было неизбежно, потерял связь с различными общественными силами, поэтому в его дело уже не верили. Бесспорно, половина страны продолжала поддерживать Перона, но также верно и то, что никто не вышел на улицу защищать его режим. Власти также не призывали граждан к сопротивлению.

Так нерушимый, как казалось, перонистский режим распался всего за четыре дня под давлением нескольких военных кораблей

(которые в худшем случае могли начать стрельбу, но были не способны решить ход борьбы) и в результате действий Лонарди, осажденного в центре Кордобы. Это, на мой взгляд, является уроком, который, во-первых, говорит о том, что длительное пребывание одного человека у власти является ошибкой, а во-вторых, доказывает, что любой политический проект основывается на неких духовных импульсах, позволяющих ему развиваться.

Не стоит подробно описывать развитие конфликта. 16 сентября на рассвете генерал в отставке Лонарди вместе с группой молодых офицеров поднял восстание в окрестностях Кордобы, в то время как несколько военных кораблей вышли из Пуэрто-Бельграно по направлению к Рио-де-Ла-Плате. Двадцать первого сентября, также на рассвете, Перон укрылся в посольстве Парагвая. «Освободительная революция» победила фактически без борьбы и положила конец десятилетнему правлению Перона.

Я скажу еще несколько слов от себя. По прошествии времени я пришел к выводу, что «Освободительная революция» была негативным событием. Если бы она не началась, Перон был бы вынужден реформировать режим, продолжить реформы, начатые в июле, и, возможно, его правление закончилось бы поражением на выборах. Революционное свержение Перона не позволило внести изменения в систему, силовое решение положило начало длительному периоду существования слабых, зависимых конституционных правительств и военных режимов, неизбежно терпевших провалы. Но это хорошо видно сегодня. В то время борьба была бескомпромиссна, и половина страны, в том числе и я сам, приветствовала падение Перона, не понимая, что свержение конституционного правительства никогда не бывает позитивным событием.

Перед тем как перейти к другой теме, я хочу обратить внимание на два аспекта, связанных с аргентинской политической культурой. Первый касается того, просьбы Перона об убежище и признании им своего поражения без борьбы. Его враги сказали, что он испугался; сам Перон утверждал позднее, что он не хотел кровопролития и уничтожения имущества нации. Как бы там ни было, поведение Перона избавило аргентинцев от многочисленных страданий, так как восстание могло вылиться в настоящую гражданскую войну.

Второй аспект также связан с Пероном. Уже после того, как Перон эмигрировал в Парагвай, некоторые решительно настроенные военные предлагали захватить и потопить корабль Перона,

вместе с самим бывшим президентом. Эти безумные идеи были отвергнуты властями, и министр иностранных дел Марио Амадео лично способствовал тому, чтобы он спокойно жил в изгнании. Иными словами, несмотря на ненависть к политическим противникам, все же возобладало благоразумие (возможно, свою роль здесь сыграла и удача), борьба за власть была поставлена в определенные рамки, и сохранилось уважение к правовым нормам, которые должны быть выше людских страстей и политических столкновений.

Провал Лонарди

Двадцать второго сентября 1955 г. генерал Эдуардо Лонарди стал временным президентом. В его кабинет министров вошли представители разнородных сил: от ярых либералов до националистов-католиков, выступивших против Перона по причине его конфликта с церковью. Такой состав правительства отражал неоднородность сил, поддержавших «Освободительную революцию». Лонарди был военным в отставке, политически неопытным, однако у него был план, о котором он поведал своим ближайшим соратникам: временное правительство должно просуществовать недолго, нельзя делить страну на победителей и побежденных и нужно искать политические решения, которые не вызовут недовольства сторонников Перона.

Такую программу оказалось невозможно реализовать на практике. Новое правительство поддерживали люди, затаившие обиды на перонизм, и они требовали справедливости. Кроме того, существовал государственный аппарат и близкие к перонизму организации, сформировавшиеся за десять лет правления Перона. Было нелогично оставлять их нетронутыми. Военные, уволенные из армии и заключенные в тюрьму после попытки переворота 1951 г., требовали восстановления в рядах вооруженных сил. Бывшие владельцы газеты «Пrensa» выступали за возвращение своей собственности, уволенные с государственной службы по политическим мотивам также хотели вернуться на свои должности. А наиболее радикальные противники Перона оказывали давление на правительство и требовали роспуска Перонистской партии, Всеобщей конфедерации труда и главных профсоюзов, что несколько раз было отвергнуто Лонарди.

Лонарди должен был обладать лучшими качествами Роки, Иригойена и Перона, чтобы осуществить свои благие замыслы. Но он был всего лишь человеком доброй воли, не имевшим большинства ни в антиперонистских партиях, ни среди тех, кто осуществил «Освободительную революцию». Кроме того, он ошибся с назначением ряда близких соратников, так как некоторые из них ранее входили в полуфашистские организации.

В начале ноября был вынужден подать в отставку министр вооруженных сил, не выдержавший давления подчиненных, требовавших очищения страны от перонистов. Ожидалось, что Лонарди поделится властью с генералитетом, однако он отказался сделать это, и его свергли фактически без сопротивления в результате неизбежного дворцового переворота, впрочем заставшего многих врасплох. Несколько месяцев спустя Лонарди, не принимавший более участия в политической жизни страны, скончался. Он уже был серьезно болен, когда пришел к власти, но как мужественный человек не показывал вида как ему было трудно исполнять обязанности президента.

Арамбуру и конец неопределенности

Новый временный президент, генерал Педро Е. Арамбуру, был главой первого этапа заговора против Перона, однако в начале сентября 1955 г. генерал посчитал, что у него недостаточно сил для свержения президента, и отказался возглавить переворот. Его место занял Лонарди — дальнейшее хорошо известно. Во время «Освободительной революции» Арамбуру оставался в тени. После победы восставших он стал начальником Генерального штаба армии, а затем возглавил страну благодаря поддержке наиболее реваншистски настроенных военных, а также либералов.

С приходом к власти Арамбуру пришел конец неопределенности. Стало ясно, кто победил, а кто проиграл. Это было неизбежно. Арамбуру вмешался в дела Перонистской партии, Всеобщей конфедерации труда и большинства профсоюзов; активизировалась работа комиссий, расследовавших деятельность перонистского режима для осуществления суда над виновными; было запрещено использование перонистской символики; подверглись аресту многие политические и профсоюзные лидеры. Именно в ноябре перонисты в полной мере ощутили последствия свержения Перона.

Что касается дальнейшего политического развития страны, то Арамбуру, говоря о нем, ограничился фразой, что выборы будут проведены «ни минутой раньше, ни минутой позже», и этого двусмысленного заявления оказалось достаточно, чтобы убедить общественное мнение в том, что Арамбуру не стремится к увековечию собственной власти.

Окружение Арамбуру считало, что ситуация была простой: достаточно показать стране, что режим Перона был лживым. По прошествии некоторого времени, полагали они, народ перестанет поддерживать Перона, и тогда можно будет провести выборы, на которых с большой долей вероятности победит сторонник и защитник ценностей «Освободительной революции».

Однако народ не перестал верить в экс-президента. Рядовые сторонники Перона не придали значения словам о его ошибках, оргиях и аферах и предпочли помнить о социальных завоеваниях, о благотворительной деятельности Эвы Перон, о возможности пользования ранее недоступными благами (например, об отдыхе на лучших курортах), о профсоюзной поддержке, об улучшении качества жизни народа.

Некоторые перонистские активисты попытались организовать сопротивление, но безуспешно. В профсоюзах новое поколение сменило оппортунистов, пользовавшихся привилегиями во время правления Перона, однако не сделавших ничего для защиты режима в трудный момент. Экс-президент сначала из Каракаса, а затем из Санто-Доминго посылал безумные инструкции по организации военного сопротивления и саботажа правительства де-факто. Однако это не заставило простых людей начать массовые акции против нового правительства. Вместе с тем они не поддались и на пропаганду, направленную против Перона. Хотя в определенный момент советники Арамбуру имели основания полагать, что процесс «деперонизации» страны будет иметь успех.

В любом случае намерение искоренить, насколько это было возможно, симпатии к Перону проявилось в 1956 г. два раза. Сначала в мае, когда временное правительство отменило Конституцию 1949 г. и вернулось к Конституции 1853 г., пообещав при этом реформировать ее на конституционной ассамблее. А другое событие, произошедшее в июне 1956 г., стало одним из самых трагичных в новейшей истории Аргентины. В этом месяце группа перонистских военных в отставке попыталась начать военный переворот в разных регионах страны. Их успехи были незначительны,

восстание подавили в течение нескольких часов. Временное правительство объявило о введении законов военного времени и приказало расстрелять всех, кто был схвачен с оружием в руках. И несмотря на то что восстание было подавлено, более тридцати военных и гражданских лиц были расстреляны, среди них и глава заговора, генерал Хуан Х. Валье.

Более ста лет в Аргентине не расстреливали по политическим мотивам, и это трагическое событие потрясло общество. Были те, кто приветствовал расстрелы, но большинство отвергло такое жестокое наказание. Хотя это отторжение не получило огласки на страницах газет, оно ощущалось во всех слоях общества. Расстрелы же означали, что лидеры «Освободительной революции» готовы идти до конца.

Главные общественные проблемы

Тем временем значительные изменения происходили внутри аргентинского общества. Одним из самых важных достижений стали свобода слова и открытые дебаты. Перонистский режим, как и любой авторитарный режим, не поощрял дискуссии о проблемах страны. Подразумевалось, что все хорошо, а если что-то и плохо, то Перон постепенно исправит это. Контроль над средствами массовой информации позволил поддерживать эти иллюзии в течение всего периода правления Перона.

Новое правительство способствовало началу дискуссий, передав газеты и журналы различным политическим силам (естественно, перонисты не получили ничего). Вскоре начались дебаты по главным общественным проблемам: о роли государства в экономике, об иностранных инвестициях, о промышленной и аграрной политике, о роли Аргентины в международных отношениях, о поставках топлива и т.д.

Стоит отметить, что правительство, возникшее в результате «Освободительной революции», не имело четкой позиции по большинству из этих вопросов. Оно и не могло иметь ее, поскольку было неоднородным и, кроме того, непоследовательным. Так, правительство одобрило Доклад Пребиша по реформе экономики, но не осуществило на практике его рекомендации; распустило некоторые наиболее критикуемые учреждения перонистского режима, например Аргентинский институт развития торговли,

но при этом практически не тронуло государственный аппарат перонизма; правительство пошло на вступление Аргентины в Международный валютный фонд, но внешняя политика страны оставалась крайне противоречивой; оно создало зону свободной беспошлинной торговли в Патагонии, что было подвергнуто серьезной критике, и с интересом отнеслось к Плану Ядарола, предусматривавшему превращение Аргентинской нефтяной компании в подрядчика иностранных нефтяных компаний, однако и в этом случае дальше разговоров дело не пошло.

Открытые дискуссии о будущем страны стали одним из самых позитивных явлений правления Арамбуру. Такие же дебаты шли почти во всех аргентинских политических партиях того времени. Перонизм подвергался преследованию и замалчиванию и даже, казалось, перестал существовать, в то время как в других партиях споры по ключевым вопросам развития страны в отдельных случаях привели к расколу.

Это было логично. Во время десятилетнего господства Перона оппозиционные партии могли выжить, лишь сохранив единство любой ценой. Раскол стал бы самоубийством. После свержения Перона внутренние противоречия, различия во взглядах и личные амбиции стали очевидными, так же как и желание говорить обо всем, что было запрещено в период перонизма.

Социалистическая партия распалась на две фракции, Консервативная на три, а главная оппозиционная сила — ГРС, сохранивший хрупкое единство во время правления Перона, раскололся в 1957 г. на две партии. Одну из них, тяготеющую к поддержке правительства, возглавил Рикардо Бальбин. Другая партия, под руководством Артуро Фрондиси, все чаще сталкивалась с новым правительством, сближалась с перонистами и выдвигала прогрессивные лозунги, находившие поддержку среди молодежи, интеллектуалов и прогрессивных слоев общества.

Избрание Конституционного собрания и президентские выборы

В начале 1957 г. правительство Арамбуру объявило о предстоящих выборах в Конституционное собрание, которые должны были пройти в июле. Эта мера преследовала две цели: политическую и институционную. В тот момент правительство считало необ-

ходимым утвердить отмену Конституции 1949 г. на представительной ассамблее (напомним, что конституция была отменена правительственным указом). Кроме того, выборы в Конституционное собрание позволяли узнать общественные настроения, «замерить пульс общества», понять предпочтения электората перед президентскими выборами, о точной дате которых еще не было объявлено.

Итоги выборов разочаровали правительство. Перон, находившийся в Каракасе, приказал своим сторонникам голосовать против всех, и так поступили 24% избирателей. Таким образом, перонисты сохранили большинство сторонников. «Народные радикалы» под руководством Бальбина также получили почти 24%, «Непримиримые радикалы» во главе с Фрондиси набрали 21% голосов. Так как в стране действовала пропорциональная избирательная система, Конституционное собрание должно было стать отражением политических пристрастий аргентинцев, несмотря на отсутствие Перонистской партии. Некоторые депутаты Конституционного собрания ранее являлись перонистами, но затем покинули ряды движения.

Конституционное собрание начало работу в Санта-Фе. Депутаты — сторонники Фрондиси отказались участвовать в заседаниях и покинули собрание. Без них едва набирался кворум. Решение сторонников Фрондиси было на руку перонистам, так как они выступили против собрания, проголосовав против всех. Тем не менее собрание подтвердило правомочность Конституции 1853 г., к тексту которой были добавлены положения о социальных гарантиях. Затем собрание было распущено. Началась подготовка к избирательной кампании, которая должна была определить судьбу страны на ближайшие годы. Речь шла о выборах президента, вице-президента, губернаторов, сенаторов, депутатов и т.д., назначенных на 23 февраля 1958 г.

Редко когда в Аргентине наблюдалась подобная политическая активность. Фрондиси постоянно консультировался с перонистами и надеялся получить от них столь необходимую ему поддержку на выборах. Одновременно он выдвинул программу, способную удовлетворить самые разные силы: католиков и атеистов, промышленников и либералов, прозападников и левых. Фрондиси был преподавателем, выдвинувшим план развития «для 20 миллионов аргентинцев», и его фигура представляла собой невиданное ранее явление в аргентинской политике.

Напротив, Бальбин оказался вынужден действовать в очень узких рамках, стараясь одновременно поддерживать правительство и вербовать новых сторонников. В выборах участвовали еще шесть кандидатов, но было очевидно, что победить должен или Фрондиси, или Бальбин. Они оба сделали карьеру в ГРС и в 1951 г. выступали против переизбрания Перона, а теперь вели ожесточенную борьбу между собой.

Перон, в свою очередь, оказался в трудном положении. Было сомнительно, что его сторонники и на этот раз проголосуют против всех. Теперь речь шла о выборах властей на целых шесть лет, тысячи кандидатов участвовали в выборах на всех уровнях. Остаться в стороне означало потерять большую часть политического влияния. Кроме того, становилось очевидно, что рядовые перонисты склонялись к кандидатуре Фрондиси, который резко критиковал правительство Арамбуру, обещал уважать единство рабочего движения и покончить с ненавистью и реваншизмом по отношению к перонистам.

Существовал ли пакт между Пероном и Фрондиси? Последний всегда отрицал факт подписания предвыборного соглашения. Но бесспорно то, что имели место переговоры между ближайшими соратниками Фрондиси и Перона. И также несомненно, что за две недели до выборов Перон по разным каналам отдал приказ голосовать за Фрондиси. Однако это было не так уж и важно. И без приказа Перона Фрондиси одержал бы победу, хотя наверняка не такую убедительную.

Двадцать третьего февраля 1958 г. Фрондиси получил 49% голосов и был избран президентом. Бальбин набрал 29%, и 8% избирателей проголосовали против всех. Партия Фрондиси выиграла все выборы губернаторов, заняла все места в Сенате и две трети мест в Палате депутатов. Такой триумф был невиданным явлением в истории Аргентины. Но «первородный грех» — поддержка перонистов — в будущем еще обернется против Фрондиси.

Однако в те дни никто не понимал этого. Сторонники Фрондиси пребывали в эйфории, и общественное мнение склонялось к тому, что страна, наконец, встала на путь нормализации политической жизни. Хотя внутри правительства были те, кто не желал признавать результаты выборов. Однако Арамбуру поспешил поздравить Фрондиси с избранием и подтвердил намерение передать ему власть.

Первого мая 1958 г. Артуро Фрондиси занял пост президента, и на этом месте я заканчиваю повествование об аргентинской истории и позволю себе поделиться некоторыми общими соображениями.

Тяжелое наследие

Несмотря на благие намерения деятелей «Освободительной революции» и временного правительства, эта революция привела к весьма негативным последствиям. Ранее я отметил, что начало революции в сентябре 1955 г. не позволило Перону внести важные изменения в свою политику. Встает вопрос: какой Перон был настоящим? Тот, который национализировал железные дороги, или тот, который вел переговоры о предоставлении огромной концессии иностранной нефтяной компании в Патагонии? Перон, который выступал за Третий путь, или Перон, отчаянно стремившийся получить поддержку США? Перон, пропагандировавший социальную справедливость, или Перон, отменивший некоторые социальные завоевания после Конгресса производителей? Перон, говоривший о примирении, или Перон, обещавший убить пятерых оппозиционеров за каждого убитого перониста? «Освободительная революция» спасла Перона от еще больших противоречий. Хотя, конечно, восставшие не думали об этом, для них свержение Перона было вопросом жизни или смерти.

Тем не менее самым негативным результатом революции стало то, что армия начала исполнять роль защитника страны от перонизма. Это повлекло за собой бесчисленные вмешательства в деятельность Фрондиси и в конце концов привело к его свержению. Антиперонисты заставили временного президента Хосе Марию Гидо (он был скромным, не слишком влиятельным патриотом) провести такие выборы, на которых у перонистов не было шансов войти в правительство. Опасность очередного триумфа перонистов привела к свержению Ильиа, а режим Онгания, в свою очередь, исходил из идеи о том, что нужно «заморозить» политическую жизнь в стране, пока «проклятый перонизм» не сотрется из памяти людей.

Другими словами, после «Освободительной революции» армия была готова на все, лишь бы не допустить возрождения перонизма ни под каким видом. Это деформировало аргентинскую демо-

кратию, привело к появлению слабых, зависимых конституционных правительств и нелегитимных военных режимов, в конечном итоге терпевших провал.

В то же время перонизм находился под запретом и не мог создать политическую партию. Поэтому перонисты начали искать альтернативные пути влияния на политику страны и нашли этот путь в профсоюзной деятельности. Таким образом, Всеобщая конфедерация труда и другие профсоюзы, по сути, заменили Перонистскую партию, запрещенную после «Освободительной революции». Профсоюзное движение оказывало давление и атаковало правительство так, как это делают оппозиционные партии, но при этом было свободно от ограничений, свойственных политическим партиям. Такая ситуация была ненормальной. Это ослабило правительства Фрондиси и Ильяи и стало источником постоянных конфликтов в период правления Онгания. Иными словами, после «Освободительной революции» политическая система деформировалась: армия превратилась в жандармов, охранявших страну от перонистов, а рабочее движение стало играть роль Перонистской партии.

Возможно, это упрощенная схема, но я считаю, что в целом она верна. Присутствие военных в политике наложило отпечаток на политическую жизнь страны и привело к неверию в демократию. Ее заменила вера в мифическую «национальную революцию», в социализм и другие вредные утопии. Естественно, я не снимаю вины и с Перона, который, находясь в изгнании, также выступал за силовые решения. Но очевидно, что после «Освободительной революции» управлять страной при участии перонистов было невозможно, и одновременно факты показали, что нельзя было править без перонистов, а тем более против них.

В те годы чувство ненависти и жажда мести были широко распространены в аргентинском обществе. Находясь у власти, перонизм своим авторитаризмом и всевластием посеял в обществе эти чувства, и деятели «Освободительной революции» с лихвой отплатили за обиды. Стороны не видели друг в друге ничего хорошего, они были врагами, а не противниками, и это крайне негативно влияло на аргентинское общество в течение многих лет. Только время смогло постепенно заживить эти глубокие раны. Время и здравые чувства большинства аргентинцев, которые обычно берут верх, когда их искусственно не провоцируют на насилие и нетерпимость.

XV. Хрупкая демократия

Исключение перонистов из политической жизни означало, что демократическая система в Аргентине будет непрочной и нестабильной. Один военный переворот следовал за другим, демократические правительства были слабыми и соблюдали неписанный договор — делать все, чтобы не допустить возвращения перонистов к власти. Движение перонистов просуществовало несколько десятилетий и оказало влияние на политическую систему страны. Военное правительство, возникшее в результате «Освободительной революции», было вынуждено уступить власть после выборов, однако военные взяли на себя роль контролеров и внимательно следили за деятельностью гражданских правительств. После 1955 г. политические партии перегруппировались, и большинство из них разделились в результате споров о том, как относиться к Перону и перонистам.

Гражданский радикальный союз стал первой и наиболее влиятельной партией, не сумевшей сохранить единую позицию по отношению к перонистам, которых поддерживали миллионы простых людей. В результате раскола возник Гражданский радикальный союз народа и Гражданский радикальный союз непримиримых, ставшие противниками на президентских выборах 1957 г. Тогда победу одержал Фрондиси, за которого проголосовали перонисты. В 1963 г. ГРС непримиримых распался еще на две части. Из-за похожих причин разделились на ряд фракций консерваторы, а Социалистическая партия стояла на грани раскола. Среди военных — и в период правления Лонарди, пытавшегося вести переговоры, и во время крайнего авторитаризма Арамбуру — также

существовали разные точки зрения на то, как относиться к движению, казавшемуся неукротимым.

Все правительства были вынуждены иметь дело с «Перонистским сопротивлением» — такое название получила подпольная борьба, которую вели рядовые члены перонистских профсоюзов на предприятиях и в бедных районах. Эта борьба придала перонизму героический ореол и служила моральным оправданием действий Перона, находившегося за границей.

В Аргентине причиной кризиса стало существование массового движения (похожая ситуация наблюдалась в Европе в период между Первой и Второй мировыми войнами), не желавшего интегрироваться в политическую систему без предоставления его членам социальных гарантий. Однако зарождавшаяся промышленная буржуазия была не в состоянии удовлетворить социальные требования масс. В Аргентине этот новый класс предпринимателей не был достаточно динамичным для форсированной индустриализации, требовавшей расширения внутреннего рынка. Фрондиси начал искать новые подходы, которые, с его точки зрения, могли решить как социально-экономические, так и политические проблемы Аргентины.

Десаролистский опыт

Фрондиси и его ближайший соратник Фрихерио (ранее он был марксистом) считали Аргентину слаборазвитой страной. В этом заключалась причина всех ее бед. Приоритетом правительства была модернизация. Сторонники этой точки зрения стали известны как «десаролисты». Экспорт сельскохозяйственных продуктов приносил маленькую добавленную стоимость, в то время как импорт капиталов и промышленных товаров обходился дорого. Это постоянно ухудшало условия обмена и приводило к вывозу прибылей из страны. С точки зрения десаролистов слаборазвитость одних стран и высокоразвитость других взаимосвязаны, это две стороны одной медали. Этот структурный «дефект» был причиной высокой инфляции, дефицита торгового баланса и нехватки валюты, что провоцировало резкие переходы от экономического подъема к рецессии. Поэтому для преодоления слаборазвитости нужно было устранить ее глубинные причины. В промышленном развитии Аргентины упор делался на легкую промыш-

шленность; это требовало еще большего импорта и увеличивало хронический дефицит платежного баланса. Решением была новая индустриализация, основанная на базовых отраслях: сталелитейной, нефтехимической, машиностроительной, металлургической, целлюлозной, автомобильной и энергетической. Для проведения индустриализации требовалась активная политика государства, которое должно было стимулировать иностранных инвесторов и вкладывать капиталы в стратегические отрасли экономики. Пожалуй, самой важной отраслью являлась нефтяная промышленность. Фрондиси отошел от националистических взглядов в этом вопросе и начал проводить более либеральную политику, что привело к ухудшению отношений с перонистами. Фрондиси уделял особое внимание производству стали, а также машиностроительной и автомобильной промышленности. Приходу иностранных инвестиций способствовало принятие в 1958 г. законов, уравнивавших в правах местные и иностранные капиталы и устранявших все ограничения на вывоз прибылей. Инвесторам гарантировались кредиты, таможенные льготы, поставки электроэнергии и государственные закупки. Результаты такой политики были значительны: иностранные инвестиции выросли более чем в десять раз, с приблизительно 20 миллионов долларов в 1957 г. до 248 миллионов в 1959 г. В следующие два года инвестиции выросли еще на 100 миллионов долларов. В энергетической отрасли среди прочих мер была создана фирма «Электроэнергетические услуги в Буэнос-Айресе». За три года автомобильное производство увеличилось в три раза, а в целом наблюдался 80-процентный рост промышленного производства.

Несмотря на эти меры, рассчитанные на долгосрочную перспективу, торговый дефицит и инфляция продолжали расти. Такая ситуация привела к принятию плана строгой экономии, который был реализован на практике министром экономики Альваро Альсогоарем, занявшим этот пост в июне 1959 г. Он начал девальвацию песо, заморозил зарплаты, отказался от контроля над ценами и от государственного регулирования, что быстро привело к снижению доходов населения и росту безработицы.

Начало конца эксперимента Фрондиси связано с ухудшением социальной ситуации и недоверием военных к этому политику, пришедшему к власти благодаря пакту с Пероном. Военные полагали, что Фрондиси не сможет остановить волнения перонистов. Действительно, план строгой экономии, начавший проводиться на вто-

ром этапе президентства Фрондиси, привел к серьезному столкновению власти и перонистских профсоюзов. Конфликт на мясохладобкомбинате «Лисандро де ла Торре» в январе 1959 г. закончился репрессиями и ознаменовал изменения в рабочей политике правительства, чей план по стабилизации привел к снижению зарплат. Перонисты начали действовать жестко и приняли «План по расшитыванию государства», в соответствии с которым забастовщики перекрыли железные дороги и блокировали здания банков. Многие члены профсоюзов были арестованы; политическим результатом этих событий стал «развод» Фрондиси с перонистами.

Через два года после Кубинской революции на собрание Межамериканского совета по социальному и экономическому развитию, состоявшемуся в городе Пунта-дель-Эсте, в Аргентину в качестве министра промышленности Кубы прибыл Эрнесто «Че» Гевара, и Фрондиси встретился с ним. Фрондиси пообещал выступить против исключения Кубы из Организации американских государств. Это обещание было выполнено в 1962 г. во время конференции министров иностранных дел стран американского континента, также прошедшей в Пунта-дель-Эсте, на которой аргентинский министр иностранных дел Мигель Анхель Каркано выступил против исключения Кубы. Такая позиция вызвала ярость военных, тесно связанных с внешней политикой США. Под давлением армии Фрондиси пошел на попятную и разорвал отношения с Кубой. Тем не менее недовольство армейских кругов сохранялось.

Разногласия военных и правительства по вопросу о выборах, и решили судьбу последнего. Перонисты смогли с помощью создания новых провинциальных «неперонистских» партий провести активную избирательную кампанию. Это вызвало беспокойство в армии. Было трудно запретить этим партиям участвовать в выборах, но принять возможную победу перонистов представлялось совершенно недопустимым. Победа Фрамини, видного перонистского профсоюзного деятеля, выступившего кандидатом «Народного союза» в провинции Буэнос-Айрес, а также победы перонистов в Тукумане, Чако, Сантьяго-дель-Эстеро, Рио-Негро и в других провинциях переполнили чашу терпения военных. Фрондиси поспешил вмешаться в дела этих провинций и согласился с требованиями вооруженных сил, чтобы защитить свое правительство. Однако принятые им меры говорили о том, что он обречен, и никакие уступки не могут вернуть ему доверие армии.

Тем не менее правление Фрондиси было, пожалуй, самой умной, последовательной, созидательной и творческой попыткой изменить аргентинские реалии. Возможно, многие меры Фрондиси были преждевременны и его замыслы остались непонятны современникам. Как бы там ни было, свержение Фрондиси вновь погрузило Аргентину в болото.

Зависимые президенты

Почти сразу после свержения Фрондиси президентское кресло занял сенатор от Рио-Негро Хосе Мария Гидо. Под давлением военных он подписал акт, в котором обещал аннулировать результаты выборов 18 марта 1962 г., принять новый избирательный закон, а также реформировать закон о профессиональных объединениях для обеспечения «полной свободы профсоюзов» и предотвращения «использования профсоюзов в качестве политического инструмента».

Два негативных явления повлияли на ситуацию в стране в период с 1962 по 1963 г. Одним из них была экономическая рецессия, начавшаяся в период недолгого пребывания на посту министра экономики Федерико Пинедо — одного из наиболее видных деятелей консерваторов. Другим негативным явлением стали трения и конфликты в армии; их обострение вызывало беспокойство в обществе и могло закончиться вооруженными столкновениями с непоправимыми последствиями.

В августе 1962 г. сторонники установления военной диктатуры под руководством Федерико Торансо Монтеро начали восстание и потребовали отставки министра вооруженных сил, нарушившего, по мнению восставших (их стали называть легалистами), внутренний армейский устав повышений по службе. Министр подал в отставку, и его место занял один из легалистов. Сторонники свергнутого министра выстроили войска в центре Буэнос-Айреса, легалисты начали ответные действия, однако вмешательство президента помогло избежать открытого столкновения, и в стране установился непрочный мир. Вскоре конфликт разгорелся с новой силой, и с 17 по 23 сентября 1962 г. в Буэнос-Айресе, по сути, установилось военное положение. В Кампо-де-Майо произошло восстание под командованием генерала Хуана Карлоса Онгания. Восставшие требовали возвращения к профессиональной армии

и были недовольны анархией, царившей в вооруженных силах. Произошли столкновения на площади Конституции и в парках Чакабуко и Авельянеда. По радио восставшие передавали послания, в которых утверждали, что они борются за избирательные права народа. Легалисты стали называться «синими», а их противники, антиперонисты, управлявшие министерством вооруженных сил, получили название «красных». В конце концов, после ряда интриг и переговоров, «красные» сдались. Победа «синих» привела к назначению Онганя главкомандующим.

После этого кризиса правительство продолжало осуществлять план по интеграции перонистов, но при этом препятствовало их лидерам занимать властные посты. Правительство намеревалось создать широкий политический фронт, который должен был получить поддержку перонистских масс, однако при этом ключевые посты резервировались за представителями других сил. Но давление антиперонистов не позволило осуществить этот проект. Выборы состоялись 7 июня 1963 г., и в них не позволили принять участие «Народному союзу», а также другим организациям, заподозренным в перонизме. Победу на выборах одержал Артуро Илья, кандидат от Гражданского радикального союза народа.

Илья было шестьдесят три года, он занимал пост вице-губернатора провинции Кордоба, и избиратели, разочаровавшиеся в демократической системе, не ждали от него многого. Так же как и Гидо, он проводил политику интеграции перонистов и пообещал отменить все избирательные запреты.

Одним из наиболее важных экономических решений Илья стала отмена контрактов, подписанных Аргентинской нефтяной компанией с тринадцатью иностранными фирмами в период с 1958 по октябрь 1963 г. Пострадавшим фирмам были выплачены крупные компенсации. Десарольисты выступили в Конгрессе против этой меры, шедшей вразрез с их экономической теорией, и тем самым отомстили Гражданскому радикальному союзу народа за его непримиримую оппозицию по отношению к Фрондиси. Аннулирование контрактов вызвало неприязнь предпринимателей и иностранных инвесторов к новому правительству. США через своего посла в Аргентине также выразили недовольство.

Правительство Илья не имело большого числа политических союзников и не сумело добиться доверия вооруженных сил. Кроме того, пресса начала яростную кампанию, целью которой была полная дискредитация правительства. В журналах открыто вы-

смеивалась фигура президента. Ильяна сравнивали с черепахой и обвиняли в бездействии. Его настойчивые попытки добиться соглашения с перонистами в конце концов переполнили чашу терпения военных. Правительство разрешило перонистам выдвинуть кандидатов на выборах в законодательные органы в марте 1965 г. Перонисты получили 3 миллиона 400 тысяч голосов, а правящая партия — 2 миллиона 600 тысяч. Этот триумф стал ушатом холодной воды для военных и других антиперонистских общественных сил. Власть не хотела признавать результаты выборов, победу на которых одержали ее политические противники. В 1966 г. очередной военный переворот положил начало новому этапу.

Правительство «длинных палок»

Формальность выборов и анархия, вызванная правлением Ильяна, поставили Аргентину на грань распада. Так считала значительная часть аргентинского общества, поддерживавшая новое правительство.

Онгания начал кампанию по моральному обновлению общества сверху. Он сумел покончить с фракциями в рядах вооруженных сил и попытался реорганизовать государство на основе западных ценностей для успешного противостояния, как казалось, неминуемой опасности — установлению коммунистического режима в Аргентине, такого же, как на Кубе. Онгания с восхищением относился к США и называл свое правление «Аргентинской революцией». Он установил цензуру, проникшую во все сферы общественной жизни. Политические партии были запрещены, и морализаторские проповеди стали основой повседневной жизни.

Наиболее оппозиционно по отношению к Онгания были настроены академические круги. Университет, претендовавший на независимость, выступил против режима и поплатился за это. Правительство решило применить силу, и произошло трагическое событие известное как «Ночь длинных палок», когда полиция ворвалась на территорию факультета точных наук Университета Буэнос-Айреса с целью разгона ассамблеи (само существование ассамблеи нарушало новый закон, ограничивавший общественные собрания). Полиция избила руководителей факультета, преподавателей и студентов. В стране воцарилась крайне неблагоприятная атмосфера для научной деятельности, и многие из лучших препода-

давателей и исследователей эмигрировали, что стало значительной потерей для Аргентины.

Онгания назначил министром экономики Адальберта Кригера Васену, ортодоксального либерала, который, тем не менее, стремился с помощью активной государственной политики поддерживать новые отрасли промышленности, возникшие благодаря политике десаролистов. В этот период зарплаты снизились из-за репрессивной политики по отношению к профсоюзам. В первые годы правления Онгания рабочее движение казалось дезориентированным. Споры по тактическим вопросам привели к расколу Всеобщей конфедерации труда. Требования большей демократии внутри профсоюзного движения были услышаны, и в 1967 г. возникла Аргентинская всеобщая конфедерация труда, которую возглавил рабочий типографии Раймундо Онгаро. Он выступил против старого руководства профсоюза во главе с Аугусто Вандором, так как считал его слишком «бюрократизированным».

В 1969 г. произошли одни из самых сильных студенческих волнений в истории Аргентины. Под впечатлением майских событий 1968 г. во Франции аргентинские студенты вышли на улицу с узкопрофессиональными требованиями, но при этом они резко выступили против диктатуры и были поддержаны значительной частью среднего класса, разочарованного репрессивным режимом Онгания. Социальный протест охватил большую часть Кордобы: там протесты студентов совпали с выступлениями рабочих, решительно настроенных перонистов и левых. Такой союз был взрывоопасен. Двадцать девятого и тридцатого мая рабочие и студенты заняли центр города. Они вступили в столкновения с полицией и быстро обратили ее в бегство. Беспорядки продолжались весь день, и манифестанты захватили контроль над городом. Только через три дня федеральная армия смогла подавить народный протест. Это восстание, вместе с выступлениями в других провинциях, оказало глубокое воздействие на аргентинскую политику, положило начало радикализации социальной борьбы и во многом предопределило судьбу правительства.

Ситуация была деликатной. К социальным протестам добавились действия партизанских организаций. В том же, 1969 году организация «Монтонерос» взяла ответственность за убийство Аугусто Вандора, видного деятеля профсоюза металлургов, а в 1970 г., во время празднования Дня армии, совпавшего с годовщиной начала восстания в Кордобе, был похищен и убит генерал

Арамбуру. Это событие потрясло Аргентину. Многие перонисты восприняли это с удовлетворением: с их точки зрения, Арамбуру был ответствен за убийство генерала Валье и Хосе Леона Суареса, расстрелянного на городской свалке ночью 9 июня 1956 г.

После отставки Кригера Васены, вызванной восстанием в Кордобе и его неспособностью сдержать социальные протесты, правительство потеряло престиж в глазах самих военных. Онганья был смещен, и на его место пришел генерал Родольфо Левингстон, заурядный деятель, не принадлежавший ни к одной из армейских фракций. В ноябре 1970 г. в результате переговоров представителей Перонистской, Радикальной, Социалистической, Консервативной и других партий возникла коалиция, получившая название «Время народа». Давние враги объединились под лозунгами нормализации политической жизни, срочного проведения выборов и новой социальной политики. После долгих лет бездействия различные политические силы возвращали себе контроль над политической жизнью. Профсоюзы и организации предпринимателей примкнули к этой коалиции, и Левингстон оказался в изоляции.

Алехандро Агустин Лануссе возглавил правительство в марте 1971 г. Правление Лануссе считалось переходным, и от него ждали назначения даты демократических выборов с участием перонистов для преодоления кризиса легитимности, поразившего политическую систему. Выборы были назначены на 1973 г., однако Лануссе считал, что он сможет поставить ряд условий для их проведения. Президент призвал политические партии, профсоюзы и предпринимателей поддержать новую политику «Национального согласия» для перехода к демократии.

В августе 1972 г. политическая жизнь была отмечена невиданной вспышкой насилия после побега из тюрьмы нескольких лидеров партизанских движений. Некоторые из них, например Сантучо и Горриаран Мерло, смогли достичь территории Чили. Остальные были схвачены и расстреляны якобы при попытке к бегству. Тем временем продолжались нападения на банки, похищения и убийства полицейских и военных. Из-за границы Перон поощрял насильственные действия организаций «Монтонерос» и «Перонистской молодежи» с целью создания нестабильной ситуации, единственным выходом из которой стало бы возвращение самого Перона.

Для участия в выборах Перон создал «Хустисиалистский освободительный фронт», в который вошли помимо перонистов сторонни-

ки Фрондиси, народные консерваторы, националисты и часть социалистов. Ректор Кампора и Солано Лима стали кандидатами фронта на должности президента и вице-президента соответственно. Одинадцатого марта фронт победил на выборах, набрав 49,56% голосов.

Кампора в правительстве, Перон у власти

На следующий день после инаугурации Кампора столкнулся с первой серьезной политической проблемой. Партизанские организации и «Перонистская молодежь» устроили митинг у тюрьмы «Девото» с требованием освобождения политических заключенных. Тысячи человек окружили здание тюрьмы и грозились использовать силу, если заключенных не освободят немедленно. Срочным декретом, подписанным в полночь, заключенные были отпущены на свободу.

Эфемерное правление Кампоры было отмечено ростом противоречий внутри перонизма. Существование левых и правых тенденций в перонизме отражало политическую поляризацию аргентинского общества. Кампора был всего лишь переходным президентом, подготовившим возвращение Перона. Когда последний прилетел в Аргентину, около миллиона человек, прибывших из всех уголков страны, встречали его. Историческое возвращение было омрачено столкновениями между различными фракциями перонистов, во время которых, по некоторым подсчетам сто человек погибло и более трехсот было ранено. Это событие стало продолжением ожесточенной борьбы между левыми и правыми перонистами. Они представляли собой два абсолютно разных проекта: левые выступали за «социалистическую родину», а правые — за «перонистскую родину».

На заседании кабинета министров Хосе Лопес Рега упрекнул Кампору в происшедшем и потребовал его отставки. Президент из верности Перону подал в отставку немедленно. Правительство возглавил зять Лопеса Реги, председатель Палаты депутатов Рауль Ластири, который немедленно избавился от министров, представлявших левое крыло перонистов, и объявил о проведении новых президентских выборов. Были созданы все условия для выдвижения кандидатуры Перона и его жены Исабель (она выдвигалась на пост вице-президента). Они добились впечатляющей победы, набрав почти 62% голосов.

Первой задачей третьего президентского срока Перона стало успокоение общества, примирение левых и правых перонистов и нормализация экономической жизни. Правительство намеревалось повышать зарплаты в течение двух последующих лет с целью более справедливого распределения национального богатства. Но для этого было необходимо принять меры против инфляции. Поэтому «Социальный пакт», подписанный Всеобщей конфедерацией труда и Конфедерацией предпринимателей в период правления Кампоры, стал ключевым элементом экономического плана Перона и краеугольным камнем его политики примирения.

Старый лидер отдалился от так называемых «особых формирований» — партизанских групп, членов которых Перон, когда он нуждался в них для прихода к власти, называл «прекрасной молодежью». Он все больше опирался на правое крыло перонизма, во главе с ортодоксальными профсоюзными деятелями и министром социального развития Хосе Лопесом Регой, тайно возглавлявшим организацию «Аргентинский антикоммунистический альянс», ответственную за убийство многих левых политиков и интеллектуалов.

«Монтонерос» верили, что Перон, так же как и Эвита, был революционером, разделявшим их стратегические цели. Поэтому они не могли понять продвижения на ключевые правительственные посты наиболее видных и ненавидимых ими правых перонистов. Первой теорией «Монтонерос», объяснявшей такое положение дел, стала «теория окружения», согласно которой Перон был «окружен» своими ближайшими сторонниками, державшими его в неведении. Ошибочность этой теории стала очевидна, когда Перон открыто выступил против «Монтонерос». Окончательный разрыв произошел 1 мая 1974 г. Во время митинга на Майской площади «Монтонерос» прервали речь Перона песнопениями, в которых упомянули о влиянии правых в правительстве. Перон в раздражении назвал левых «молокососами, глупцами и шпионами» и прогнал их с площади.

Двенадцатого июня 1974 г. Перон вновь выступил на митинге на Майской площади. В своей драматичной речи он потребовал дисциплины и пригрозил отставкой в случае продолжения саботажа и недоверия к правительству. Это стало откровенным обращением к профсоюзным и политическим перонистским организациям, которые открыто выступали против «Социального пакта». Перон умер 1 июля и не увидел развязки конфликта. Его жена, Мария

Эстела Мартинес де Перон, заняла пост президента. Не обладая политическим опытом, Исабелита, как ее называли в народе, встала во главе государства, но не смогла управлять страной, стоявшей на пороге революционного взрыва. Вместе со своим несколько странным советником Лопесом Регой и верными профсоюзными лидерами она покончила с альянсами, заключенными Пероном.

Множились слухи об отставке Исабель. Новые выборы были назначены на сентябрь 1976 г. Тем не менее военные уже приняли решение взять власть, не обращая внимания на робкие усилия политических партий сохранить законность. В обществе царила неопределенность, и этим воспользовалась армия, совершившая очередной государственный переворот.

Переворот, темная ночь Республики

Общество восприняло военный переворот как логичное следствие постепенного разложения правительства Исабель Перон. Двадцать четвертого марта 1976 г. военная хунта захватила власть. В хунту входили генерал-лейтенант Хорхе Рафаэль Видела, адмирал Эмилио Эдуардо Массера и бригадный генерал Орландо Рамон Агости. Хунта намеревалась дисциплинировать общество с помощью политического террора и внести значительные изменения в экономическую модель, оказывая поддержку тем, кто был несколько обделен в предыдущие годы (в первую очередь финансовым кругам и экспортерам сельскохозяйственной продукции).

Для подавления несогласных была создана невиданная ранее в Аргентине репрессивная система. Правительство оправдывало свои действия тем, что в стране шла «грязная война» с партизанскими группами, однако репрессивные действия власти коснулись не только партизан. Репрессии, запугивания, цензура, преследования, пытки, убийства и похищения людей затронули политиков различной ориентации, профсоюзных деятелей, левых католиков, интеллектуалов и студентов. Хунта создала систематическое преступное судопроизводство, частью которого были «секретные центры заключения» под управлением «исполнительных групп», занимавшихся похищениями, пытками и убийствами.

Изменение экономической модели осуществлял Хосе Альфредо Мартинес де Ос, в течение пяти лет возглавлявший министерство экономики (в период правления Виделы). Он был консерватив-

ным либералом, происходил из семьи крупных землевладельцев и дружил с крупными банкирами. Мартинес де Ос проводил политику искоренения модели, основанной на промышленном развитии, краеугольным камнем которой были расширение внутреннего рынка и рост потребления. Он начал с замораживания зарплат, отмены контроля за ценами и девальвации аргентинского песо. Покупательная способность рабочих в кратчайшие сроки снизилась в два раза. После этого министр посчитал, что пришло время исправить структурные «ошибки» аргентинской экономической модели. В начале 1977 г. был утвержден «Режим функционирования финансовых учреждений», положивший начало либерализации финансового рынка и укрепивший связи аргентинских банков с зарубежными. Многие иностранные капиталы, пришедшие в Аргентину, были спекулятивными. Их единственной целью являлось получение быстрой прибыли благодаря высокой процентной ставке по банковским кредитам; затем эти капиталы покидали Аргентину. Завышение курса песо привело к появлению фиктивных капиталов, стимулировало потребительский ажиотаж и сделало для аргентинцев дешевым отдых в Майами и Бразилии. Однако за этим радостным фасадом скрывалась смерть аргентинской промышленности; промышленное производство вступило в кризис, ставший, как показало время, фатальным.

Получение кредитов и рост государственного долга являлись другой характерной особенностью политики Мартинеса де Оса. Поначалу он брал ссуды для укрепления валютных резервов, выросших в период с 1976 по 1979 г. до 10 миллиардов долларов. Завышение курса песо вызвало рост дефицита платежного баланса. Кроме того, многие из этих кредитов попадали в руки спекулянтов, быстро клавших деньги в аргентинские банки, где процентная ставка на тот момент была выше, чем в других странах. Затем нужно было отдавать долги иностранным кредиторам, что вынуждало государство брать новые ссуды и создавало порочный круг, приведший позднее к финансовому кризису.

В 1981 г. диктаторский режим претерпел ряд изменений. Подстраиваясь под новые веяния мировой политики, генерал Роберто Эдуардо Виола выступил с инициативами по демократизации страны. Политические партии посчитали, что начался этап перехода к демократии и немедленно создали альянс различных партий во главе с лидером радикалов Бальбином для участия в, как тогда казалось, скорых выборах. Тем не менее ряд военных во главе с главно-

командующим вооруженными силами Леопольдо Фортунато Гальтьери обвинили правительство в чрезмерном желании вести диалог с политическими партиями. Чтобы развеять все сомнения, военная хунта выступила за продолжение «процесса национальной реорганизации» после истечения мандата Виолы. Волна протестов прокатилась по всей стране. Падение диктатуры казалось неизбежным.

Вскоре хунта совершила роковую ошибку: с постыдной целью увековечить свою власть она захватила Мальвинские острова, в 1833 г. аннексированные Великобританией. Несмотря на триумфальные настроения в народе, несмотря на ложь прессы и правительства, май 1982 г. стал трагическим месяцем для нации. Второго мая английская подводная лодка торпедировала аргентинский крейсер «Генерал Бельграно», находившийся вне так называемой «исключительной зоны»¹. Это стало серьезной потерей, не столько материальной, сколько моральной, для аргентинской армии и населения страны. В конце концов британские войска вторглись на территорию Мальвинских островов и вернули контроль над архипелагом не встретив сопротивления. Генерал Менендес, от которого страна требовала организации наступления, заявил, что он не может сделать этого из-за нехватки военных средств. Это было правдой: количественное и техническое превосходство англичан было бесспорным. Менендесу пришлось подписать капитуляцию всех аргентинских сил на островах. Диктатура, ставшая самой мрачной главой в истории Аргентины, начала с пыток и похищений людей, а завершила свою деятельность другой трагедией, о которой трудно забыть, — бесполезной и проигранной войной...

Несовершенная демократия

Теперь речь пойдет о последних двадцати пяти годах аргентинской истории, — истории недавней, трудной для анализа. События этих двадцати пяти лет оставили раны, которые до сих пор не зажили. Диктатура начала с пыток и похищений людей, а закончила другой трагедией — войной за Мальвинские острова, и можно сказать, что во время этой войны началось возвращение столь желанной демократии. Задачей журналистов и современных историков является объяснение сути данной эпохи как периода глу-

¹ Имеется в виду зона боевых действий, объявленная Великобританией.

боких экономических трансформаций, не всегда шедших на пользу народу, а также, безусловно, и как времени господства несовершенной демократии.

Демократическая весна

Когда 10 декабря 1983 г. Рауль Альфонсин стал президентом Аргентины, все общество почувствовало, что оно вернуло себе право избирать правителей и влиять на судьбы страны. Общество вновь начало играть ключевую роль в политике после семи лет молчания, когда были ликвидированы все народные представительные органы. Одной из главных особенностей нового правительства стало восстановление общественных институтов и возвращение к конституционному правлению. Конгресс возобновил свою деятельность, было отменено осадное положение и полностью восстановлено правовое государство.

Бесспорно, главной проблемой нового правительства стал вопрос о том, что делать с военными. Общество требовало наказания виновных в проведении репрессий. Альфонсин был готов серьезно заняться этой проблемой, и 15 декабря 1983 г. начала работу Национальная комиссия по расследованию похищений людей под руководством писателя Эрнесто Сабато. Задачей комиссии стало расследование похищений людей во время правления военной диктатуры. В сентябре 1984 г. комиссия в присутствии 70 тысяч манифестантов передала доклад (опубликованный позднее под названием «Никогда больше») исполнительной власти. Расследование выявило, что в период военной диктатуры были задержаны, а позднее исчезли без следа 8960 человек. Альфонсин выступил с инициативой привлечь виновных к суду. Открытый процесс над членами трех военных хунт начался в апреле 1985 г. и закончился вынесением приговора Хорхе Рафаэлю Виделе, Эмилио Массере, Орландо Агости, Роберто Виоле, Армандо Ламбручини и Леопольдо Гальтьери.

Тем не менее военная проблема не была решена окончательно, и последние годы правления Альфонсина были омрачены новыми конфликтами. Другой проблемой, в конце концов лишившей Альфонсина поддержки избирателей, была экономика, вернее, ярко проявившиеся структурные дефекты аргентинской экономической модели. Для решения проблемы внешнего долга уже нельзя

было рассчитывать на единый фронт латиноамериканских стран во время переговоров с Международным валютным фондом, требовавшим проведения политики жесткой экономии. Такое положение дел предопределило провал Бернардо Гринспуна на посту министра экономики.

Внешний долг составлял 60% объема ВВП, и его обслуживание поглощало 40% государственных доходов. Четырнадцатого мая 1985 г. в стране было объявлено о принятии нового экономического плана под названием «План Аустраль». С его помощью правительство надеялось сдержать рост инфляции и получить средства для выплат по внешним обязательствам. Вместо аргентинского песо была введена новая денежная единица — аустраль. Краткосрочный эффект был позитивным, однако, это продолжалось недолго. В конце 1986 г. инфляция вновь начала расти, и к 1987 г. План Аустраль привел страну на край пропасти. Цены на аргентинские товары на мировом рынке достигли исторического минимума, в то время как цены и зарплаты внутри страны росли с немыслимой скоростью. Угроза социальных протестов исходила от главной политической оппозиции — профсоюзов. В сентябре 1984 г. Всеобщая конфедерация труда провела первую общенациональную забастовку; всего за годы правления Альфонсина (1983 — 1989) прошло тринадцать общенациональных забастовок.

Восстания военных, происшедшие во время президентства Альфонсина, отражали недовольство вооруженных сил процессами над виновными в преступлениях периода диктатуры. Группа офицеров во главе с подполковником Альдо Рико забаррикадировалась в Кампо-де-Майо и потребовала прекращения процессов над членами трех военных хунт. Гражданское общество мобилизовалось против мятежников. Альфонсин полагал, что можно окончательно решить проблему, если пойти навстречу восставшим: он подписал закон о «надлежащем подчинении», освобождавший от ответственности за нарушения прав человека военных низших рангов. Общество было глубоко разочаровано и восприняло закон как капитуляцию, хотя Альфонсин предлагал принять этот закон, еще будучи кандидатом в президенты.

Кризис Плана Аустраль, рост инфляции, конфликты с военными, принятие закона об амнистии военнослужащих низших рангов, оппозиция профсоюзов, давление предпринимателей ослабили правительство. Его популярность начала падать. В условиях бесконтрольной инфляции правительство приняло в августе

1988 г. план «Весна», основанный на контроле за ценами и очередном удержании части доходов от экспорта для выплаты долга. За несколько месяцев и этот план показал свою несостоятельность. В начале 1989 г. Центральный банк, потративший все денежные резервы для защиты аустраля, ушел с рынка обмена валют, что привело к росту курса доллара и очередному витку инфляции. Предприниматели вышли из соглашения с правительством и поспешно начали повышать цены.

Нестабильности способствовало и неожиданное возобновление политического насилия. Партизанская группа, связанная с бывшим главой исчезнувшей «Народной революционной армии» Энрике Горриараном Мерло, внезапно напала на 3-й пехотный полк, расположенный в городе Ла-Таблада (округ Ла-Матанса). Военные разгромили партизан после тяжелого боя, в котором было убито тридцать девять человек и десятки ранены.

Как и ожидалось, на президентских выборах в мае 1989 г. победу одержал перонист Карлос Сауль Менем, набравший 47,3% голосов. После выборов произошел резкий скачок инфляции, и за три недели курс доллара вырос со 100 до 700 аустралей. Это привело к бегству капиталов — феномену, названному аналитиками «рыночным переворотом». Рост цен казался нескончаемым, иногда в течение дня цены поднимались несколько раз. В беднейших районах начались акты насилия, грабежи супермаркетов и магазинов, что привело к столкновениям с полицией. Число убитых и раненых до сих пор не установлено. Альфонсин решил подать в отставку и поспешил передать власть Менему.

Неолиберальный проект Менема

Глубокие экономические неолиберальные реформы прошли в Аргентине в 1990-е годы. Их провел уроженец Ла-Риохи Карлос Сауль Менем. Несмотря на то что перед выборами он использовал скорее ортодоксальный перонистский, чем либеральный дискурс, на посту президента этот деятель осуществил деиндустриализацию страны и погрузил Аргентину в нищету.

Менем возглавил правительство в разгар кризиса и столкнулся с бегством капиталов, бесхозяйственностью и слабостью властей. За первые два года правления Менема сменили друг друга двенадцать планов стабилизации; власть не могла скоординировать свои

действия. Несмотря на трудности, Менем настаивал на либерализации экономики. Он направил в Конгресс два фундаментальных закона: закон о чрезвычайных экономических мерах, отменивший субсидии и государственную поддержку аргентинской промышленности (также этот закон предусматривал массовые увольнения госслужащих), и закон о государственной реформе, разрешивший исполнительной власти приватизировать государственные предприятия по своему усмотрению. Чтобы обеспечить поддержку этих законов судебной властью Менем добился согласия Конгресса увеличить число членов Верховного суда с пяти до девяти человек.

В начале 1991 г. министром экономики стал Доминго Кавальо. Он выдвинул всеобъемлющую программу реформ для стабилизации экономической ситуации. Ядром этой программы стал закон о конвертации, согласно которому был установлен паритет доллара и песо (при обмене валют за 1 доллар давали 1 песо). Кроме того, закон запрещал выпуск денег, не обеспеченных валютными резервами Центрального банка. Вторым важным элементом программы по выходу из кризиса стала реструктуризация государственного долга, проведенная на основе Плана Бради. Было разрешено обменивать старые ценные бумаги на новые и использовать их при приватизации государственных предприятий.

Эти меры аргентинского правительства были вдохновлены неолиберальными настроениями, входившими в моду в мировых державах. В период правления Менема произошло невиданное ранее в аргентинской истории сближение с США. Клинтон и Менем казались близкими друзьями, жившими в эпоху расточительства и показного блеска. В то время их отношения справедливо называли приятельскими.

Тем временем постепенно рос уровень безработицы. Ставка на тесные связи с США показала не такой удачной, когда террористы взорвали сначала здание посольства Израиля в Аргентине, а затем и штаб-квартиру еврейских благотворительных организаций в Буэнос-Айресе¹. Сотни людей погибли и были ранены. Как видно, статус любимого ученика США приносил не только выгоды, но и негативные последствия.

Менем перечеркнул достижения Альфонсина, подписав десять декретов о помиловании, освободивших военных, осужденных

¹ В результате террористического акта, совершенного 18 июля 1994 г., погибли 85 человек и 300 получили ранения.

в нарушении прав человека. На свободе оказался и генерал-лейтенант Хорхе Рафаэль Видела.

Благодаря успехам в экономике (министр Кавальо сумел стабилизировать цены, а международная экономическая ситуация способствовала притоку капиталов в Аргентину) Менем увеличил свою популярность. Начиная с 1993 г. он публично заявлял о намерении переизбраться на пост президента. Для этого нужно было реформировать конституцию. Менем оказывал давление на Гражданский радикальный союз, чтобы радикалы проголосовали за реформу, и в конечном итоге после долгих колебаний Альфонсин встретился с президентом и подписал соглашение об основах конституционной реформы (так называемый «Пакт Оливос»).

На президентских выборах 1995 г. Хустисиалистская партия (перонисты) добилась убедительной победы, набрав чуть больше 50% голосов. ФРЕПАСО (Фронт солидарной страны), новая политическая партия, в которую вошли недовольные члены ГРС и другие прогрессивные силы под руководством перонистского диссидента Карлоса Чачо Альвареса, сумел поколебать господство двух партий (радикалов и перонистов) и занял второе место, набрав 30% голосов. Эта партия сумела аккумулировать протест широких слоев общества и завоевала симпатии просвещенного общественного мнения, отвергавшего методы бандитского капитализма и показное великолепие правительства Менема.

Начало второго президентского срока Менема совпало с очередным экономическим подъемом и приходом новых иностранных инвестиций, что позволило преодолеть рецессию 1995 г. Однако этого было недостаточно для создания необходимого числа рабочих мест и уменьшения внешнего долга. Из-за различий в стиле руководства, а возможно, и из-за того, что Менем увидел в Кавальо потенциального соперника на выборах, министр экономики был отправлен в отставку, и в середине 1996 г. его место занял Роке Фернандес. Структурные экономические проблемы дали о себе знать с новой силой. Как только прекратился приток капиталов, вызванный приватизацией, начался новый кризис, связанный с тяжелой международной финансовой ситуацией, требовавшей повышения процентной ставки в момент, когда Аргентина нуждалась в кредитах для поддержки искусственного паритета песо и доллара. Вступление Аргентины в глубокую и продолжительную рецессию, начавшуюся в 1998 г., стало началом конца неолиберального эксперимента.

Менем представлял собой тип политика, в котором нуждался экономический истеблишмент для проведения неолиберальных реформ. Уже в начале своего правления президент оказался замешан в коррупционных скандалах, его сопровождали всякого рода темные личности, известные спекулянты и странные друзья. Менем приобрел много верных союзников в обмен на защиту и безнаказанность и очень ловко поделил общественные богатства, взяв обет молчания с тех, кому они достались.

Последствия долгих лет либеральной политики начали ощущаться в аргентинском обществе. Многие отбросили иллюзии, разочаровались в Менеме и стали поддерживать другие политические организации, например «Альянс» — объединение ГРС и ФРЕПАСО.

Мощная оппозиция в лице политических партий и профсоюзов выступила против правительства. Профсоюзное движение постепенно восстанавливалось и провело ряд забастовок и митингов. Жители деревень внутренних провинций, наиболее пострадавшие от роста безработицы, начали перекрывать пути сообщения; появились организации безработных, быстро распространившиеся по всей территории страны.

Окончательный кризис эксперимента Менема вновь поставил перед гражданским обществом неотложную задачу — восстановить демократические ценности в Аргентине. Честность и порядочность стали лозунгами предвыборной кампании Фернандо Де ла Руа — кандидата в президенты от «Альянса». Большинство аргентинского народа проголосовало за него в надежде, что демократия принесет социальную справедливость и новые возможности населению страны.

Фернандо Де ла Руа: неоправданные надежды

Первой проблемой, требовавшей решения, было отсутствие консенсуса между различными силами, входившими в «Альянс». Тем не менее состав нового кабинета министров говорил о политических приоритетах Де ла Руа. Министерства вооруженных сил, международных дел и юстиции заняли консервативные деятели (Рикардо Лопес Мерфи, Адальберто Родригес Дживарини и Рикардо Хиль Лаведра соответственно), в то время как членам ФРЕПАСО были доверены менее значимые должности.

Экономический курс, взятый новым министром экономики Хосе Луисом Мачинеа, был ортодоксальным. Эта политика, осуществлявшаяся более десяти лет, неизбежно вела к рецессии и банкротству страны. Когда стало ясно, что экономические показатели вновь упали в результате проводившихся мер, Мачинеа пошел ва-банк и объявил о снижении зарплат на государственных предприятиях, что поставило профсоюзы в оппозицию к правительству. Власть продолжила проведение мер строгой экономии, а государственный долг был реструктурирован благодаря новым кредитам, полученным в обмен на обещание выполнять требования Международного валютного фонда. У президента не было власти для принятия ключевых решений, и он следовал советам аргентинских и иностранных консультантов.

Ко всему прочему, появились слухи о коррупции при принятии закона о трудовой реформе. Правящая партия, выступавшая за изменение политических нравов времен Менема, сама оказалась замешана в коррупционном скандале. С каждым днем он набирал обороты, средства массовой информации обнародовали новые факты, появились свидетели, сыпались взаимные обвинения, что подбавляло масла в огонь. Карлос Чачо Альварес потребовал публичного расследования дела о взятках, однако его поддержали не многие. Оставшись в одиночестве, вице-президент бесславно ушел в отставку.

В экономике также произошли перемены. Мачинеа не смог контролировать ситуацию и был вынужден покинуть пост министра экономики. Его сменил Рикардо Лопес Мерфи, но его политика вызвала мощный социальный протест, и через несколько недель он ушел в отставку. Правительство делало ставку на закон о конвертации, и, казалось, наиболее подходящим человеком для продолжения такой политики был инициатор принятия этого закона. Возвращение Кавальо на пост министра экономики означало защиту курса песо. В то время правительство считало, что экономический рост будет логичным результатом сокращения государственных расходов и выравнивания платежного баланса, однако этого не случилось.

В середине 2001 г. международные организации отказались выдавать кредиты Аргентине. В ответ на это Кавальо выдвинул план «Нулевой дефицит», согласно которому центральное и провинциальные правительства не могли тратить больше средств, чем имели. Экономический кризис привел к новому бегству капиталов, многие фирмы забирали назад свои инвестиции и вкладывали их в более благополучные страны. Каждый день многие тысячи долла-

ров оседали на счетах за границей. Последней попыткой избежать дефолта стала так называемая операция «Мегаканхе» — были продлены сроки истечения долговых обязательств в обмен на увеличение процентов, которые должны были быть выплачены по долгам. Однако и это не смогло выправить ситуацию.

Когда бегство капиталов усилилось и положение песо стало тяжелым, Кавальо оказался вынужден, несмотря на свои либеральные убеждения, силой сдерживать вывоз денег из страны. Так, он запретил аргентинцам снимать деньги с банковских счетов. Дни закона о конвертации, просуществовавшего целое десятилетие, были сочтены.

Девятнадцатого — двадцатого декабря 2001 г. в атмосфере экономической и социальной нестабильности началось народное восстание. В бедных районах начались налеты на супермаркеты и столкновения с полицией. Ночью 19 декабря Де ла Руа выступил с речью, в которой объявил о введении осадного положения. Многие не подчинились и вышли на улицы. Под грохот кастрюль они выдвинули лозунг «Пусть уходят все!»; это требование не вносило ясности относительно того, в каком направлении должна двигаться Аргентина, но отражало неприятие народом всего политического класса в целом, в том числе и президента. Утром и днем 20 декабря произошли столкновения между спонтанно собравшимися толпами, двигавшимися к Майской площади, и репрессивными органами, сдерживавшими манифестантов. Результатом стала гибель более чем тридцати человек в столице и других городах страны. Хустисиалистская партия, понимая, что правительство Де ла Руа исчерпало себя, отказалась от вхождения в коалиционный кабинет министров и лишила «Альянс» последнего шанса сохранить пост президента. Вечером 20 декабря, на заходе солнца, на улицах Буэнос-Айреса продолжались беспорядки, а президентский вертолет покидал город, что стало символом конца правления Де ла Руа.

Кризис 2001 года и неопределенное будущее

Поиски выхода из кризиса превратились в настоящее безумие. Меньше чем за месяц пять президентов сменили друг друга; все они были представителями Хустисиалистской партии. Однако никому ни пришло в голову требовать вмешательства военных или установ-

ления авторитарного режима. Это доказывает, что аргентинское общество извлекло уроки из прошлого. Двадцать первого декабря временным президентом стал председатель Сената Рамон Пуэрта. Однако уже 23-го числа законодательное собрание назначило временным президентом губернатора провинции Сан-Луис Альберто Родригеса Саа, который должен был исполнять полномочия главы страны до 3 марта 2002 г. — в этот день должны были состояться новые президентские выборы. Первой мерой Родригеса Саа стало замораживание выплат по внешнему долгу, что было встречено ликованием в Конгрессе. Вся страна наблюдала за этим, так как заседание транслировалось в прямом эфире по радио и телевидению. Реакция зарубежных партнеров на празднование самого крупного банкротства в истории Аргентины была негативной. Президент попытался сформировать новый кабинет министров, в который вошли лица, замешанные в коррупционных скандалах, как, например, бывший мэр Буэнос-Айреса Карлос Гроссо, что вызвало огромное общественное недовольство. Люди вновь вышли на улицы, и это ускорило отставку правительства и президента. Рамон Пуэрта, председатель Сената, вновь стал главой страны, однако он тут же подал в отставку, и его место занял председатель Палаты депутатов Эдуардо Каманьо. Вскоре законодательное собрание решило назначить президентом сенатора Эдуардо Дуальде. Он должен был завершить мандат Де ла Руа и казался единственным политиком, способным примирить различные фракции Хустисиалистской партии. Кроме того, Дуальде обладал необходимым политическим влиянием, чтобы управлять Аргентиной в столь сложной ситуации, возникшей в результате декабрьских событий.

Эдуардо Дуальде был вынужден решать вопрос о прекращении выплат по внешнему долгу и иметь дело с растущим социальным протестом. Особенно протестовали пострадавшие от запрета снимать деньги с банковских счетов и других ограничений, связанных с финансовыми операциями. Министр экономики Хорхе Ремес Леников отказался от искусственного сдерживания курса валют, и вскоре за 1 доллар стали давать 4 песо. Девальвация ухудшила положение держателей банковских счетов, загнанных в угол финансовой политикой правительства. Когда Дуальде стал президентом, он пообещал, что держателям долларовых банковских счетов деньги будут возвращены в долларах. Однако вскоре стало ясно, что это приведет к банкротству банковской системы, и президент отказался от своих первоначальных намерений.

Другой проблемой была безработица и бедность. Кризис вызвал волну грабежей в бедных районах. Разветвленный аппарат перонистов в Буэнос-Айресе сумел остановить погромы и сдерживать недовольство, однако требовался план по выходу из этой критической ситуации. С согласия Всемирного банка и Международного валютного фонда Дуальде выдвинул план помощи безработным, согласно которому государство ежемесячно выплачивало обездоленным по 150 песо. Тем не менее эта мера не смогла остановить протесты уже консолидированного движения пикетчиков (правда, эти протесты приняли более цивилизованные формы). Один из таких протестов положил конец правлению Дуальде. На мосту Пуэррейдон, связывающем городок Авельянеда с Буэнос-Айресом, полиция применила жесткие меры против тысяч манифестантов, представлявших различные организации безработных. Два человека погибли, десятки были ранены. Негативная реакция на эти события заставила Дуальде объявить о досрочных выборах. Он не мог продолжать править, не подтвердив свою легитимность на выборах.

Почти неизвестный перонист сумел завоевать симпатии Дуальде. Речь идет о губернаторе провинции Санта-Крус Несторе Киршнере, примыкавшем в 1970-е годы к левым перонистам и уже давно выставлявшем свою кандидатуру на внутрипартийных выборах. Он считался прогрессивным перонистом, и Дуальде понял, что Киршнер обладал двумя необходимыми на тот момент качествами: быть левым и маловлиятельным. Первое требовалось для сдерживания социальных протестов путем сближения с недовольными. Время покажет, был ли прав Дуальде и сможет ли Киршнер править самостоятельно...

Прошло время, и я пишу это дополнение к «Краткой истории аргентинцев» почти два года спустя после вступления Киршнера на пост президента. Можно по разному оценивать его деятельность, но голоса, предвещавшие в 2001 г. всевозможные беды, были вынуждены замолчать. Аргентинское общество приложило огромные усилия для выхода из кризиса, и институты страны, по крайней мере формально, продолжают действовать.

Поэтому пришло время извлечь некоторые выводы из этой книги, которая становится уже слишком длинной...

XVI. Уроки истории

В начале книги я писал, что попытка обобщить историю Аргентины в шестнадцати главах — это почти проявление неуважения к ней, так как исторический процесс очень сложен и в нем переплетено множество факторов. Различные события оказывают влияние друг на друга, и любая попытка упростить их в определенном смысле грешит против исторической правды, поиск которой должен быть целью любого историка. Также верно и то, что история неисчерпаема и непостижима по определению: невозможно описать ее в полном объеме, всегда будут отсутствовать некоторые важные фрагменты. Но попытка обобщить, показать наиболее важные, с моей точки зрения, аспекты истории Аргентины представляется оправданной, хотя многое, безусловно, осталось неупомянутым.

Итак, на этих страницах я постарался показать важнейшие процессы, лежащие в основе истории страны, и некоторые другие, более поздние события, оказавшие влияние уже на современную Аргентину. Вначале речь шла об отдаленных от нас по времени событиях, начиная с основания Буэнос-Айреса, а закончилось повествование в момент, когда наши собственные жизни и история переплелись воедино. На этом месте представляется благоразумным поставить финальную точку.

Так что в этой последней главе, видимо, нужно сказать об «уроках истории», хотя я считаю, что история не учит; история — это не наставница жизни, как сказал Цицерон двадцать веков назад. Хотя эту фразу затем повторяли многие, в том числе и Сервантес, я полагаю, что это ложь во благо, дань вежливо-

сти по отношению к этой науке. Если бы история действительно была наставницей жизни, то не совершались бы ошибки, которые обычно совершают общества и их лидеры, а мы, историки, были бы не только советниками, но и непогрешимыми жрецами для правителей и управляемых... Поэтому, хотя эта глава и называется «Уроки истории», ее содержание более скромно и не так претенциозно. То, что вы прочтете ниже, — это итоги изысканий одного историка.

Федерализм

Как я уже отмечал, историческому процессу свойственны и разрывы, и преемственность. При этом преемственность не всегда бывает очевидной. Из этого сочетания разрывов и преемственности складывается, если можно так выразиться, великая симфония аргентинской и мировой истории.

Одной из наиболее важных тенденций, проходящих красной нитью через историю Аргентины, является стремление аргентинского народа установить в стране федеральную систему. И речь идет не просто о политическом федерализме, а о типе общества, где региональная самобытность пустила глубокие корни и оказала влияние на страну в целом.

Это было показано еще в начале книги, так как сразу после основания Буэнос-Айреса началась борьба, иногда незаметная, почти подспудная, а иногда насильственная и сметающая все на своем пути, между двумя Аргентинами — столицей, расположенной на берегу Рио-де-Ла-Платы, вместе с прилегающими к ней районами, и другой Аргентиной, глубинной, охватывающей север, северо-запад, Куйо и Патагонию. Если в истории Аргентины есть диалектика, то она просматривается в столкновениях и соглашениях между Буэнос-Айресом и остальной страной.

И здесь нужно отметить очень любопытную деталь: Аргентина является федеральным государством по своему конституционному устройству и самобытности регионов, о чем было сказано выше. И тем не менее географическое положение Аргентины заставляет ее быть унитарной, зависеть от единого центра — Буэнос-Айреса. Регионы не могли превратиться в независимые государства, поскольку существовал лишь один выход во внешний мир — Буэнос-Айрес. Эти, по определению Хуана де Матьенсо,

«врата в земли» превратились в место сбора пошлин, и правящие классы, а также народ Буэнос-Айреса дорого брали за то, чтобы распахнуть или приоткрыть врата; иногда эти врата закрывались вовсе.

Росас не слишком ошибался, когда писал в «Письме из асьенды Фигероа», что условия, существовавшие в США и Аргентине, были различны: в Соединенных Штатах федеральная система сложилась естественным путем, поскольку все тринадцать колоний, основавших страну, были морскими портами; в Аргентине лишь Буэнос-Айрес обладал выходом к морю. Несмотря на этот географический фатализм, история доказала, что у аргентинского народа федеральные наклонности, федеральный характер, и этот характер отразился в законах, конституции страны и оказался сильнее географического фатализма.

Но на практике Аргентина — это централизованная страна. Буэнос-Айрес запрещает и разрешает, приказывает, навязывает, собирает налоги, распределяет доходы, освящает и отменяет законы. Как сказано в «Романсеро»¹, «такова Кастилия, она возвышает и губит людей». Буэнос-Айрес возвышает и губит людей, правительства, экономические и политические планы. «Революция парка», как мы видели, или революции 1930 и 1943 гг. были чисто столичными движениями, и тем не менее их последствия почувствовала вся страна.

Изменится ли когда-нибудь такая ситуация? История (я продолжаю апеллировать к этой науке) показывает, что достижение истинного федерализма кажется все большей утопией. Но история также доказывает, что люди, благодаря своей фантазии и смелости, могут находить меры, частично ограничивающие с каждым разом все более удушающий централизм. Я остаюсь пламенным сторонником переноса столицы Аргентины; я написал об этом и привел доводы в пользу такого решения еще в начале 1982 г. в книге «Буэнос-Айрес и Аргентина». Я полагаю, что предложение президента Альфонсина о переносе столицы в город Виедма было во многом непродуманным и ошибочным, поэтому общество и даже его собственная партия отнеслись к этой идее очень холодно и вскоре забыли о ней. Но я продолжаю считать перенос трех ветвей власти в другой город, в уже существующий или в тот, кото-

¹ *Романсеро* — испанские народные романсы конца средневековья и раннего Возрождения.

рый будет построен для этой цели, необходимым, и со временем данный вопрос станет еще более острым. Это не полностью решит проблему централизма, но заметно улучшит ситуацию.

Нужно понимать, что стремление аргентинцев к федерализму подлинно, у него глубокие исторические корни; иногда в истории Аргентины были подвижки в решении этой проблемы на основе реалистичных и продуманных планов. Мне кажется, что если и можно извлечь урок из аргентинской истории, то он состоит в следующем: стране необходим федерализм. Эта тема тесно связана с самобытностью аргентинских провинций, с их правом на самостоятельное развитие. Необходимо предотвратить поглощение людских и природных ресурсов провинций этим чудовищным и столь соблазнительным городом, каким является столь любимый нами Буэнос-Айрес. Повторяю, это является приоритетом и общенациональной проблемой.

Демократия

Далее нужно отметить другой вектор, свойственный аргентинской истории. Я имею в виду тенденцию, направленную на совершенствование политической демократии, что тесно связано со стремлением к социальному равенству. Эта тенденция иногда просматривалась и в колониальный период, но с особой силой она проявилась после 1810 г.

Выше было показано, что Майская революция принесла новые идеи; в частности, схоластическая концепция общего блага была заменена на принцип народного суверенитета. Этот принцип был реализован на практике далеко не сразу. Иногда в истории Аргентины демократия состояла лишь в том, что народ избирал своего каудильо.

Но по мере развития страны были найдены юридические и политические формулы, позволившие направить стремление к демократии, существовавшее главным образом в народных массах, в мирное русло. Кульминацией этого процесса стало принятие закона Саенса Пеньи, хотя это и не означало автоматического установления идеальной политической демократии. Более того, закон Саенса Пеньи много раз нарушался, и власти, избранные народом на выборах, иногда оказывались сметены военными переворотами.

Но тем не менее аргентинский народ рожден для демократии. Это предопределено историей: характер аргентинцев, сформировавшийся в колониальный период, отличается свободолюбием, независимостью, отсутствием склонности к подчинению и иерархии; Буэнос-Айрес был плебейским городом, не имевшим аристократии, а провинции, в которых существовало кастовое общество, постепенно изменились, особенно начиная с середины XIX в. Позднее мощные волны иммиграции способствовали развитию этой тенденции, поскольку иммигранты рассчитывали только на свои силы, способности и удачу; кроме того, дети этих иммигрантов, сформировавшиеся под влиянием системы образования, созданной деятелями «поколения 1880 года», вскоре потребовали себе место под солнцем.

Таким образом, история, несомненно, подтверждает стремление аргентинцев к демократии. Верно, что на некоторых этапах проявлялись авторитарные тенденции, отказ от выборов, но всегда это воспринималось как временное решение, как вынужденные меры, хотя некоторые считали их необходимыми. И каждый раз, когда в стране вновь проводились выборы, аргентинцы шли голосовать массово, я бы сказал, с ликованием. Поэтому аргентинцы исторически тесно связаны с политической демократией.

Похожей является ситуация с чувством равенства, характерным для аргентинского общества. Оно, так же как и стремление к демократии, имеет исторические корни. Путешественники XIX в. восхищались простотой обращения пеонов к хозяевам, что было так непохоже на раболепство и покорность, которые эти путешественники наблюдали в других странах американского континента. Итальянский иммигрант, обосновавшийся в аргентинском городе Колония-Кароя, писал, приблизительно в 1870 г., своим родственникам, что наибольшее впечатление в Аргентине на него произвело то, что во время разговора с богатым человеком не нужно снимать шляпу.

Равенство не означает, что все люди одинаковы, но все должны иметь равные возможности для самореализации в обществе, никто не должен оказаться на обочине из-за отсутствия доступа к образованию, нельзя относиться к людям с презрением из-за того, что они бедны, нужно признавать во всех людях человеческое достоинство. Возможно, поэтому идеи социальной справедливости, выдвинутые Пероном, были признаны после первоначальных споров всеми, а законы, провозгласившие, что государство не мо-

жет оставаться безразличным к судьбе обездоленных, продолжали действовать и после свержения Перона.

Демократия и равенство — это две стороны одной медали и два вектора аргентинской истории. Они сталкивались с препятствиями, иногда прерывались, но никогда не подавлялись полностью. Отказаться от демократии и равенства означает идти против души Аргентины. Не все страны Латинской Америки могут сказать о себе то же самое. И это итог исторического развития страны, один из уроков истории. Но есть и другие моменты, на которые необходимо обратить внимание.

Конфликты и гармония

В истории Аргентины бросается в глаза чередование столкновений, часто очень жестоких, и соглашений, показывающих политическую мудрость, терпимость и плюрализм аргентинских политиков. В книге, написанной мной несколько лет назад, я назвал это чередование «Конфликты и гармония», позаимствовав заглавие позднего труда Сармьенто.

К счастью, Аргентине не пришлось испытать эти ужасные и мучительные битвы (или, по крайней мере, в Аргентине они длились очень недолго), обескровившие многие братские народы Латинской Америки. Но иногда и в Аргентине политическая борьба велась очень жестко: в XIX в. это можно сказать о противостоянии унитариев и федералистов, в XX столетии это касается борьбы радикалов и консерваторов, перонистов и антиперонистов.

Были моменты, когда аргентинцы чувствовали себя разделенными, причем эти различия не были искусственными и имело смысл принять ту или иную сторону. В результате борьбы вокруг важных общественных ценностей возникали глубокие конфликты. Я не отрицаю обоснованности этих конфликтов и уважаю тех, кто принимал в них участие. Но я полагаю, что бороться нужно за нечто действительно важное. Один сторонник Иригойена в начале XX в. был готов умереть за дело своего лидера, потому что Иригойен боролся за народный суверенитет, за право народа голосовать на выборах. Это достойно уважения и было признано даже Пеллегрини в период амнистирования революционеров в 1905 г.

Такие столкновения служат для выработки общественных ценностей. В идеале участники этих конфликтов должны прибегать

к истинно демократическому арбитражу — воле народа, свободно и мирно выраженной на выборах. Иногда так и происходит, а иногда нет. И тогда приходит время договоров, соглашений, альянсов. Они заключаются по-разному, но обычно стороны несколько отходят от первоначальных позиций, отказываются от амбиций и обязательств с целью разрешения конфликтов, которые в ином случае могут выйти из-под контроля.

Конституция 1853 г. являлась подобным соглашением — формулой примирения враждовавших провинций. Закон Саенса Пеньи также был в определенном смысле компромиссом, консервативный режим как бы говорил радикалам: «Откажитесь от революции и неучастия в выборах, мы гарантируем вам свободу выборов; если вы победите, мы признаем это, а если проиграете, мы будем править совместно». То же самое можно сказать о политических альянсах, основанных на понимании того, что отдельные партии — это части единого целого и, следовательно, они могут при определенных обстоятельствах признать свое сходство с другим частями целого.

Это сочетание конфликтов и гармонии свойственно всей истории Аргентины, и поэтому нужно восхищаться как деятелями, сыгравшими ключевую роль в противостояниях, конфликтах (например, Алемом, де ла Торре), так и теми, кто сумел добиться соглашений и примирения страны (например, Рокой, Ортисом). Из конфликтов и соглашений состоит история Аргентины. Жить в условиях постоянных столкновений невозможно, любое общество в определенный момент требует мира, братства. «Любая нация — это каждодневный плебисцит», — говорил Ренан, и этот плебисцит может основываться лишь на признании состоятельности противника.

Но также нельзя существовать в условиях перманентного соглашения, и это является уроком, который нам дает режим Роки, постепенно деградировавший из-за постоянного дележа власти и аморальности. Так что бывает время, когда нужны цивилизованные столкновения, и также бывает время, когда нужны достойные соглашения. Но нужно иметь в виду следующее: лучшее соглашение — это уважение к конституции и фундаментальным законам. Это базовое соглашение, устанавливающее систему сдержек и противовесов, создающее нерушимые правила игры, дающее способ ведения дел, который со временем приобретает священное значение.

Не стоит бояться столкновений, но нужно стараться, чтобы они не вышли из под контроля. Но также не стоит отвергать гармонию, так как общество — это не что иное, как совокупность гармоний, обычаев, традиций, различных форм выражения своих мыслей, жестов, страхов, предметов гордости, легенд, фантазий, мифов и реальностей. Мудрость народов должна состоять в умении дозировать конфликты, необходимые для прояснения обстановки, и заключать конструктивные и длительные соглашения.

Возможно, это кажется слишком абстрактным и высокопарным. Тем не менее на страницах этой книги много раз речь шла не только о конфликтах, столкновениях, но и о пактах и соглашениях. У Аргентины есть большой опыт в этом вопросе да и история в целом дает нам похожие уроки, которыми необходимо воспользоваться.

Америка и Европа

Теперь обратимся к одной из самых последовательных и устойчивых тенденций, существовавших на этих землях со времен испанского господства и, по-видимому, до наших дней. Я имею в виду стремление интегрироваться в европейскую цивилизацию, соединиться с Европой.

Читатель, вероятно, помнит содержание первых глав, в которых говорилось о борьбе Буэнос-Айреса и жителей Рио-де-Ла-Платы в целом за то, чтобы товары, шедшие в Потоси по невыгодному, длинному и дорогому маршруту, начали проходить через их территории. Эта борьба растянулась на два века, но в конце концов удалось добиться ввоза импортных товаров, предназначенных для рынков Буэнос-Айреса, Тукумана и Верхнего Перу, через Буэнос-Айрес, то есть торговые корабли начали использовать путь, проходивший через Южную Атлантику. Это означало более тесные связи с Испанией и благодаря этому с Европой.

Эта тенденция получила дальнейшее развитие после создания вице-королевства Рио-де-Ла-Плата, принятия Акта о свободной торговле и особенно после 1810 г. Несмотря на отдельные трудности, эта тенденция продолжала развиваться и превратилась в официальную политику аргентинских правительств после битвы при Монте-Касерос. Я еще не упоминал о значении Меморандума Элисальде. Это документ, составленный Руфино де Элисальде,

министром иностранных дел в правительстве Митре, был ответом на приглашение его перуанского коллеги принять участие в Конгрессе в Лиме, целью которого являлось предотвращение враждебных действий, предпринимавшихся некоторыми европейскими державами (речь идет о 1864—1865 гг.) против латиноамериканских государств. Элисалде с почти грубой откровенностью заявил, что у Аргентины мало общего с остальными латиноамериканскими странами и она делает ставку на отношения с Европой. Он также добавил, что у Аргентины очень редко возникали проблемы с европейскими государствами; напротив, в Аргентину прибывали европейские иммигранты и капиталы, и в будущем страна рассчитывает на развитие этой тенденции.

Меморандум Элисалде положил начало политике, проводившейся в течение целого века разными правительствами и в разной международной обстановке. Нужно признать, что в тот момент это была разумная политика. В Аргентине существовали регионы — Куйо, север и северо-запад, — поддерживавшие тесные торговые связи с другими латиноамериканскими государствами или, по крайней мере, с соседними странами. Но по мере того как Аргентина превращалась в экспортера сельскохозяйственных товаров, эти связи ослабевали, и ставка была сделана на Европу.

Повторяю, это была разумная политика, единственная способная принести стране немедленную выгоду. Европа, особенно Великобритания, Франция, Бельгия и Германия, являлась хорошим рынком для аргентинских товаров; кроме того, эти и другие европейские государства давали нам людей, капиталы, технологии, товары и идеи, обогатившие Аргентину во всех смыслах. Что могли предложить Аргентине латиноамериканские страны? Какая торговля могла вестись с этими государствами, многие из которых переживали бесчисленные конфликты и где отсутствовала стабильность?

Однако положение дел начало постепенно меняться после Второй мировой войны. Главный торговый партнер и клиент Аргентины, Великобритания, перестал быть таковым. Европа начала закрываться и препятствовать ввозу аргентинских товаров. Возникла необходимость искать новые рынки. Но в любом случае Аргентина продолжала ощущать себя скорее европейской, чем латиноамериканской страной. Возможно, из-за давних экономических, торговых и финансовых связей, возможно, из-за этнического состава. Мексиканский писатель Карлос Фуэнтес сказал, что

мексиканцы происходят от ацтеков, перуанцы от инков, а аргентинцы приплыли на кораблях. Почти у любого аргентинца есть дедушка или прадедушка, прибывший в страну на корабле, и эти корни не забываются.

Давайте честно признаемся самим себе: мы, аргентинцы, в целом не американцы. Исконно американское едва начинает проглядывать в Кордобе и севернее, где некоторые часовни, лица людей, песни напоминают о доколумбовых временах. Но в своей истории аргентинцы испытали лишь один момент истинной солидарности с латиноамериканскими странами: когда Сан-Мартин пересек Анды и помог достичь независимости Чили и Перу. Все остальное — это пустая риторика, за исключением, быть может, войны за Мальвинские острова. В тот момент (и вне зависимости от того, что эта война была безумием) Аргентину поддерживали только латиноамериканские страны. Европейские государства, с которыми Аргентина ощущала большую эмоциональную близость, повернулись к ней спиной. Хотя я считаю, что у них были все основания поступить так, мне кажется, что в тот момент многие аргентинцы почувствовали то же, что и я: единственная поддержка шла от стран нашего континента, к которым мы так долго были равнодушны...

Что делать сейчас? Я не дипломат и не политик. Я не могу судить о том, каким должно быть положение Аргентины в системе международных отношений, я не знаю, должны ли мы меньше доверять Европе и стараться развивать механизмы, направленные на интеграцию с соседними странами, как это предлагает МЕРКОСУР¹. Я всего лишь хочу отметить, что исторически Аргентина стремилась быть ближе к Европе во всех смыслах. Возможно, следует продолжить это сближение, а может быть, нужно искать другие пути. Быть может, этот странный многополярный современный мир требует более богатого воображения, однако я не готов предложить конкретные решения. Ограничусь демонстрацией тенденций, линий развития, стремлений, свойственных истории Аргентины. Кроме того, это конкретный опыт. Если в материальном мире «ничто не исчезает бесследно, ничто не возникает ниоткуда, все лишь переходит в иное состояние» (А. Лавуазье), то в мире исто-

¹ МЕРКОСУР — Общий рынок Южной Америки, куда входят Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай. В 2006 г. начата процедура вступления в объединение Венесуэлы.

рии, в обществе любой опыт, позитивный и негативный, служит какой-либо цели. Хотя бы для того, чтобы не повторять его.

Можно было бы обратиться ко многим другим константам аргентинской истории, но хотелось бы сказать лишь об одной из них, поскольку она всегда привлекала мое внимание, — о государственном долге.

Уже через четырнадцать лет после начала Майской революции Аргентина, называвшаяся тогда Объединенными провинциями Рио-де-Ла-Платы, взяла первый иностранный кредит, знаменитый заем у фирмы *Baring Brothers*, вошедший в историю как пример бесполезной и дорогой ссуды. С тех пор, за исключением правления Росаса, Аргентина постоянно брала кредиты за границей. Это сделал Уркиса для спасения от банкротства правительства, которое он возглавлял, затем это виртуозно проделал Сармьенто, потом Рока и те, кто правил после него. Перон, позволивший себе роскошь в 1946 г. «репатриировать» внешний долг, через четыре года был вынужден просить у США специальный кредит. Не стоит углубляться в эту тему, достаточно напомнить о чудовищном увеличении суммы внешнего долга в период с 1976 по 1983 г.

Я хочу сказать, что Аргентина почти все время была должна и это также говорит о нашем национальном характере. Можно брать хорошие и плохие кредиты, и Аргентина брала и те и другие. Например, плохими кредитами были те, которые позволили аргентинцам отдыхать в Майами и строить апартаменты в Пунта-дель-Эсте. Хорошими кредитами были те, которые страна получила в конце XIX в., когда для рационального производства в деревне нужно было купить мельницы, семена, изгороди, животных-производителей и т.д. Но фактом остается то, что статус «великого южного должника», как говорил Сармьенто, пародируя гимн Аргентины и забывая, что он сам во многом способствовал росту задолженности, сохранялся на протяжении всей истории страны, несмотря на отдельные нюансы.

Кое-что можно сказать — и на этом я, пожалуй, закончу — о географическом положении Аргентины. Если посмотреть на карту мира, то станет очевидно, что Аргентина находится на периферии, огромные расстояния отделяют ее от других континентов. Даже если взять американский континент, то и здесь Аргентина расположена вдали от центра, на крайнем юге.

Такое расположение имеет свои плюсы и минусы, что видно из аргентинской истории и так же очевидно в наши дни. В коло-

ниальные времена удаленность Аргентины привела к определенному забвению и безразличию со стороны Испании; ситуация начала меняться лишь с приходом Бурбонов. В наши дни аргентинцы не отдают себе отчета в периферийном положении страны. Хотя проблемы мировых держав оказывают влияние на Аргентину, ее жители не сильно беспокоятся об этом, поскольку считают, что они живут вдали от мировых политических ураганов. Такое мироощущение способствовало появлению доктрины нейтралитета, которой Аргентина придерживалась при разных правительствах во время двух мировых войн. Также с удаленностью связана немногочисленность европейских туристов, посещающих страну, и высокие транспортные затраты аргентинского импорта и экспорта (если, конечно, речь идет не о соседних странах).

В то же время географические особенности Аргентины и ее протяженность (более четырех тысяч километров) обеспечивают наличие всех типов климата и возможность организовать любой тип производства, то есть дают аргентинцам шанс с помощью воображения и труда достойно противостоять любым вызовам времени. Более ста лет назад аргентинцы верно осознали, что ключом к успеху страны может стать развитие сельского хозяйства, эксплуатация земли, главного ресурса Аргентины того времени. В наши дни это разнообразие возможностей должно стимулировать изобретательность жителей, нужно отказаться от ставших малорентабельными сфер производства, искать новые пути, новые отрасли, в которых, конечно, пойдут на пользу навыки, приобретенные аргентинцами благодаря системе образования (несмотря на ухудшение его качества): быстрый ум, способность адаптироваться к новым техническим требованиям и открытость всему новому.

Узнать лучше

Итак, мое повествование подходит к концу. Мы начали наш рассказ с первых шагов Аргентины, с ее скромного и далекого происхождения, и закончили событиями новейшей истории. Если взглянуть в прошлое, то можно увидеть, что страна пережила как трудные моменты, так и мирные этапы.

Я старался быть искренним, честно рассказать о событиях и дать им объяснения, которые кажутся мне верными. Известно, что в истории не бывает абсолютной объективности, ибо истори-

ки — это живые люди, родившиеся в определенном месте, получившие определенное образование и разделяющие некие ценности. Историк неизбежно смотрит на вещи субъективно. Но также верно и то, что можно быть честным при анализе событий, и я, поверьте мне, был честен. К тому же должен признать, что написание этой книги доставило мне большое удовольствие.

Я не знаю, что вынесут читатели из этой книги. Для меня как для рассказчика она оказалась очень полезной, поскольку заставила обобщить события и процессы, упростить их, чтобы сделать понятными широкой публике, не обязанной знать всех подробностей этих событий. Возможно, вам, читателям и в некоторой степени соавторам, окажется полезным этот краткий очерк истории Аргентины. Потому что лучше узнать страну, в которой ты родился или живешь, всегда означает полюбить ее чуть больше. И также возможно, что, поняв ее лучше, мы будем более снисходительны к ее недостаткам и одновременно станем больше гордиться ее достижениями, о которых, может быть, мы бы и не узнали, если бы не было истории.

Должен сказать, что изучение истории моей родины всегда усиливает мой врожденный оптимизм. Потому что я вижу, как преодолевались огромные трудности, расхождения и конфликты, проблемы, казавшиеся неразрешимыми. В конце концов решения всегда находились. Так или иначе страна всегда шла вперед. Поэтому я не слишком верю в правительства, но очень верю в Аргентину. В ее чувство справедливости, в способность терпеть, в ее благородное стремление к равенству, в тягу к демократии, в ее разум.

Это не значит быть наивным. Однако я ни в коей мере не пессимист. Поверьте, Аргентина хорошая страна, и мне кажется, что на страницах книги это четко видно. Единственное, что нужно аргентинцам начала XXI столетия, так это стараться быть достойными ее.

Аргентина — поиски места в быстро меняющемся мире

Послесловие

*Владимир Петрович Казаков,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИВИ РАН*

Книга известного аргентинского историка Феликса Луны рассказывает об историческом пути, пройденном Аргентиной с 1536 г., когда здесь появились испанские конкистадоры. Продвигаясь вверх по течению Ла-Платы, они надеялись, что река приведет их в страну добычи серебра, отчего и назвали ее Ла-Плата (по названию реки *Rio de la Plata*; исп. — Серебряная река). Впоследствии и сама страна получила название Аргентина (от лат. *argentum* — серебро).

Конкистадоры были движимы желанием открыть вожаделенную страну сокровищ — Эльдорадо. Но Ла-Плата скоро разочаровала их — здесь не было обнаружено сколько-нибудь значительных месторождений драгоценных металлов. Поэтому на картах испанских королей эта местность значилась как «земли, не приносящие дохода». Среди американских колоний Испании Ла-Плата оказалась второстепенным районом и не пользовалась вниманием метрополии.

Эпоха просвещенного абсолютизма вызвала к жизни административные реформы в испанских колониях. В 1776 г. было образовано вице-королевство Рио-де-Ла-Плата (включало территории совр. Аргентины, Боливии, Парагвая и Уругвая) со столицей в Буэнос-Айресе. Отмена запрета на торговлю с другими колониями способствовала развитию экономики и прежде всего скотоводства. В недрах колониального общества начали зарождаться буржуазные от-

ношения, но их формированию препятствовал колониальный режим. В городах, в первую очередь в Буэнос-Айресе, появилась интеллигенция, недовольная испанским гнетом и испытывавшая влияние Французской революции. В начале XIX в. стал очевиден кризис колониального господства. В 1806—1807 гг. Великобритания, воспользовавшись ослаблением испанской монархии, предприняла интервенцию на земли вице-королевства с целью превращения их в свою колонию. Однако созданные местным населением вооруженные силы изгнали англичан. Эта победа укрепила самосознание жителей колонии и их стремление к независимости.

Двадцать пятого мая 1810 г. в Буэнос-Айресе произошло антииспанское восстание. Патриоты упразднили власть вице-короля и создали временное правительство. События в Буэнос-Айресе получили название Майской революции, которая стала прологом Войны за независимость. В освободительной борьбе, возглавлявшейся Х. де Сан-Мartiном, М. Бельграно, М. Морено, Б. Ривадавией и др., участвовали все слои населения. Девятого июля 1816 г. на конгрессе в городе Тукуман была провозглашена независимость Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы.

В 1820-е годы в процессе становления национального государства возникли два политических течения: федералисты, выступавшие за широкую автономию провинций, и унитарии — сторонники сильной центральной власти. На первых порах победу одержали унитарии. В 1826 г. была принята конституция, согласно которой страна провозглашалась унитарным государством и получила название Аргентинской республики. Лидер унитариев Б. Ривадавия стал первым президентом Аргентины (1826—1827). Принятие унитарной конституции встретило сопротивление со стороны федералистов. В 1827 г. Ривадавия был вынужден уйти в отставку. В развернувшееся гражданской войне унитарии потерпели поражение. Конституция 1826 г. была отменена.

В 1829—1852 гг. Аргентина являлась Конфедерацией провинций. Не было национальной конституции и отсутствовали центральные органы власти. Но фактически все провинции подчинялись Х.М. Росасу — губернатору крупнейшей провинции Буэнос-Айрес, которому провинциальная легислатура предоставила неограниченную власть. Кроме того, провинции доверили ему ведение внешнеполитических дел. Таким образом, в отношениях с другими странами и народами Росас представлял в качестве официального главы Аргентинской конфедерации.

В период диктатуры Х.М. Росаса, так в историографии обычно называют его правление (1835—1852), экономическим центром страны стал степной регион Пампа во главе с Буэнос-Айресом. Образовалось ядро, вокруг которого сложилось аргентинское государство. Формированию национальной общности способствовала борьба в защиту национального суверенитета, которую вел Росас против французской (1838—1840) и англо-французской (1845—1850) блокады Буэнос-Айреса.

Против диктатуры Росаса выступали представители интеллигенции — «поколение 1837 года» — Э. Эчеверрия, Х.Б. Альберди, Д.Ф. Сармьенто, Б. Митре, ратовавшие за организацию страны на либеральных принципах. Противоречия с Росасом имели также правящие круги прибрежных провинций во главе с губернатором провинции Энтре-Риос Х.Х. Уркисой. Войска Уркисы в союзе с Парагваем и Бразилией в феврале 1852 г. в битве при Монте-Касерос разбили армию Росаса, который затем эмигрировал в Англию.

Принятие либеральной конституции в 1853 г. и окончательная консолидация национального государства во второй половине XIX в. ускорили экономическое развитие Аргентины. Правительства всех президентов Х.Х. Уркисы (1854—1860), С. Дерки (1860—1862), Н. Авельянеды (1874—1880), Х.П. Рока (1880—1886, 1898—1904), М. Хуареса Сельмана — К. Пеллегрини (1886—1892), Л. Саенс Пенья — Х.Э. Урибуру (1892—1898), М. Кинтаны — Х.Ф. Алькорты (1904—1910), Р. Саенс Пенья — В. де Ла Пласа (1910—1916) — будущее Аргентины связывали с созданием нации на основе массовой европейской иммиграции и развитием производительных сил путем привлечения иностранного капитала. Аргентина превратилась в динамично развивающуюся страну, став наиболее богатым государством Латинской Америки. Экономический рост шел в рамках агро-экспортной модели (экспорт сельхозпродуктов в обмен на импорт промтоваров из Западной Европы, главным образом Англии). Львиная доля иностранных капиталовложений приходилась на Великобританию, и Аргентину называли «неформальной частью Британской империи». Вместе с британским капиталом экономику страны контролировала аграрная олигархия, чьи интересы представляли консерваторы. До 1912 г. в Аргентине существовал олигархический режим. Широкие слои населения были отстранены от участия в политической жизни.

Внешняя политика Аргентины наряду с пробританской ориентацией отличалась относительной независимостью в межамери-

канских делах. Аргентина возглавляла оппозицию США на панамериканских конференциях и выступала инициатором разработки «международного латиноамериканского права», призванного вооружить государства региона средствами международно-правовой защиты от иностранных интервенций и создать арбитражный суд для мирного урегулирования возникавших между ними споров. Крупнейшей акцией в этом направлении стала т.н. доктрина «Кальво-Драго».

Бурное экономическое развитие, усложнение социально-классовой структуры (появление рабочего класса, фермерства, городских средних слоев, зачатков промышленной буржуазии) привели к подрыву олигархического режима. В ходе кризиса 1890 — 1893 гг. началось широкое антиолигархическое движение под лозунгом демократизации и обновления общества, возникла первая массовая политическая партия — Гражданский радикальный союз (ГРС) или радикальная партия. Первые рабочие федерации, возникшие в конце XIX в., находились под влиянием как анархистов, так и социалистов — членов созданной в 1896 г. Социалистической партии (СПА). В 1912 г. возникла Аргентинская аграрная федерация (ААФ), объединившая фермеров-арендаторов. В 1910 г. президент Р. Саенс Пенья выступил инициатором проведения избирательной реформы. В 1912 г. был принят закон о всеобщем избирательном праве, получивший имя президента-инициатора. Закон Саенса Пеньи ознаменовал переход от олигархического к демократическому режиму.

В 1916 — 1930 гг. у власти находились радикалы. Лидер ГРС, президент И. Иригойен (1916 — 1922 и 1928 — 1930) проводил политику реформ, стремясь к «классовой гармонии» и «национальной солидарности». Правительство Иригойена отказалось от участия в Первой мировой войне, а затем в Лиге Наций, осудило интервенционистскую политику США в Центральной Америке. Подавив выступление рабочих («трагическая неделя» в январе 1919 г.) и одновременно удовлетворив ряд их требований, радикалы попытались интегрировать рабочий класс в существующую систему. Иригойен поддержал движение студентов за университетскую реформу в 1918 г., положившую начало демократизации высшей школы. В экономической сфере радикалы взяли курс на вмешательство государства в экономику. Борьба за национализацию нефти придала всему правительственному курсу националистическую окраску. В условиях начавшегося кризиса в 1930 г. оппозиционные группи-

ровки в армии во главе с генералом Х.Ф. Урибуру совершили военный переворот, реставрировав власть земельной олигархии.

Период 1930 — 1943 гг. вошел в историю Аргентины как «позорное десятилетие». На смену военной диктатуре Х.В. Урибуру пришли олигархические правительства Х. Хусто (1932 — 1938), Р. Ортиса (1938 — 1940), Ф. Кастильо (1940 — 1943), проводившие политику подавления демократических свобод и уступок британскому капиталу. В 1933 г. было заключено торговое соглашение с Англией, известное как «пакт Рока — Ренсимен». ГРС после смерти Иригойена не смог выработать альтернативный курс. Кризисом партийно-политической системы в 1943 г. воспользовались националистически настроенные военные, среди которых ведущую роль играл полковник Х.Д. Перон, и совершили военный переворот, отстранивший олигархию от власти.

В условиях кризиса агроэкспортной модели в 1930 — 40-е гг. вернулся процесс «импортзамещающей индустриализации» — замене импорта промышленных товаров их производством в стране. Аргентина превратилась в аграрно-индустриальную страну. Импортзамещающая индустриализация способствовала росту промышленной буржуазии, которая стала претендовать на политическую власть. Возникло массовое националистическое движение, получившее по имени своего создателя Х.Д. Перона название перонистского. Перон выдвинул концепцию «хустисиализма» (справедливости), проповедовавшую объединение аргентинской нации во имя ликвидации зависимости и построения «социально справедливой, политически суверенной и экономически независимой» Аргентины с участием всех слоев под эгидой надклассового государства. «Хустисиализм» выдавался за особый, некапиталистический и несоциалистический, третий путь развития. В результате выборов 1946 г. Перон занял пост президента (в 1952 г. переизбран на второй срок), установив режим личной власти. В 1949 г. была принята новая конституция в духе хустисиалистской доктрины. Опорой режима стала созданная перонистская (хустисиалистская) партия, куда были включены подчиненные верховному вождю Перону профсоюзные, женские и молодежные организации. Правительство Перона провело ряд реформ (национализация железных дорог, кредитно-банковской системы, внешней торговли). Была создана национальная система социального обеспечения. В результате повышения реальной заработной платы произошло перераспределение национального дохода в пользу трудящихся. Провозглашенная Пероном «тре-

тъя позиция» в международных делах — не примыкать ни к СССР, ни к США, а в случае мирового конфликта находиться в западном лагере — была попыткой укрепить внешнеполитические позиции Аргентины, лавируя между двумя мировыми социально-политическими системами. Начавшийся экономический кризис привел к свержению Перона в результате военного переворота 1955 г. На смену перонистской коалиции (национальная буржуазия и рабочий класс) к власти пришел блок крупной промышленной буржуазии, аграрной олигархии и иностранного капитала.

Военные правительства Э. Лонарди и Х.А. Арамбуру (1955 — 1958) взяли курс на полную «деперонизацию», отменили действие конституции 1949 г. и запретили перонистскую партию. Была восстановлена конституция 1853 г. Отмена социальных завоеваний вызвала сопротивление рабочих, усилила их симпатии к свергнутому Перону. Перонизм не был разрушен и сохранил значительное влияние среди трудящихся. Правительству ГРС непримиримых (образовался в 1957 г. в результате раскола ГРС на «ГРС непримиримых» и «ГРС народа») президента А. Фрондиси (1958 — 1962) не удалось установить контроль над перонистскими массами. Политика развития — «десаролизм» — проводившаяся за счет трудящихся, вызвала волну забастовок и смещение Фрондиси военными. Правительство ГРС народа президента А. Илья (1963 — 66) пыталось проводить независимую политику (аннулировало нефтяные контракты с США, отмежевалось от войны США во Вьетнаме) и отказалось применить репрессии в отношении перонистских профсоюзов. Илья был свергнут в результате очередного военного переворота. Пришедшие к власти военные во главе с генералом Х.К. Онганиа установили режим «аргентинской революции» (1966 — 1973). Были ликвидированы институты представительной демократии и запрещена деятельность политических партий. Режим пытался осуществить правоавторитарный вариант модернизации. Падение жизненного уровня населения вызвало массовые выступления против диктатуры и народное восстание в Кордове в мае 1969 г. («Кордобасо»). Оказавшись в изоляции, военные объявили о возвращении к конституционному режиму. В 1973 г. в Аргентине после 18-летнего изгнания вернулся Перон, в том же году избранный президентом. Как и в период своего первого правления Перон стремился проводить политику в русле «Третьего пути». Смерть Перона в 1974 г. вызвала глубокий кризис перонистского движения. В 1976 г. произошел новый военный переворот.

Военная хунта (генералы Х.Р. Видела, Р. Виола, Л. Гальтиери) распустила Национальный конгресс, «временно приостановила» деятельность политических партий и провозгласила проведение процесса «национальной реорганизации». Основываясь на «доктрине национальной безопасности» и концепции «внутренней войны» военные развернули террор против левоперонистских вооруженных организаций «Монтонерос», РНА и уничтожили их. В результате «грязной войны» «без вести» пропали от 8 до 30 тысяч человек. Экономический курс военного режима основывался на постулатах монетаризма. В начале 1980-х гг. Аргентина оказалась ввергнутой в глубокий социально-экономический кризис. Кульминацией борьбы против диктатуры явилась всеобщая забастовка в марте 1982 г. Чтобы отвлечь внимание растущей оппозиции военная хунта в апреле 1982 г. пошла на занятие Мальвинских (Фолклендских) островов, захваченных Великобританией в 1833 г. Однако поражение в войне с Англией привело к падению не только очередной военной диктатуры, но и покончило с вмешательством армии в политику.

В 1983 г. произошел переход к демократической форме правления. В 1994 г. была реформирована конституция 1853 г.: сокращен срок полномочий президента с 6 до 4 лет, разрешено повторное переизбрание, расширены полномочия Национального конгресса, введена должность главы кабинета министров, назначаемого президентом, но ответственного перед парламентом. Правительство радикалов Р. Альфонсина (1983 — 1989) укрепило демократические институты, но не смогло справиться с экономическим кризисом. Сменивший в 1989 г. Альфонсина на посту президента перонист К. Менем (переизбран на второй срок в 1995 г.) вместо «хустисиализма» стал проводить неолиберальный курс. Неолиберальная экономическая модель, принеся среднесрочные позитивные результаты, не смогла создать условия для устойчивого роста и сопровождалась значительными социальными издержками. На выборах 1999 г. победу одержал оппозиционный блок во главе с радикалом Ф. Де ла Руа. Начавшийся в конце 1990-х экономический кризис завершился в декабре 2001 г. финансовым крахом и социальным взрывом. Де ла Руа ушел в отставку. За одну неделю в Аргентине сменилось пять президентов. В январе 2002 г. исполняющим обязанности президента стал Э. Дуальде. На состоявшихся в мае 2003 г. выборах президентом Аргентины был избран перонист Н. Киршнер.

После свержения Перона Аргентина ратифицировала устав ОАГ, вступила в МВФ, Всемирный банк, следовала в фарватере американской политики. С восстановлением демократического режима активизировалась внешняя политика Аргентины. В 1984 г. президент Р. Альфонсин стал одним из учредителей «Делийской шестерки» за ядерное разоружение и разрядку международной напряженности. Аргентина принимала активное участие в Движении неприсоединения (формальное членство с 1973 г.), высказалась за решение спора о принадлежности Мальвинских островов путем переговоров, за интеграционный союз с Бразилией. Приход К. Менема ознаменовался отказом от «Третьего пути» и поиском сотрудничества с высокоразвитыми державами и международными организациями. В 1991 г. Аргентина вышла из Движения неприсоединения, стремясь к максимальному сближению с США и странами Запада. В 1991 г. совместно с Бразилией, Уругваем и Парагваем подписала соглашение о создании Общего рынка Юга Америки (МЕРКОСУР). Аргентина ратифицировала договор Тлателолько 1967 г. о превращении Латинской Америки в зону свободную от ядерного оружия. Получила статус стратегического союзника США.

Попытка Аргентины на исходе XX в. порвать с «третьим миром» и перейти в «первый», взяв на вооружение либеральные методы управления экономикой, а в политической области — курс на выстраивание союзнических отношений с США и НАТО, завершилась провалом, страна оказалась отброшенной назад.

Протестный общественный взрыв в декабре 2001 г. покончил с неолиберальной политикой и вынудил правящий класс приступить к видоизменению рыночных реформ 1990-х годов.

Политика президентов-перонистов Н. Киришнера (2003 — 2007) и К.Ф. де Киришнер (с 2007 г. по настоящее время) привела к отходу от либерализма, активному участию государства в экономике и оставила в стороне монетаристские методы. Существенные сдвиги произошли и во внешнеполитическом курсе. В отношениях с США было покончено с существовавшим при Менеме стратегическим партнерством. Приоритетным направлением продолжает оставаться укрепление МЕРКОСУР. Не снят с повестки дня вопрос о Мальвинских островах.

Происшедшие за последние годы изменения во внутренней и внешней политике Аргентины свидетельствуют, что страна вступила в период крупных сдвигов, которые и определяют ее будущее.

Хронологическая таблица

1516 г.	Открытие эстуария Рио-де-Ла-Платы экспедицией испанского мореплавателя Солиса
1526 – 1527 гг.	Экспедиция испанского мореплавателя Себастьяна Кабота на Ла-Плату
1527 г. (июнь)	Основание форта Санкти-Спиритус, первого поселения испанцев на Ла-Плате
1536 – 1537 гг.	Экспедиция Педро де Мендосы на Ла-Плату
1536 г. (февраль)	Основание поселения Пуэрто-Санта-Мария-де Буэнос-Айрес — будущей столицы Аргентины Буэнос-Айреса
1543 г.	Экспедиция Диего де Рохаса из Перу, положившая начало испанскому завоеванию северо-западной части современной Аргентины
1550 г.	Основание первого поселения на северо-западе — Дель Барко
1561 г.	Основание Мендосы
1562 г.	Основание Сан-Хуана
1563 г.	Создание губернаторства Тукуман
1563 г.	Основание Сан-Луиса
1573 г.	Основание Санта-Фе и Кордовы
1580 г. (июнь)	Вторичное основание Буэнос-Айреса
1580 г.	Восстание креолов в Санта-Фе
1609 г.	Королевский указ, разрешавший иезуитам создавать миссии
1612 г. (январь)	Издание «Законов Альфаро» официально запретивших бесплатные повинности индейцев

1617 г.	Образование на территории Ла-Платы двух губернаторств: Буэнос-Айрес и Парагвай
1680 г.	Основание города Колониа-де-Сакраменто
1713 г.	Получение Англией по Утрехтскому мирному договору монополии на ввоз негров-рабов на Ла-Плату и другие колонии Испании
1776 г.	Создание вице-королевства Рио-де-Ла-Платы
1778 г.	Предоставление Буэнос-Айресу права свободной торговли с метрополией
1780 — 1781 гг.	Восстание индейцев Перу во главе с Тупак Амару
1785 г.	Открытие Королевской Аудиенсии в Буэнос-Айресе
1794 г.	Образование «консуладо» — торговой палаты в Буэнос-Айресе
1806 — 1807 гг.	Английская интервенция на Ла-Плате
1810 г. (25 мая)	Образование «Временной правительственной хунты Рио-де-Ла-Платы». Майская революция
1810 г. (ноябрь)	Битва при Суипача
1811 — 1812 гг.	Первый Триумвират
1812 — 1813 гг.	Второй Триумвират
1812 г. (сентябрь)	Битва при Тукумане
1813 г.	«Ассамблея XIII года»
1813 г. (февраль)	Битва при Сальте
1816 г. (24 марта)	Открытие Тукуманского конгресса
1816 — 1819 гг.	Годы правления Х.М. Пуэйрредона
1816 г. (9 июля)	Провозглашение независимости Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы 1817 г. (январь) Начало Андского похода Х. де Сан-Мартина
1817 г. (18 февраля)	Битва при Чакабуко
1818 г. (15 апреля)	Битва при Майпу
1819 г. (апрель)	Принятие конституции Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы
1821 — 1823 гг.	Реформы Б. Ривадавии в провинции Буэнос-Айрес

1822 г. (март)	Признание независимости Рио-де-Ла-Платы США
1825 г. (2 февраля)	Подписание договора о дружбе и торговле с Англией
1825 — 1827 гг.	Президентство Б. Ривадавии
1826 г. (24 декабря)	Принятие конституции Аргентинской республики
1829 — 1852 гг.	Существование аргентинской конфедерации
1835 — 1852 гг.	Правление Х.М. Росаса
1838 г.	Образование общества «Молодая Аргентина» («Майская ассоциация»)
1838 — 1840 гг.	Французская блокада Буэнос-Айреса
1845 — 1850 гг.	Англо-французская блокада
1851 г. (25 ноября)	Договор о союзе Бразилии, Парагвая, Энтре-Риос и Корриентеса против Росаса
1852 г. (3 февраля)	Поражение войск Росаса при Монте-Касерос
1852 — 1854 гг.	Правление Х.Х. Уркисы
1852 г. (31 марта)	«Соглашение Сан-Николас»
1852 г. (11 сентября)	Восстание в Буэнос-Айресе («Сентябрьская революция»)
1852 — 1862 гг.	Раздельное существование Буэнос-Айреса и Конфедерации
1853 г. (1 мая)	Принятие Конституции Аргентинской Нации
1853 г. (10 июля)	Соглашение с Великобританией, Францией и США о свободной навигации на реках Парана и Уругвай
1854 — 1860 гг.	Президентство Х.Х. Уркисы
1859 г. (23 октября)	Сражение при Сенеде
1860 — 1862 гг.	Президентство С. Дерки
1861 г. (17 сентября)	Сражение при Павоне
1862 г.	Распад Конфедерации и создание единого государства
1862 — 1868 гг.	Президентство Б. Митре
1865 — 1870 гг.	Парагвайская война
1868 — 1874 гг.	Президентство Д.Ф. Сармьенто
1869 г.	Первая перепись населения
1874 — 1880 гг.	Президентство Н. Авельянеды

1878 г.	Создание «Типографского союза», забастовка типографских рабочих — первая забастовка в истории Аргентины
1879 г.	«Завоевание пустыни» — военная экспедиция генерала Х.А. Рока против индейцев
1880 г. (20 сентября)	Федерализация Буэнос-Айреса
1880 — 1886 гг.	Президентство Х.А. Рока
1885 г.	Установление дипломатических отношений между Аргентиной и Россией
1886 — 1890 гг.	Президентство М. Хуареса Сельмана
1890 г. (июль)	Вооруженное восстание в Буэнос-Айресе против правительства М. Хуареса Сельмана
1890 — 1892 гг.	Президентство К. Пеллегрини
1891 г. (июль)	Образование Гражданского радикального союза (ГРС) — радикальной партии
1892 — 1895 гг.	Президентство Л. Саенса Пенья
1893 г.	
(июль — сентябрь)	Вооруженное восстание радикалов
1895 — 1898 гг.	Президентство Х.Э Урибуру
1896 г. (29 июня)	Создание социалистической партии
1898 — 1904 гг.	Второе президентство Х.А. Рока
1902 г. (декабрь)	Провозглашение «Доктрины Драго»
1904 — 1906 гг.	Президентство Э. Кинтана
1905 г. (4 февраля)	Вооруженное восстание радикалов под руководством И. Иригойена
1906 — 1910 гг.	Президентство Х.Ф. Алькорта
1910 — 1914 гг.	Президентство Роке Саенс Пенья
1912 г. (10 февраля)	«Закон Саенса Пенья» о всеобщем избирательном праве
1912 г. (15 августа)	Создание Аграрной федерации Аргентины
1914 — 1916 гг.	Президентство В. Ла Пласа
1916 — 1922 гг.	Первое президентство И. Иригойена
1919 г. (7 — 15 января)	Всеобщая забастовка в Буэнос-Айресе. «Трагическая неделя»
1921 г.	Всеобщая забастовка батраков Патагонии
1922 — 1928 гг.	Президентство М.Т. Альвеара
1928 — 1930 гг.	Второе президентство И. Иригойена
1930 г. (6 сентября)	Военный переворот. Х.Ф. Урибуру
1930 — 1931 гг.	Диктатура Х.Ф. Урибуру
1932 — 1938 гг.	Президентство А.П. Хусто

1933 г.	Пакт Рока — Ренсимен
1938 — 1941 гг.	Президентство Р.М. Ортиса
1941 — 1943 гг.	Президентство Р.С. Кастильо
1943 г. (4 июня)	Военный переворот
1943 — 1944 гг.	Временное президентство П. Рамиреса
1944 — 1946 гг.	Президентство Э. Фарреля
1944 — 1945 гг.	Правительство Э. Фарреля — Х.Д. Перона
1945 г. (17 марта)	Объявление войны Германии и Японии
1945 г. (октябрь)	Мятеж генерала Х.В. Авалоса. Арест Х.Д. Перона
1945 г. (17 октября)	Массовые выступления рабочих в поддержку Перона
1946 — 1952 гг.	Первое президентство Х.Д. Перона
1946 г. (6 июня)	Установление дипломатических отношений с СССР
1947 г. (сентябрь)	Предоставление избирательных прав женщинам
1947 г. (декабрь)	Образование Перонистской (Хустисиалистской) партии
1949 г. (март)	Принятие перонистской конституции
1952 — 1955 гг.	Второе президентство Х.Д. Перона
1953 г. (август)	Подписание торгового и платежного соглашения между Аргентиной и СССР
1955 г. (сентябрь)	«Освободительная революция» — свержение военными Х.Д. Перона
1955 г. (сентябрь — ноябрь)	Правление Э. Лонарди
1955 — 1958 гг.	Временное президентство Х. Арамбуру
1958 — 1962 гг.	Президентство А. Фрондиси
1962 г. (март)	Смещение военными А. Фрондиси
1962 — 1963 гг.	Временное президентство Х.М. Гидо
1963 — 1966 гг.	Президентство А.У. Илья
1966 г. (28 июня)	Военный переворот
1966 — 1973 гг.	Режим «аргентинской революции»
1969 г. (май)	«Кордобасо» — народное восстание против военной диктатуры в Кордобе
1966 — 1970 гг.	Правление генерала Х.К. Онгания
1970 — 1971 гг.	Правление генерала Р.М. Левингстона
1971 — 1973 гг.	Правление генерала А.А. Лануссе
1973 — 1976 гг.	Второе перонистское правление

1973 г. (май — июль)	Президентство Э. Кампоры
1973 г.	
(июль — октябрь)	И.о. президента Р. Ластири
1973 — 1974 гг.	Президентство Х.Д. Перона
1974 — 1976 гг.	Президентство М.Э. Мартинес де Перон
1976 г. (24 марта)	Военный переворот
1976 — 1983 гг.	Режим «национальной реорганизации»
1976 — 1981 гг.	Правление Х.Р. Виделы
1981 г.	
(март — декабрь)	Правление Р.Э. Виолы
1981 — 1982 гг.	Правление Л. Гальтиери
1982 г.	
(апрель — июнь)	Мальвинский (Фолклендский) конфликт
1982 — 1983 гг.	Правление Р. Биньоне
1983 г. (октябрь)	Восстановление демократии
1983 — 1989 гг.	Президентство Р. Альфонсина
1989 — 1999 гг.	Президентство К. Менема
1991 г.	Создание Общего рынка Юга Америки (МЕРКОСУР) в составе Аргентины, Бразилии, Уругвая и Парагвая
1994 г.	Конституционная реформа
1999 — 2001 гг.	Президентство Ф. Де ла Руа
2001 г. (декабрь)	Социально-политический кризис; отставка Де ла Руа
2001 г. (декабрь)	Временное президентство А.Р. Саа
2002 — 2003 гг.	Президентство Э. Дуальде
2003 — 2007 гг.	Президентство Н. Киршнера
2007 г. — наст. время	Президентство К. Фернандес де Киршнер

Лу́на Ф.

Л 84 Краткая история аргентинцев / Феликс Лу́на; пер. с исп. — М.: Издательство «Весь Мир», 2010. — 280 с. (Национальная история)
ISBN 978-5-7777-0491-7

К двухсотлетию юбилею обретения независимости Аргентины издательство «Весь Мир» приурочило издание на русском языке книги выдающегося аргентинского историка, журналиста, писателя и поэта Феликса Лу́ны (1925—2009). Автор многочисленных работ по истории своей страны, Лу́на написал эту сравнительно небольшую книгу, не ставя своей задачей детальное описание аргентинской истории. Его главной целью было изучение истории становления аргентинского народа, выявление основных тенденций исторического развития молодой и энергичной страны. Книга Лу́ны ярко характеризует историческое самосознание аргентинцев — самого «европейского» из народов Латинской Америки, обретшего, тем не менее, свой неповторимый облик и характер. Послесловие к книге написано известным отечественным специалистом по истории Аргентины д.и.н В.П. Казаковым.

УДК 94(82)
ББК 63.3(7Арг)

Национальная история

Феликс Луна

Краткая история аргентинцев

Редактор *О.А. Зимарин*
Младший редактор *Е.А. Игнатенко*
Художник *Е.А. Ильин*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор *И.В. Леонтьева*
Карты: *С.А. Голодко*

Подписано в печать 24.08.2010. Формат 60 х 90 ¹/₁₆

Печать офсетная. Гарнитура BalticaC.

Печ. л. 17,5. Тираж 2000 экз. Изд. № 06/10-и

Зак. № О-1205.

ООО Издательство «Весь Мир»

Адрес: 117342, Москва,

ул. Бутлерова, д. 17б

Тел.: (495) 739-09-71

Факс: (495) 334-85-91

E-mail: info@vesmirbooks.ru;

<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в Филиале ОАО «ТАТМЕДИА» ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0491-7

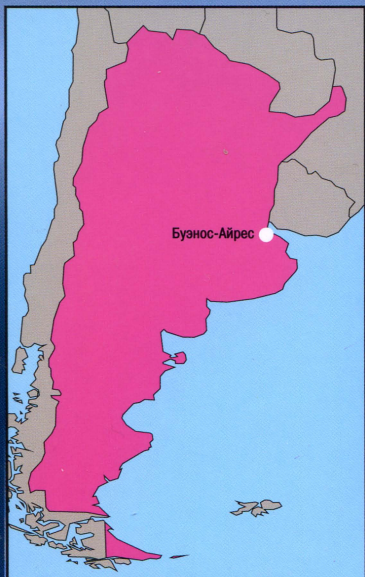

9 785777 704917

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АРГЕНТИНЦЕВ

Аргентинская Республика

СТОЛИЦА	Буэнос-Айрес (12 млн чел.)
ПЛОЩАДЬ	2,78 млн кв. км
НАСЕЛЕНИЕ	41 млн чел.
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ	белые 97%, метисы и остальные 3%
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ	80 лет (женщины) 73 лет (мужчины)
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК	испанский
ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ	католики (92%)
ДЕНЕЖНАЯ ЕДИНИЦА	аргентинский песо
ВНД НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ	13,8 тыс. долл. США

Аргентинская пампа

Хулио Кортасар (1914–1984) – один из самых знаменитых писателей и поэтов XX века